

Р.Г. Илаев

*Я служил на
флоте...*

Владикавказ

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Руслан Георгиевич Илаев

Я служил на флоте

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=70371439

SelfPub; 2024

Аннотация

Книга состоит из шестнадцати рассказов. Рассказы написаны в подчеркнуто гротескном изложении, с острокомедийными ситуациями и с изрядной долей самоиронии. Действия рассказов происходят в Нижнем Новгороде, Севастополе, Средиземном море и Ленинграде в период развитого социализма и его внезапного заката. Автор дает широкий охватывающий анализ службы офицеров в ВМФ СССР и в повседневных житейских условиях, что делает книгу интересной для широкого круга читателей.

Содержание

В Нижнем Новгороде	4
Один день из флотской жизни	13
Возмездие	19
Чеченец	49
Пятница, 13- ое	59
Операция	75
В гостинице "Советская"	89
Я служил на флоте	99
Либерзон	107
Депутат Кронштадта	116
В сауне	130
Лингвистика	143
Илаевский ряд	154
Мичман «Фантомас»	162
Криминальный Кронштадт	176
Слуга народа	185
Биография	194

Руслан Илаев

Я служил на флоте

В Нижнем Новгороде

В Нижнем Новгороде, в Сормовском районе, на улице Двадцать второго партсъезда, бывшей Сталина, на втором этаже двухэтажного дома идет закрытое совещание. Закрытое не только из-за того, что входная дверь заперта на ключ, а потому, что присутствующие обсуждают общий интерес, не касающийся других.

Семь слушателей военно-медицинского факультета при Горьковском медицинском институте диспутировали о предстоящих выпускных – государственных экзаменах. Все семеро столкнулись с одной и той же проблемой, все как один получили "неудовлетворительно" по научному коммунизму, – был такой предмет в советский период. Зачеты ни один из них не сдал, следовательно, и к экзаменам они допущены не будут. Не сдал экзамены – исключение из факультета. Тут было, о чем призадуматься. Перебрали десятки вариантов. Но все было не то. В ходе дебатов один из присутствующих вдруг спросил:

– А она замужем?

– Кто именно? – поинтересовался Асланов, хозяин квартиры.

– Лардюкова – ответил Тулпаров.

Лардюкова Людмила Георгиевна – заведующая кафедрой научного коммунизма и философии, причина и источник всех их бед, красивая молодая женщина тридцати пяти лет. Тамик пояснил:

– У нас другого выхода не осталось, как переспать с ней. Иначе полетим мы домой, в Осетию, как фанера над Парижем.

– А ведь Тамик прав, – поддержал Тулпарова Асланов, – куда ей после этого деться, она же не дура, будет огласки бояться, и проблему нашу решим малой кровью и на чужой территории.

Все оживились, вариант понравился, возражений не было.

– Ну а кто исполнителем будет? – Спросил Мартюшов. – С моим фейсом мне явно не потянуть.

Все весело переглянулись, действительно, по внешности он мало чем отличался от примата, но вот голова Мартюшова на редкость светлая и всегда полна умных идей. Все молча уставились на Асланова.

– А кому, если не тебе, Руслан, – начал Алботов, – у тебя рост, и женщинам ты нравишься умеешь, а мы поможем, чем можем. Деньгами я имею в виду. Времени у нас неделя осталась. Ну что, сможешь?

– Попробовать можно, – согласился Асланов, – терять нам

нечего, а так хоть шанс какой-то есть. Я согласен в принципе, завтра и начну подход к ней искать.

На следующий день после занятий Асланов вошел в здание кафедры с твердым намерением добиться успеха, помнил – осталась неделя. На втором этаже обнаружил дверь с табличкой "Заведующая кафедрой научного коммунизма и марксистско-ленинской философии, доцент Лардюкова Людмила Георгиевна". Постучал в дверь и, не дожидаясь ответа, вошел в кабинет. У противоположной стены за письменным столом сидела молодая женщина в парике пепельного цвета. Людмила Георгиевна подняла голову, умные пытливые глаза оценивающе рассмотрели его. Асланов не торопился, спешить было некуда, задача стояла уже известная, и надо было начинать с беспроигрышного и верного хода. Это как в шахматы играть, белыми первым начинал Асланов:

– Здравствуйте, Людмила Георгиевна, слушатель шестого курса Асланов Руслан Георгиевич, – представился Асланов. – Разрешите с Вами поговорить, я у Вас много времени не займу.

Людмила Георгиевна, откинувшись на кресле, молча разрешила. Асланов продолжил:

– Для меня нет сложнее Вашего предмета, а мне хотелось бы хорошо сдать его, ибо он мне очень нравится. Нельзя ли получить от Вас консультативную помощь индивидуального характера? Я прилежный ученик и постараюсь вникнуть во все то, что Вы мне дадите, меня устраивает любое время,

которое Вы назовете. Людмила Георгиевна, я весь в Вашем распоряжении.

"Куда еще откровеннее, – подумал Асланов, – вроде начало неплохое".

– Времени у меня нет заниматься с Вами индивидуально, – ответила Людмила Георгиевна, смутившись, – группа факультативная набрана, приходите вместе с ней. Вот горло болит, говорить трудно...

– А покажите- ка мне свое горло, Людмила Георгиевна, – Руслан, не спрашивая разрешения, берет Лардюкову двумя руками за голову. – Откройте рот!

От неожиданности Людмила Георгиевна послушно запрокидывает голову и приоткрывает рот.

– Мда..., сказать, что у Вас ангина, не соглашусь, но небольшое покраснение имеется. Надо пополоскать горло содой или фурацилином.

Стиснув ее голову руками, Асланов целует открытый рот, в течение нескольких минут его язык изучает ротовую полость доцентши. Лардюкова густо краснеет, но вырваться не пытается. Через три минуты наступает передышка, постучали в дверь. Губы Асланов успел убрать, но голова Людмилы Георгиевны в его руках осталась, не успел их отнять. Вошел заместитель. Он остолбенел, увидев, что голова заведующей кафедры в руках у незнакомого слушателя в морской форме, к тому же пол- лица его размазано помадой.

– Виктор Петрович, – нашлась Людмила Георгиевна, – я

ангиной приболела, и Руслан Георгиевич меня консультирует.

– Да, да, конечно, я попозже найду, – Виктор Петрович исчезает за дверь.

– Ну что Вы меня компрометируете, Руслан Георгиевич, перед коллегами, – начала сурово Лардюкова, затем рассмеялась, – ну ты даешь, хорошо, будем индивидуально заниматься. А сейчас уходи, а то всех подчиненных распугаешь. Нет, подожди. Достает из сумочки платочек и тщательно вытирает губы, щеки и подбородок Руслана.

– Зайдешь за мной вечером в пять часов? Сможешь или нет времени?

– Смогу, – утвердительно отвечает Асланов, не отводя своих нахальных глаз.

В общежитии факультета он разыскал земляков. Подробно рассказал о первой встрече с Лардюковой, выслушал массу советов о дальнейшей рекогносцировке и предполагаемых действиях.

– Побеждает тот, у кого крепче нервы, – изрек назидательно Алботов, понимая, что свою кожаную куртку он в ближайшие дни не увидит, как и Тулпаров – свои позолоченные наручные часы. Все оживились, появилась надежда допуска на государственные экзамены.

"Главное – не спугнуть раньше времени", – думал Асланов, полагаясь все же больше на свою интуицию, чем на советы друзей. В коридоре кафедры присел на стул, как раз на-

против ее кабинета, намеренно не ставя ее в известность о своем приходе. В шестом часу в дверях появилась недовольная Людмила Георгиевна, на ее лице – выражение досады. В зеленом элегантном пальто, плотно облегающем фигуру. Увидев Асланова, зло усмехнулась:

– Что же ты не зашел? Сажу и жду тебя как дура!

– Скромн я в быту, – пошутил Асланов, прижав ее руку к себе.

– Отпусти, кто-нибудь увидит, – прошептала примирительно, а сама прижалась к нему телом. Руку Руслан уже не отпускал всю дорогу до стоянки такси, непрерывно смешил ее анекдотами. Такси на стоянке не было, зато была очередь во главе с двумя молодыми подвыпившими мужчинами. Подруга Асланова явно расстроилась из-за внушительного хвоста очереди. Подъехало такси. Асланов решительно направился к машине, подталкивая слегка упирающуюся Людмилу Георгиевну. К такси подошли и двое мужчин:

– Куда лезешь без очереди, не видишь, мы первые?!

В голове Асланова мгновенно возник план. Зыркнув глазами вокруг себя и убедившись, что милиционеров поблизости нет, нанес поочередно два мощных удара в челюсть одному и другому. Распахнул дверь и втиснул на заднее сидение спутницу. Сам присел рядом и вежливо попросил водителя отвезти их по адресу. Людмила Георгиевна, восхищенная увиденным, молчала, прижавшись к нему.

Минут через пятнадцать оказались у ее дома, Руслан рас-

платился. Лардюкова проживала в частном доме с матерью. Вошли в дом. Асланов был представлен как друг Людмилы Георгиевны, что, кстати, никого не удивило. Видимо, мужчины были частыми гостями у молодой разведенной женщины.

Вовремя ужина Асланов обратил внимание, что сплошь и рядом на стенах висели фотографии и портреты Муслима Магомаева. Чувствовалось, что в этом доме любили "звезду" советской эстрады. Ярый фанат, Людмила Георгиевна могла бросить все: работу, мужа – выехать на его концерт в любое время года, дня и ночи. Ему стало известно от нее, что Магомаев – основная причина развода с мужем, доктором наук по ядерной физике.

"Нет, дорогая, врешь ты все, – думал Асланов, – это ж сколько у тебя этих Магомаевых было, что от тебя муж сбежал".

Мама Людмилы Георгиевны вдруг засобиралась, объявила:

– Пойду на улицу с соседями посижу.

Людмила Георгиевна только улыбнулась. "Да, у нее все отработано до мелочей. Но если она мать выпроводила, значит, мы на правильном пути," – сделал заключение Руслан. Лардюкова поставила медленную музыку, конечно, Магомаева. Руслан предложил потанцевать, через две минуты решил: "Пора!" Неуловимым движением хищника вскинул ее на руки. Куда? Из зала вели две двери. На мгновение застыл, но

указующий перст Людмилы Георгиевны вовремя пришел на помощь. Толчком открыл дверь, шагнул в комнату. Огромная двуспальная кровать как будто этого и ждала – с размаху бросил на нее тело, ноги доцентши по инерции задрались до головы. Не дав им опуститься, он быстро просунул между ними руку и рывком сдернул с нее трусики и колготки...

Через два часа они приступили к обсуждению условий сдачи зачета и государственного экзамена по научному коммунизму. Лардюкова настаивала на тройках всем кроме Руслана, ему четверка. Асланов не соглашался. Его устраивало "хорошо" всем семерым. Пришлось вновь предложить Людмиле Георгиевне неотразимые аргументы в прежнем содержании, но в измененных аномальных формах.

Вечером следующего дня на своей квартире, находясь в окружении друзей, рассказал им в деталях о произошедшем в доме у Лардюковой, о гимнастических упражнениях и результатах торга. В конце Асланов, криво усмехнувшись, неожиданно добавил:

– Кажется, доцентша меня трихомонозом «наградила». Но лечиться я сейчас не смогу, надо же свой мужской долг до конца соблюсти, пока последний из нас не сдаст экзамен. Послушай, Тамик, – обратился Асланов к Тулпарову, – у тебя вроде схема лечения была? Потом поможешь мне избавиться от этой мерзости?

...Через два месяца после торжественного выпуска Асланова распределили в Севастополь в распоряжение команду-

ющего Черноморским флотом. Но это уже другая история.

Один день из флотской жизни

Вечером субботнего дня лейтенант флота Руслан Асланов после «суток» сошел с трапа. Отутюженные стрелки брюк зеркально отражались в начищенных до блеска форменных штиблетах. Баркас долго ждать не пришлось, через десять минут сходящая смена бригады надводных кораблей на «Северной», человек пятнадцать, загрузилась и двинулась по фарватеру бухты к Графской пристани. В баркасе стояли по ранжиру, младшие офицеры впереди, опустив руки по швам, держаться при ходе баркаса молодым офицерам запрещалось по этикету. За этим зорко наблюдали «морские волки», отслужившие более десяти лет. Если лейтенант при раскачке касался рукой ограждения, он становился предметом насмешек на все время хода.

Через двадцать минут дежурный баркас – по-флотски малый трамвай – причалил к Графской пристани. Первыми степенно и чинно выходили старшие офицеры, молодежь, весело галдя и толкаясь, нетерпеливо повыпрыгивала на причал неорганизованной массой. Лейтенант поднялся по ступенькам Графской пристани, прошел через колонны, осмотрелся и стал обдумывать план вечернего отдыха: куда идти молодому неженатому офицеру? В Севастополе один художественный музей, где почти все картины с морской тематикой. Те-

атр имени Николаева, рынок и Андреевские бани. Музей он посетил три раза, и то из- за красавицы- еврейки Светы Симхович, в театре побывал один раз, и то ушел с первого акта... Заезжая труппа из Нижнего Новгорода показывала что- то из жизни русской глубинки, что ему, сыну гор, было совсем неинтересно.

Выйдя из общественного туалета, на противоположной стороне Большой морской рассмотрел девушку средней упитанности, крашеную блондинку, круглолицую, с голубыми глазами, хохлушку лет эдак тридцати. О "хохлушке" свидетельствовал осветленный перекисью пушок усов на верхней губе. Она смотрела на него в упор, как голодная самка, не мигая и не отводя своих откровенных нахальных глаз. Встретившись с ней взглядом, лейтенант спросил, по обыкновению, спокойно, но твердо.

Она ответила, не таясь:

«Да, хочу!»

По дороге к хохлушке поинтересовался, между прочим, не замужем ли.

– Нет.

– Хорошо. Меньше проблем.

И на всякий случай, уже по привычке:

– Какой этаж?

– Четвертый.

Что- то в ответе не понравилось и даже слегка насторожило. Настороженность несколько усилилась, когда, подняв-

шпись на четвертый этаж, в проеме открытой двери увидел на вешалке форменную морскую фуражку старшего офицера. Сразу подметил, фуражка 59 размера, мгновенно рассчитал рост и вес хозяина. Надя успокоила:

– Знакомый мой оставил!

На кухне пили вино, закусывая яичницей с жареной колбасой. Затем, недолго думая, Руслан затащил Наденьку на заранее разложенный ею диван, для виду она немного посопротивлялась. Оголодавший и озверевший от шестимесячного плавания, он в течение трех часов показывал ей все свои затаенные животные инстинкты, освободив при этом от шестимесячного плена глубоко спрятанные низменные чувства. Затем мгновенно отключился. Одуревшая от избытка чувств и веса лейтенанта, а более всего – от предложенных ей вычурных и незнакомых ей ранее поз, блондинка через полчаса так же уснула, предварительно уложивши свою голову ему на грудь.

Где-то под утро лейтенант вдруг четко услышал металлический звук поворачивавшегося в замке английского ключа. Автоматом сработал инстинкт самосохранения. В следующие доли секунды, вскочив с дивана, влетел в трусы, другой рукой схватил с полки какую-то книжонку, рывком включил свет и наклонился над столом, будто внимательно читает. В прихожую вошли двое. Тот, что пониже, – капитан третьего ранга, второй – здоровяк мичман. Немая сцена. Надя тоже пряткая оказалась – уже в халатике. Офицер, что пониже

ростом, лысый и со строгим взглядом, второй мордатый, по виду трезвые, – быстро оценил лейтенант. С тоской: «Четвертый этаж, без одежды, в трусах. Что дальше – то будет?»

Ошалевший лысый прервал тишину:

– А кто это?!

Надя, запинаясь, подбирая слова, быстро нашлась:

– Это мой знакомый, Руслан. Ему завтра в партию вступать, и он сейчас готовится.

"Что за чушь, в какую партию? Надо же, с двух метров увидела – в руках то у меня устав КПСС, оказывается."

Здоровяк мичман тяжело сопел, но молчал. Лысый делал промежутки между словами:

– А чего он голый?

Надя очнулась и вроде как бы начала приходить в себя:

– Коля, и ты мог подумать, что, между нами, что-то было?! Ты мне что, не веришь?!

Лысый:

– А почему две подушки на диване, и на чем он, в таком случае, спал?

Снова общее молчание. Лицо лысого наливается кровью. Лысина тоже начинает краснеть. Здоровяк мичман продолжает тяжело сопеть. Ждет команды лысого. Лейтенант, не отрывая глаз от устава партии, шевелит губами, и даже два раза перевернул страницу, дошел значит до демократического централизма и подчинения меньшинства большинству. Лицо Нади в красных пятнах, и не поймешь, на бледном лице

красные или на красном лице белые разводы. Наконец лысый выдавил отчаянно и обреченно:

– Эх, Надя, а я тебе верил...

Поворачиваются с верзилой по команде, выходят из квартиры. Лейтенант шепотом:

– Муж?

И, не дожидаясь ответа, быстро, еще быстрее, начинает стремительно одеваться. Надя в растерянности бежит по комнате, затем решительно рвет из записной книжки листочек и что-то пишет.

Лейтенант, одеваясь, одним глазом и ухом наблюдая за входной дверью, целует Надю в губы и нарочито медленно со словами: «Ну, мне пора» направляется к двери.

– Подожди! – умоляюще зовет Надя.

– Тебя можно попросить?

Сует лейтенанту бумажку. Заискивающе и жалостливо снизу заглядывая ему в глаза:

– Это воинская часть мужа. Ты зайди к нему сейчас и скажи, что, между нами, ничего не было.

«Идиотка. И как это она представляет себе?!»

Радостным голосом:

– Конечно, сразу вот сейчас и пойду к нему. Ты не волнуйся.

Скатывается вниз с четвертого этажа. Еще темно. Осматривается настороженно. Нет, не ждут. Слава те господи. Брошает скомканный лист со знакомой войсковой частью 25154,

непроизвольно замечает:

«Надо же, а корабли- то наши рядом стоят, на одном причале» и растворяется в предутренней темноте...

Через четыре месяца на Большой Морской они случайно встретились. Из двухминутного разговора он узнал, что муж с ней развелся. Говорить более было не о чем, по крайней мере Асланову. На том они и расстались. А еще через четыре месяца Асланова перевели врачом- хирургом на крейсер «Жданов» в сто пятидесятую бригаду в Корабельную бухту.

Возмездие

– Товарищ старший лейтенант, Вас старший помощник вызывает.

Две головы одновременно поворачиваются в сторону говорящего. Вестовой старпома с торчащими ушами из-под бескозырки стоит по "струнке" – руки по швам, одет по форме три – синяя суконная форменка, суконные брюки и парадные ботинки. Не придерешься. Вестовому хорошо известно, в каюте живут два старших "страшных" лейтенанта, которые не преминут поучить жизни или просто поиздеваться над молодыми матросами. Вестовыми стоят обычно "караси" до года службы. Офицеры играли в "шахматы", т.е. в карты. По уставу на корабле игра в карты запрещена. Запрещено и употребление спиртных напитков, бутылка "Столичной" на столе; немудреная закуска преимущественно из консервантов.

– Саша, я сейчас..., старпом вызывает.

Из-за стола встает широкоплечий черноволосый стройный Асланов. Профиль выдает кавказца, Асланов родом из Северной Осетии, однако русский его практически безупречен. Стремительно направляется к двери, на ходу поправляет кокарду на пилотке, взлетает по трапу... Гапонов Саша с поскучевшим лицом вилкой ковыряется в курином паш-

тете. Терпеливо ждет друга. Морские офицеры в одиночку не пьют. Саша по должности помощник командира по снабжению – третье лицо на корабле. С Аслановым они второй год вместе, давно спелись, два раза ходили на боевую службу в Средиземное море. Саша два месяца как женился. Руслан холост.

Асланов возвратился через десять минут, хмуро сел за стол. Буркнул:

– Переводят вроде, – протянул бумажку, – в кадры вызывают завтра.

– Пить- то будем?

– А то, как же.

Предписание забыто, говорят только о хорошем, женатость Саши не обсуждают, закрытая тема. Не принято обсуждать на корабле семейную жизнь.

Каждые два- три года младших офицеров флота перемещают по службе, вызывают и предлагают очередную должность на новом корабле, связано это с получением очередного воинского звания или же, например, с экстренным выходом корабля на боевую службу, причин много и все разные.

Утром следующего дня старший лейтенант Асланов без признаков употребления спиртного накануне, выбритый и отутюженный, стоял навытяжку перед письменным столом начальника отдела кадров Андреева. Полковник медицинской службы без перехода сразу предложил:

– Руслан, освободилось место на крейсере "Ж...в", Гевор-

кян в МОСН перешел. Пойдешь хирургом?

Не принято на флоте отказываться. Асланов коротко и кротко:

– Николай Николаевич, я согласен.

На флоте особенность: называть и обращаться по имени-отчеству к старшему по званию, а равные по званию обращаются друг к другу по имени.

– Ну и ладно. Завтра на новое место службы отправляйся. Катер на " Ж...В" с Графской пристани отходит в семь утра. Вопросы есть?

– Вопросов нет, – поворот через левое плечо и за дверь.

Весь вечер и часть ночи прощальный ужин на родном уже бывшем корабле, Асланова провожают все офицеры: и младшие, и старшие – и политработники, и даже особист, или КГБ- ист, ну и командир, конечно, во главе стола в кают- компании. По традиции каждый офицер дарит на память подарок уходящему, они разные, эти подарки, и весьма странные. Командир Асланову отлитую из бронзы пепельницу преподнес. А Саша Гапонов – мужской половой член невероятных размеров из того же цветного металла, с веселой надписью на коробке.

Хорошо на флоте, женщин нет на корабле, можно высказываться во всех интонациях и формах и пить в меру, или много, каждому – по возможностям и способностям. А утром все бритые и трезвые, это потому, что на корабле бредутся ночью, традиция такая. Рано утром к Графской при-

стани подходят катера и баркасы, забирают офицеров и мичманов к утреннему построению и подъему Государственного и Военно- Морского флагов на кораблях флота. Баркас – большая лодка с высокими бортами, его многосильный дизельный двигатель развивает скорость до двадцати пяти узлов. На обоих бортах ближе к носу обозначены числа из трех цифр, эти же цифры – на бортах его корабля.

Баркас крейсера "Ж...в" отплыл от причала вместе со сходной сменой и Аслановым, выполнил правый галс и, медленно набирая скорость, двинулся в направлении корабля. Крейсер стоял в Севастопольской бухте на "бочках". "Бочки" – металлические герметически закрытые гигантские цилиндры, диаметром в окружности около пяти метров. Они уверенно держатся на плаву, погруженные на две трети под воду. В подводной части "бочки" на цепях прикреплены к полутонным якорям. На "бочки", их четыре, заведены концы с крейсера – металлические тросы диаметром десять сантиметров, они- то и удерживают корабль в заданной точке.

Через пятнадцать минут баркас подошел к правому борту крейсера, по опущенному широкому трапу офицеры быстро поднимаются на верхнюю палубу – идет подготовка к утреннему построению. Асланов предъявил предписание, спросил у дежурного по кораблю, где находится медицинский блок, прошел корму по диагонали, спустился на вторую палубу и по запаху лекарств и дезсредств быстро определил место-

нахождение медицинского блока. В восемь часов утра на всех военных кораблях флота Советского Союза по команде "Флаг и гюйс поднять" на носу и корме корабля поднимают на флагштоках государственный и военно-морской флаги. Весь личный состав корабля стоит в каре, по команде "смирно", одновременно с подъемом флага звучит государственный гимн. После построения и подъема флага все расходятся по своим заведованиям, начинается повседневная приборка, боевая и политическая подготовка.

После роспуска личного состава Асланов по внутреннему коридору вышел к каюте командира крейсера, попросил вестового доложить о своем прибытии и, получив разрешение, вошел в рабочий кабинет командира. Перед тем как войти, мельком взглянул на медную табличку на дверях "Капитан первого ранга Лагун Анатолий Михайлович".

В огромном кабинете, обитом красным деревом, за дубовым письменным столом сидел седовласый плотного телосложения мужчина с добродушным лицом в форме капитана первого ранга. Наклонив слегка голову, он что-то внимательно читал, делая пометки ручкой.

Асланов бесшумно сделал три шага по толстому китайскому ковру, занимавшему две трети пола. Прошло минуты три, когда, наконец, командир крейсера отложил ручку, внимательно посмотрел на вошедшего. Асланов начал:

– Товарищ капитан первого ранга, старший лейтенант Асланов прибыл для прохождения дальнейшей службы.

Добродушное лицо командира вдруг исказила злая гримаса.

– Как стоишь, подлец, ты офицер или портовая блядь? Заходят здесь всякие мудаки, а сами на флоте без году неделя...

В течение последующих десяти минут Анатолий Михайлович подробно посредством ненормативной лексики объяснил Асланову, что он произошел не от обезьяны, как все люди, а от ослиного трипперного члена, и что его отец и мать были, наверно, пьяны, когда создавали такого гандона как Асланов.

– Я тебе, блядь силеросовая, твои осетинские рога обломаю, – закончил капитан первого ранга свой монолог.

Ошарашенный от такого приема, Асланов, попытался сказать что-то вроде:

– Мы с Вами впервые видим друг друга, и чем я заслужил такое отношение...

Однако командир крейсера оборвал его криком:

– Пшел вон отсюда!..

Очнулся Асланов в приемной. Вестовой с испугом и изумлением смотрел на бледное и оторопевшее лицо старшего лейтенанта. Два корабельных дежурных офицера поспешно покидали приемную командира, справедливо предполагая, что лучше с докладом к нему сейчас не соваться.

В течение последующих двух недель Асланов добросовестно изучал документацию, инструкции, задачи и обязан-

ности врача- хирурга крейсера. Знакомился с офицерами, мичманами и матросами, проверял работу камбуза, наличие неприкосновенного запаса медикаментов, комплекты операционных наборов, вел истории болезней, лечил личный состав. Офицеру, назначенному на корабль, дается двухнедельный срок для сдачи зачета на допуск на обслуживание своего заведования. Зачет Асланов сдавал внутрикорабельной комиссии, затем его официально представили офицерам в кают- компании. А по вечерам он "представлялся" всем офицерам, кто заходил в его каюту, так происходит знакомство в замкнутом коллективе корабля, в этом различие флотской службы от службы в других родах Вооруженных Сил. С командиром Руслан предпочитал не встречаться, но корабль есть корабль, "радушная" встреча Асланова в каюте командира стала достоянием многих. В присутствии офицеров командир был предупредителен и вежлив. Обращался по имени- отчеству или по фамилии. Но наедине не скрывал своей ненависти и открытой неприязни, выражая ее в тех же нецензурных словах и прямых оскорблениях. Хамство Анатолия Михайловича не знало границ. Недоумение Асланова переросло в раздражение, но не в ненависть, он решил не давать хода этому чувству, хотел понять исключительное отношение к себе командира, самостоятельно разобраться в причине этого. Веселый и коммуникабельный, он не замкнулся в себе, терпеливо ждал, что все разрешится, само собой. Впрочем, даже особое отношение никак не отражалось на испол-

нении его обязанностей. Матросы с уважением относились к своему доктору, он платил им тем же.

В одну из суббот, после непрерывной двухмесячной отсидки на крейсере он собрался на сход, развеяться. Выходная смена на юте у трапа, ожидала командира, он должен первым пройти по трапу на командирский катер. Все остальные убывают на баркасах.

Командир окинул взглядом офицеров, хмыкнул, увидев Асланова, и неожиданно весело спросил: «А Вы куда собрались, товарищ старший лейтенант? Думаете, если сдали зачет на обслуживание своего заведования, это все, что ли? А корабль Вы изучили? Что подо мной?» Командир топнул ногой.

Асланов доложил:

– Тринадцатый кубрик.

Командир продолжил:

– Что под кубриком?

– Продовольственный склад с мукой и сыпучими крупами.

– Что ниже склада?

– Цистерна с питьевой водой номер семь.

– Дальше?

– Не знаю, товарищ командир.

Анатолий Михайлович удовлетворительно хмыкнул:

– Сход Вам не разрешаю. Изучайте корабль. Зачет будете сдавать лично мне.

С тем и убыл. Асланов чертыхнулся:

"Черт знает, что? Ну да ладно, выучу я тебе весь корабль".

В течение всего следующего месяца Асланов излазил помещения от носа до кормы, изучил все параметры корабля, калибры орудий, принципы работы минно- торпедного оружия и даже выучил теорию управления шлюпкой под парусом. Не удивился, когда командир вечером в пятницу пригласил его к себе в кабинет через вестового.

Решительно открыв дверь, сделал три шага вперед и по уставу доложил:

– Старший лейтенант Асланов по Вашему приказанию прибыл.

– Ну что, готов? – спросил командир, не здороваясь.

– Так точно, товарищ командир!

– Перечислите мне все помещения от носа до кормы на всех трех палубах, а потом посмотрим. Начинайте! – командир откинулся на кресле, постукивая линейкой по столу.

В течение часа он внимательно слушал, ни разу не прервав Асланова. Не спрашивая разрешения командира, Асланов плавно перешел на вооружение крейсера и работу двигателей, когда он перешел к параметрам радиолокационной станции, шел третий час его монолога.

– Хватит, – хрипло прервал его голос командира, – зачет Вы сдали. Можете завтра идти на сход. Вы свободны.

Поворот через левое плечо, уже у двери, когда рука потянулась к ручке, сзади раздалось:

– Как называется верхняя оконечность мачты на шлюпке?

– Топ- мачты, товарищ командир, – развернувшись, громко отчеканил Асланов.

– Ладно, все. Идите.

В приемной он весело посмотрел на вестового и вдруг произнес несколько слов на незнакомом языке. Вестовой удивленно заметил, что при этом на мгновение недобро поволочьи блеснули и погасли глаза у старшего лейтенанта.

В субботу утром с Угольной пристани Асланов медленно поднимался по Ушаковой балке. В голову лезли всякие дурные мысли. "Надо же, ходить по земле разучился, – думал он про себя, – немудрено после трехмесячного пребывания на этом куске железа. И что он ко мне привязался, может, кто-ни будь из наших местных осетин с его женой переспал, а он на мне отходит. Или морду ему какой- ни будь земляк набил. Поди догадайся. Кто- то с его женой спит, кто- то бьет ему морду, а все "комплименты" – мне. Ну а дальше, что будет? Наверняка же он не угомонится. Вчера в кают- компании, сволочь, как посмотрел... Что дальше будет? А будь что будет". Он вздохнул. Разговаривая сам с собой, не заметил, как оказался у женского общежития. Раздраженно подумал: "И еще эта шлюха на работе не окажется".

На первом этаже, подойдя к закрытой двери с надписью: "Комендант общежития", Руслан сердито ткнул ее кулаком, от удара она распахнулась. С пронзительным визгом сидящая за столом стриженная брюнетка бросилась к нему на

шею, обхватив его руками и ногами, она намертво повисла на нем. От визга или веса девушки, но старший лейтенант потерял равновесие, и они вместе грохнулись на пол. Взгромоздясь на распростертую жертву, она, впившись зубами в его губы, руками быстро расстегнула ему ремень и пуговицы на брюках. Спротивляться было бесполезно. Несомненно, это было изнасилование, но наоборот. В этом была суть Гульнары, или Гали, как она себя называла по-русский. Волжской татарке само слово "стесняться" было чуждо. Подчинялась она только своим животным инстинктам. Год назад они впервые встретились на какой-то холостяцкой вечеринке. Это существо само пригласило его на танец, хотя никакого впечатления на него не произвело, до тех пор, пока не открыло свой рот. Прижавшись к нему в танце, просто и откровенно выдала:

– Я уже не девушка, и тебе не надо пользоваться презервативами, врачи сказали, что у меня матка недоразвитая, и я никогда не забеременею, – и черными угольками больших чуть раскосых глаз, наивно посмотрев ему в глаза, добавила – ты такой красивый и мне очень нравишься.

Вечером следующего дня старший лейтенант, уже выбритый и одетый, готов был следовать к месту постоянного базирования, как вдруг Галя- Гульнара выдала:

– Руслан, я знаю, что Лагун тебя третировал и три месяца с корабля не отпускал.

Асланов вытаращил на нее глаза. Галя продолжила:

– Видишь ли, я познакомилась с ним два года назад. Я тогда тебя еще не знала. Жила я с ним около года, пока тебя не встретила. Потом, чтобы отвадить его от себя, я ему девочек с общежития подставила.

– Но ведь они малолетки, им же еще восемнадцати нет? – оторопел Руслан, – разве это не растление малолетних, на это даже статья уголовная вроде есть?

– Ну да, во-первых, эти малолетки давно уже не девушки и научат жизни и тебя и меня, – отпарировала Галя, – во-вторых, они же в основном приезжие и у многих родителей нет. А как бы я от него отвязалась, мне что, дальше с ним жить прикажешь? Я тебя люблю. Он мне вовсе не нужен.

"Железная логика!" Асланов обалдел от только что услышанного. Но вслух сказал примиряюще:

– Да ладно, Галя, все ты правильно сделала, это ведь все из-за меня. Да, кстати, Анатолию Михайловичу лет эдак за пятьдесят уже, а как он в постели, старый конь- то наш?

Асланов деланно засмеялся. Галя живо стала рассказывать, как Лагун изображал из себя молодого козла, танцевал с ней под современную музыку. Галя стала импровизировать, дрыгать ногами и размахивать руками.

– Вот так он танцевал, – смеясь, рассказывала Галя.

Импровизация вызвала неподдельный смех у Асланова. Он живо представил Лагуна, прыгающего с Галей. Откровенно развеселившись, стал ей подтанцовывать. Утомившись, они присели за стол пить кофе.

– А полгода назад, – вдруг продолжила Галя, – он привел с собой еще троих военных, двоих я знаю: это старший помощник с твоего крейсера Бегринец, и Золлонов. Ты же их знаешь? А третий – контр- адмирал Тусяев – командир Федосийской военно- морской базы.

– Да ты что? – удивленно воскликнул Асланов, – и что, все они трахаться приходили?

– Почему приходили? – радостно взвизгнула Галя, – они и сейчас приходят.

Галя стала объяснять, что в общежитие они приходят в гражданской одежде.

– Я им семейный номер выделила, там ванна и кухня. Они мне даже деньги дают, подарки делают. Вот посмотри, как тебе эти колготки? Они дорогие, югославские.

– Слушай, Галя, а когда ты девочек приводишь, они их спаивают, что ли?

– Зачем? Они им порнуху по виду показывают и журналы. Вон в тумбочке три журнала остались. Можешь посмотреть.

– Сейчас мне надо на корабль возвращаться, смотреть некогда, но во вторник приду и вместе посмотрим. А они, Галя, видак с собой уносят или оставляют в общаге?

– Да нет, он на втором этаже в семейной квартире заперт, что же им таскать его, оставили под мою ответственность. Ключ от двери только у меня. Там же кассеты – четыре или пять. Кстати, ты знаешь, как видеомэгафон работает, я

его включать не умею?

– Знаю, – усмехнулся Асланов, – а что тебе мешало вчера меня об этом спросить? Мы могли его и в субботу посмотреть. Ну да ладно, во вторник я приду и с аппаратурой разберемся. Ну а если мы с Лагуном случайно здесь встретимся? Ты этот вариант исключаешь?

Галя улыбнулась:

– Что, испугался? Это невозможно, когда они прийти собираются, он мне предварительно за сутки звонит.

– Подойди-ка сюда, – Руслан усаживает Галю на колени и кладет ей голову на плечо, – хорошо с тобой, никаких проблем, никаких волнений и истерик. Ну, мне пора идти. Ты со мной до пристани пройдешься или останешься?

Галя пулей летит в прихожую, слету одевая туфли.

– Я готова, – рот до ушей. Руслан ласково целует ее в губы.

– Вот за это я тебя и люблю, нравится мне твоя непосредственность. Ну что, пошли? – он легонько подталкивает ее бедром в направлении двери.

Десять часов вечера. В каюте полумрак. Асланов сидит за столом при свете настольной лампы. Напряженно думает, переваривает информацию, полученную в общежитии. Берет трубку телефона и набирает трехзначный номер. На другом конце голос:

– Дежурный по кораблю, капитан-лейтенант Онищенко, слушаю.

– Саша, я Руслан, а что, Владимир Ильич сегодня на ко-

рабле?

– Нет, Руслан, старший по кораблю сегодня старпом.

Владимир Ильич- заместитель командира по политической части. На крейсере трехсменка, что означает, что из руководства один всегда должен быть на корабле: командир, старпом или замполит. Все офицеры также на смены разбиты, по уставу одна треть офицерского состава на корабле должна быть, две трети на сходе. "Если старпом на корабле, значит и Владимир Андреевич здесь. Он ведь в его смене", – уверенно предположил Асланов. Владимир Андреевич – особист корабля в звании капитана второго ранга. Асланов решительно встает, надевает пилотку, закрывает дверь каюты на ключ и бесшумно направляется по офицерскому коридору в сторону носа корабля. Пройдя через бронированные двери, поднимается по трапу на вторую палубу. Обитая желтым пластиком дверь представителя особого отдела, или по- корабельному особиста, приоткрыта, на штормовке. Асланов костяшками пальцев стучит по двери:

– Владимир Андреевич, Вы здесь, к Вам можно? – и не дожидаясь ответа, снимает штормовку, входит в каюту.

На диване в белой майке по- домашнему Владимир Андреевич, читает какие- то документы. Увидев вошедшего, радостно встает:

– Заходи, Руслан.

Убирает документы под замок в сейф, не торопясь одевает желтого цвета форменную рубашку с погонами капитана

второго ранга. Владимиру Андреевичу около сорока лет, лысый череп обрамляют коротко подстриженные мелко кучерявые темного цвета волосы. Пытливые внимательные глаза стараются быть всегда добрыми. Работа у него такая, добрым быть и открытым, чтобы люди к нему тянулись. Сразу предложил кофе, на столе появились конфеты, печенье. Владимир Андреевич умен, он все понимает, поэтому ничего не спрашивает, куда торопиться, ведь Асланов, если пришел к нему, все равно рано или поздно сам все и расскажет.

Пьют кофе, говорят о службе, о предстоящей олимпиаде в Москве, о здоровье и еще о разных мелочах, абсолютно ничего не значащих.

– Владимир Андреевич, – начинает Асланов, – я хочу рассказать Вам нечто, что, возможно, представляет для Вас какой-то интерес. Если нет, прошу Вас забыть о разговоре. Я ведь могу на вас положиться?

Лицо Владимира Андреевича стало каменным, он как хищник почувствовал добычу и, наверняка, крупную.

– Руслан, ты можешь на меня положиться, рассказывай и будь уверен, твой разговор за пределы моей каюты не выйдет.

Асланов подробно рассказывает Владимиру Андреевичу об услышанном в общежитии от Гали. Владимир Андреевич делал пометки в блокноте, предварительно попросив разрешение у Руслана об этом. Асланов не возражал. Отвечал на вопросы. Обменивались мнениями, незаметно перешли

к плану дальнейших действий. Асланов предположил, что рассказанное им несомненно выйдет за пределы полномочий Владимира Андреевича. И не ошибся.

– Руслан, – начал Андрей Владимирович, как бы подводя итог разговору, – дело очень серьезное, я хотел бы с твоего разрешения доложить об услышанном своему руководству, звания и должности у них высокие, ты понимаешь, кого я имею в виду. Их действия попадают под известные статьи уголовного кодекса. Могу ли я с твоего разрешения доложить об услышанном в особый отдел флота? И, возможно, с тобой захотят пообщаться на более высоком уровне.

– Владимир Андреевич, я не возражаю, думаю, Вы правы, говоря о доведении Вашему руководству представленной мною информации. Но я возражаю против моего присутствия на более высоком уровне, чем Ваш. Я могу общаться с Вами как с посредником между мной и Вашим руководством. А Вы можете от их имени корректировать мои действия. Я на этом настаиваю.

Владимир Андреевич, подумав, с доводами Асланова согласился. Перед тем как расстаться, он все же попросил Руслана принести журналы и кассеты на очень короткое время. Асланов обещал. Возвращаясь к себе в каюту, подумал: "Не доверяет или копии хочет снять. Ну что же, пусть снимает".

В течение двух последующих месяцев Асланову было что докладывать Владимиру Андреевичу. Общежитие попало, естественно, под пристальное внимание компетентных орга-

нов, интересующие их объекты за это время не менее четырех раз посетили это учреждение. Ну а интимные подробности, передаваемые Галей, повторно излагались Аслановым все в той же каюте, Асланов прибавлял к ним каждый раз свежие элементы компрометирующих материалов в виде порнографических журналов и видеофильмов того же содержания.

Между тем отношения командира крейсера и Асланова окончательно испортились, превратившись для него практически в ежедневную пытку. Уже не стесняясь окружающих, командир отпускал в адрес старшего лейтенанта оскорбительные выпады нецензурного содержания. Асланов терпеливо ждал развязки. Он понимал, если командир хамит, значит ни о чем не догадывается. Было бы весьма странным и подозрительным, если бы он вдруг изменил свое отношение к нему. Ну а командир, ничего не подозревая, уверенный в своей безнаказанности, испытывал удовольствие, отводя Асланову роль корабельного шута. Чего стоила, например, его реплика в кают-компании в адрес Асланова: "А что, Руслан Георгиевич, осетинки тоже блядуют?" При этом начал громко и подробно рассказывать, что в недавней командировке в Таллин познакомился с одной осетинкой-журналисткой и как она в первый же день сделала ему миньет. Рассказывал с упоением и грязными подробностями, и ведь часть слушателей в форме поддакивала и по-собачьи повизгивала в самых интересных местах повествования Анатолия

Михайловича. Особенно старался Золлонов, маленького роста худенький чуваш, эдакий сукин сын в звании капитана второго ранга, тень, глаза и уши Лагуна.

В медицинском блоке Асланов проводил занятие с боцманской командой по индивидуальным средствам защиты, когда фельдшер пригласил его к телефону. Звонил Владимир Андреевич, просил безотлагательно зайти к нему.

В каюте кроме Владимира Андреевича находился еще один старший офицер. Незнакомец добродушно поздоровался с Аслановым и предложил присесть для разговора. Николай Петрович, так незнакомец представился, начал говорить на правах старшего. Владимир Андреевич и Асланов внимательно его слушали.

– На сегодняшний день у нас собран достаточный материал для завершения известного Вам дела. Но нам нужны предварительные показания Галимзяновой Гульнары – коменданта общежития для несовершеннолетних девушек. Без ее предварительного признания разговорить Лагуна, Бергренца, Золлонова и Тусяева будет практически невозможно. Она в деле главное звено. Поэтому хотел бы выслушать Ваши предложения, Руслан Георгиевич, как нам взять показания у Гульнары. Что Вы можете предложить? – закончил Николай Петрович свою речь.

– Ну что же, Галю необходимо брать через милицию и только в общежитии под любым предлогом. Затем милиция привезет ее к Вам в управление. Пока Галя не даст Вам пись-

менных показаний, отпускать ее нельзя. Иначе она сразу же попытается по телефону предупредить Лагуна или Золлонова. У нее упрямый характер, с ней надо работать аккуратно. Но я готов в случае осложнений помочь, думаю, очная ставка со мной окажет влияние на ее решение. В связи с изложенным я хотел бы быть проинформирован, когда начнется задержание Гали, чтобы во время допроса находиться на корабле и быть готовым в любое время выехать в случае необходимости на очную ставку с ней, – предложил Асланов.

Николай Петрович и Владимир Андреевич переглянулись. Затем Николай Петрович сказал:

– Хорошо, Руслан Георгиевич, у нас от Вас секретов нет, все начинается в понедельник утром. На том и разошлись.

В понедельник около шестнадцати часов дежурный по кораблю потребовал Асланова на ют. Объяснил, что звонили из Военно- Морского госпиталя, просили немедленно приехать. На баркасе Асланова доставили к причалу госпиталя, у входных ворот его ждала черная "Волга". А через 10 минут он был уже в Управлении особого отдела флота.

– Не сдастся твоя подруга, – мрачно усмехнулся Николай Петрович, – она действительно с характером. Давай подключайся, Руслан Георгиевич.

Асланов улыбнулся:

– Николай Петрович, я готов, ведите меня на очную ставку, но у меня просьба, нет ли в этом учреждении наручников?

– А зачем они Вам? – искренне удивился Николай Петрович.

– А Вы меня на очную ставку в наручниках проводите, на Галю это произведет нужное впечатление. Думаю, она сломается, если меня в наручниках увидит. Я обладаю всей информацией в том же объеме, что и она, ей это известно. А зачем ей молчать, если я задержан и уже все вам рассказал? Какой ей смысл дальше сопротивляться? Я сам ей и скажу, что уже дал письменные показания.

– Давайте попробуем, – поддержал Асланова Владимир Андреевич, – противозаконного в этом ничего нет, наручники ведь мы оденем по его просьбе.

Очная ставка прошла гладко. Когда Асланова ввели в наручниках, Галя чуть не лишилась чувств. Полным трагизма голосом Руслан начал:

– Галя, я рассказал им все, не скрывай ничего, так будет лучше нам с тобой, они того не стоят.

Асланова увели.

– Ну ты даешь, случайно в самодеятельности не участвовал? – с искренним уважением вымолвил Владимир Андреевич, снимая с рук старшего лейтенанта наручники. В кабинет влетел Николай Петрович и без перехода сразу с места в карьер:

– Начала давать письменные показания... Ну спасибо, Руслан Георгиевич, уважил, как говорится, гора с плеч. Но как ты выдал- то в кабинете: "Я рассказал им все, не скры-

вай ничего, они все знают". Ну прямо Станиславский. Послушай, Руслан Георгиевич, а ты в самодеятельности не играл случаем?

...Третьи сутки на крейсере нет командира, в кают-компании офицеры принимают пищу без Анатолия Михайловича. Его прорабатывают и выхлащивают лучшие специалисты особого отдела флота. Отсутствуют и капитаны второго ранга Бегринец и Золлонов, но их отсутствие менее заметно. Офицеры в догадках. Никто не знает истинную причину отсутствия Анатолия Михайловича и его верных подручных. Асланова никто больше не тревожит, да и нет в этом необходимости. Раскололись "растлители" подчистую, ничего не скрывают, рассказывают о всех деталях своего распутства, отвечают подробно на задаваемые им вопросы. Впрочем, они понимают, что от их чистосердечного признания зависит немного, но все же надежда умирает последней.

На четвертые сутки Владимир Андреевич выдал с облегчением:

– Они во всем признались, назвали всех девушек, девушек вызвали на допрос, просят не сообщать родителям. Ну и кашу мы с тобой заварили, Руслан. В принципе дело закончено. Но вопрос вот в чем, что с ними делать дальше? Если передать их прокуратуре – громкий процесс, и получают они по полной программе от восьми до двенадцати лет. Шуму будет на весь Военно-Морской флот, полетят головы от Севастополя до Москвы, ты это понимаешь не хуже меня. Так вот,

мне нужно твое мнение, что дальше будем делать с ними?

– Владимир Андреевич, – ответил Асланов – мне все равно, что с ними дальше будет, решение пусть принимает Ваше ведомство, я заранее соглашусь с любым принятым по их дальнейшей судьбе.

Собеседник оживился:

– Руслан, я предполагал, что ты так ответишь. В таком случае, принимаем следующий вариант: все передается в политический отдел Черноморского флота, на его усмотрение. Завтра на собеседование по этому вопросу тебя приглашает член военного совета адмирал флота Медведев, тебе быть у него в десять часов. Вот такие дела, Руслан, спасибо за все. А сейчас будем пить кофе, если никуда не торопишься.

Не дожидаясь ответа, Владимир Андреевич ставит на стол конфеты и печенье...

Беседа с адмиралом флота Медведевым заняла не более двадцати минут. Адмирал объяснил, что разбирать дело Лагуна и компании будет партийная комиссия флота и что его, Асланова, также пригласят на парткомиссию в качестве свидетеля, и оттого, что он скажет, зависит их дальнейшая судьба. Асланов заверил адмирала, что на парткомиссии он откажется от своих предварительных показаний и сделает все, что от него зависит, чтобы информация по делу не получила дальнейшего распространения. В заключение беседы Медведев вдруг обнял Асланова за плечи и сказал:

– Я знаю о несправедливом и хамском отношении к

Вам командира крейсера, уже проинформировали. Лагун и остальные, несомненно, будут сурово наказаны по партийной линии, но с другой формулировкой. Они лишаются любой дальнейшей перспективы в службе, их будут увольнять по выслуге лет. Вас я переведу на другой корабль с нормальным командиром. Есть ли у Вас личная просьба, Руслан Георгиевич, я ее исполню.

– Товарищ адмирал флота, у меня нет никаких просьб, – отчеканил Асланов, – буду служить дальше Родине.

Адмирал внимательно посмотрел ему в глаза:

– Ну, если нет вопросов, можете идти, готовьтесь на парткомиссию, она состоится завтра в политотделе тринадцатой бригады в шесть часов вечера.

"Но как все отработано и как отлажена система контроля, – восхищенно подумал Асланов. – Шаг влево, шаг вправо, и тебя сотрут в порошок. Кажется, я нигде не ошибся и лишнего вроде ничего не сказал". Выйдя из здания штаба Черноморского флота, подумал вдруг: "А ведь я до вечера свободен, может быть, развеяться перед парткомиссией. – Что-то ему подсказывало, что он на правильном пути. – Схожу-ка я к Гале Духовой в Дом офицеров, она вроде на месте должна быть".

С преподавателем музыки Галей Духовой его Гапонов Саша познакомил на своей свадьбе. Подруга жены, как тогда представил ее Саша, была родом из Новороссийска. Высокая, длинноногая, с яркой внешностью, она произвела весь-

ма приятное впечатление при первом знакомстве. Асланов улыбнулся, вспомнив, как, танцуя вместе с ней на свадьбе, вдруг неожиданно нагло прижал ее к себе, а Галя не оттолкнула его и даже не обиделась, только улыбнулась и весело дразнила его глазами.

Асланов предполагал, что перед партийной комиссией командир крейсера непременно будет искать встреч с ним для подтверждения гарантий своей безопасности. Так оно и вышло. На следующий день Анатолий Михайлович предложил ему вместе на командирском катере прокатиться до Угольной пристани в распоряжение тринадцатой бригады. Асланов дал согласие. "Время движения составит около десяти минут разговора с ним, – думал Асланов, – вполне хватит для объяснения". Анатолия Михайловича он не боялся, даже, наоборот, с любопытством ждал встречи с ним. Лагун знал, что от того, что скажет на парткомиссии старший лейтенант, зависит его дальнейшая карьера. Правда, его заверили, что Асланов будет менять свои показания в его пользу. Но кто его знает, что можно ожидать от человека, которого он в течение шести месяцев оскорблял и унижал практически ежедневно и часто в присутствии всего офицерского состава.

Как только катер отошел от крейсера, командир приблизился к Асланову и вдруг неожиданно для него снял форменную фуражку. Дрожащим голосом, лишенным всякого достоинства, Анатолий Михайлович начал жалобно:

– Ну что ты скажешь на парткомиссии, Руслан?

От бляющего командирского голоса Асланов неожиданно растерялся. Перед ним стоял абсолютно раздавленный и потерявшийся человек. "Как хорошо все-таки умеет работать особый отдел. Да, дураков там точно не держат", – подумал Асланов.

– Анатолий Михайлович, я обещал адмиралу при встрече, что поменяю свои показания в Вашу пользу. Решение свое я менять не намерен и на парткомиссии откажусь от своих предварительных показаний.

– Спасибо, Руслан, – жалко пролепетал Лагун.

"Ну и ну, – только и подумал Асланов, – вот так ломаются судьбы. Или в князи или в грязи".

В огромном холле политотдела кроме дежурного офицера на стульях у стены он заметил контр-адмирала Тусяева, капитанов второго рангов Бегринца и Золлонова. Асланов вежливо пропустил Лагуна вперед как старшего по званию, поздоровался с присутствующими и не дожидаясь ответного приветствия, подошел к дежурному по политотделу, представился. Дежурный сразу же предложил войти, сказав, что Асланова уже спрашивали. Указал на дверь, обитую дерматином. На медной выдраенной табличке он прочел: "Начальник политотдела в/ч 25160 капитан первого ранга Черный Виктор Петрович". Асланов открыл дверь и вошел в ярко освещенный кабинет, мало уступающий по размерам холлу политического отдела. Слева за письменным столом воссе-

дал хозяин кабинета, за его спиной расположился цвет политического отдела Черноморского флота. "Всего тринадцать и ни одного ниже звания капитана первого ранга", – отметил Асланов. Громко и отчетливо доложил:

– Товарищ капитан первого ранга, старший лейтенант Асланов прибыл по вашему приказанию.

Все тринадцать старших офицеров-политработников впились в него глазами, пытаясь проникнуть в самые мысли человека, который поставил весь политический аппарат флота на уши. Асланов терпеливо ждал и внутренне готовился к началу разговора.

– Асланов, – обратился к нему по фамилии хозяин кабинета, – Вы, когда входили в кабинет, обратили внимание на офицеров, сидящих в холе? Вы знаете, зачем их пригласили на парткомиссию и почему Вас пригласили сюда, Вы можете нам доложить?

– Товарищ капитан первого ранга, – начал Асланов, – в холле политического отдела я узнал из сидящих капитана первого ранга Лагуна, моего командира, капитана второго ранга Бегринца – старшего помощника крейсера "Ж...в" и помощника командира капитана второго ранга Золлонова и еще контр-адмирала, неизвестного мне. Причину нахождения их в политотделе не знаю. Мне также неизвестно, почему меня вызвали на парткомиссию.

Один из "инквизиторов" справа от письменного стола поинтересовался:

– Асланов, а что Вам известно о происшедшем в общежитии несовершеннолетних девушек? Вы ведь там бывали?

– Да, товарищ капитан первого ранга, мне известно это общежитие. Оно находится рядом с Ушаковой балкой. Но что там произошло, я не знаю. Я не бываю в этом учреждении, и знакомых у меня там нет.

Почувствовал по лицам сидящих, что ответом они довольны. Чтобы соблюсти формальность, задали еще несколько вопросов из биографии и по специальности старшего лейтенанта. Тему закрыл хозяин кабинета:

– Асланов, Вы свободны, вопросов к Вам у нас больше нет. Сейчас Вы выйдете из этого кабинета, и мы должны быть уверены, что потом у Вас не появятся новые версии и варианты по лицам, находящимся за этой дверью. Вы понимаете, о чем я говорю?

– Товарищ капитан первого ранга, – громко и отчетливо доложил Асланов, – когда я выйду из Вашего кабинета, у меня не появится новых вариантов и версий по поводу, находящихся в холле.

Услышав долгожданное "можете идти", отработал поворот через левое плечо и быстро покинул кабинет. Не обращая никакого внимания на сидящих в холле, вышел во двор. Достал из кармана военной тужурки пачку "Беломора", затянулся папирсой.

В ресторане "Старый Крым" гремела музыка, его явно заждались.

– Надеюсь, я не очень опоздал? – извинился Асланов, присаживаясь за стол.

За столиком три подвыпивших старших лейтенанта. "По третьей выпили, – определил по лицам Асланов. – Сидят уже минут тридцать". Саша Гапонов наполнил стакан до краев водкой, подал Руслану:

– Догоняй, мы уже по третьей пригубили!

– За флотскую дружбу! – предложил Руслан и залпом выпил.

– Закуси, – предложил Саша.

– Мы, русские, после первой не закусываем! – развеселился Руслан.

Потом пили много и с хорошим настроением. Часа через четыре вышли на Большую Морскую, пошли по направлению к набережной. "Надо же, – думал Асланов, – ни в одном глазу, Лагун, сукин сын, достал все-таки меня. Опьянеть по-человечески не могу. Вот и верь после этого людям". Последнюю фразу он произнес вслух.

– Ты это к чему, Руслан? – спросил Саша.

– Да вот стишок сочинил на ходу.

– Расскажи, мы тоже посмеяться хотим, – пристали друзья.

– Ну хорошо, хорошо. Сейчас.

Руслан остановился и, театрально подняв руку, начал декламировать услышанное еще на факультете стихотворение:
Вот и верь после этого людям,

Отдалась я ему при луне,
А он взял мои девичьи груди
И узлом завязал на спине!

Чеченец

Весной 1980 года я проходил службу на корабле управления крейсере «Жданов» в должности врача-хирурга. Представьте себе железную махину длиной в 210 метров, шириной 23 и высотой 35 метров, а еще под водой семь метров подводной части корпуса, называемой осадкой корабля. И главные характеристики: вес – почти 18 000 тонн, а скорость хода – 32 узла или 60 км/час. Экипаж – 1100 человек. Естественно, крейсер не имел возможности, как другие корабли с меньшим тоннажем, стоять у пристани, потому что мог сесть на мель. Поэтому все крейсера стояли в Севастопольской бухте на бочках параллельно друг к другу и поодаль от берега, насколько позволяла осадка корабля.

Крейсер «Жданов» находился метров на сто левее пристани 1-го Военно-Морского госпиталя, а рядом на расстоянии двух кабельтовых (один кабельтов равен 185 метрам) расположился крейсер «Дзержинский» того же проекта, что и «Жданов» 68-бис. Офицер или матрос, вновь прибывший на корабль, обязан в течение трех месяцев изучить его досконально, знать параметры: его вооружение; расположение боевых частей и служб; расположение и предназначение всех помещений на корабле, в том числе в части, касающейся своего подразделения, а затем сдать экзамен на самостоятель-

ное обслуживание своего заведования, иначе на берег схода не будет.

Три месяца я добросовестно изучал параметры корабля, а зачет сдавал лично командиру корабля и сдал с третьего раза. На крейсере служили всего два врача – мой непосредственный начальник майор медицинской службы Шулейко и врач–хирург лейтенант медицинской службы Асланов, автор этих строк. Еще у нас в штате числились рентген- лаборант мичман Пшеничный и четыре матроса срочной службы. Я находился в каюте, когда раздался звонок от дежурного офицера по кораблю.

– Руслан, подойди к трапу, тут тебя земляк спрашивает с «Дзержинского».

Я переоделся и поднялся на верхнюю палубу. У трапа рядом с дежурным по кораблю стоял матрос в повседневной робе. Судя по худобе, он первого года службы, недоедает и недосыпает. Тяжела флотская служба, но вырабатывает стойкий характер, чувство юмора, способность не теряться в сложной ситуации и еще много великолепных качеств. Матрос спросил Асланова на чеченском языке, не чеченец ли он и на чеченском получил ответ: «Осетин». Дальше продолжили по- русский.

– Руслан, меня зовут Динаев Тапа. Месяц назад я окончил «учебку» в Кронштадте в «трех девятках» (войсковая часть Кронштадтского учебного отряда 09990). Затем меня направили в Севастополь, распределили на крейсер «Дзержин-

ский», в боевую часть раз- штурманскую. Штурман в звании капитан- лейтенанта в первый же день стал меня оскорблять нецензурными словами, обзывал то тупым бараном, то чуркой, то черножопым. Дальше- больше: пощечины, подзатыльники, несколько раз бил меня ногами. Все это продолжается два месяца. Я окончил три курса исторического факультета Грозненского университета, сам попросился на флот. Отец мой- директор школы у нас в районном центре, фронтовик. Мама- учитель русского языка в той же школе. Нас пять братьев и сестер. Послушай, Руслан, ты старший по возрасту, подскажи, как мне дальше быть, что делать? Терпеть его оскорбления и издевательства я более не намерен, дело может плохо закончиться.

Асланов предложил земляку самый оптимальный вариант:

– Тапа, мы сейчас с тобой прокатимся на твой корабль, я хочу переговорить с твоим штурманом и, может быть, не только с ним. Все зависит от восприятия и обстоятельств разговора.

Предупредив дежурного, что он на полчаса отбывает на «Дзержинский», Руслан с молодым чеченцем сели на баркас «Жданова», через три минуты высадились на пристани госпиталя и пересели на баркас «Дзержинского», шедшего на его крейсер. На трапе Асланов доложил дежурному, что прибыл на встречу со штурманом, его записали в журнал прибывших на корабль, и они с Динаевым поднялись в штурман-

скую. Тапа жестом указал на офицера, склонившегося над картами, лейтенант попросил Динаева оставаться на месте, а сам направился к штурману. Штурман, довольно высокого роста, поджарый, лет двадцати восьми, подстриженный налысо молодой мужчина с недовольным выражением лица и с тонкими синими губами. Поздоровавшись, Асланов представился капитан- лейтенанту, как того требует этикет морского офицера: назвал свою фамилию, имя, отчество, должность и звание, а также указал место своей службы. Капитан- лейтенант предложил ему присесть. Асланов указал кивком головы на присутствующего Динаева и начал:

– Товарищ капитан- лейтенант. Вы систематически унижаете и оскорбляете матроса Динаева – Вашего подчиненного, сравнивая его с животными и различными неодушевленными предметами, подвергаете сомнению цвет его зада, систематически физически его оскорбляете- даете пощечины, подзатыльники, бьете ногами и курсовой линейкой. В связи с изложенным у меня к Вам убедительная просьба. Прекратите издеваться над матросом, это может отразиться на Вашем здоровье.

Капитан- лейтенант уловил в речи Асланова скрытую угрозу, хмуро посмотрел на него и, отвернув голову в сторону, высказал следующее:

– У Вас что, другой работы нет, кроме как прийти ко мне и читать мне нотации, как вести себя со своими подчиненными? Вы, товарищ лейтенант, все сказали? Идите на свой

корабль и занимайтесь своим личным составом! А со своими подчиненными я сам как-нибудь разберусь. Все, разговор окончен, до свидания!

Асланов вышел из штурманской, Тапа молча сопровождал его.

– А где каюта замполита, знаешь? – обратился Асланов к Динаеву. Тот кивнул головой.

– Вот и хорошо, проводи меня к нему, и пока я с ним буду разговаривать, стой у двери, никуда не отлучайся.

Подошли к каюте замполита. Руслан негромко постучал в дверь. Из каюты послышалось:

– Войдите.

Лейтенант открыл дверь и вошел.

– Товарищ капитан второго ранга, лейтенант медицинской службы Асланов, врач – хирург крейсера «Жданов», разрешите обратиться?

– Разрешаю, обращайтесь, – замполит внимательно и с любопытством рассматривал лейтенанта. Асланов коротко доложил о сути своего визита, рассказал о разговоре со штурманом.

– Прошу Вас помочь прекратить издевательства штурмана над матросом Динаевым Тапа, – закончил свой монолог Асланов.

– А где сейчас Динаев? – поинтересовался замполит.

– За дверью стоит. «Мне его позвать?» —спросил Асланов.

– Не надо, я сам позже его приглашу, – чувствовалось, замполит визитом Асланова явно недоволен, и основная причина – «вынос сора из избы».

– У меня все, товарищ капитан второго ранга, разрешите идти? – обратился лейтенант к замполиту.

– Да, конечно, идите, – разрешил замполит.

Асланов, отдав честь, вышел из кабинета. Подозвал Динаева.

– Тапа, а где каюта особиста, знаешь?

Динаев утвердительно кивнул.

– Отведи меня к нему, это будет последний визит на сегодня, – объяснил Асланов.

В каюте особиста повторилось все по сценарию, аналогичному в каюте замполита, но с существенной разницей – особист оказался весьма доброжелательным и любознательным офицером, он сразу же попросил пригласить матроса в каюту. Посадил его на диван, сам сел рядом и все излагаемое чеченцем записывал в толстую тетрадь, задав ему не менее двух десятков вопросов. В заключение разговора пообещал вызвать к себе штурмана и поговорить с ним. Обращаясь к Асланову, сказал, что сегодня же доложит командиру о поведении штурмана. Поблагодарил Руслана за визит и предоставленную информацию. На том и расстались.

Повеселевший Тапа провожал лейтенанта до трапа. Асланов попросил его информировать по результатам сегодняшних посещений, о дальнейшем поведении штурмана. Попро-

щавшись, Асланов убыл на баркасе на свой «Жданов» и продолжил готовиться на сход.

На следующий день часов в одиннадцать, дежурный по кораблю пригласил Асланова подняться на верхнюю палубу. Рядом с дежурным лейтенант заметил незнакомого офицера в звании капитана третьего ранга, подошел к ним.

–Асланов? – вопросительно спросил капитан третьего ранга.

Асланов подтвердил.

–Вам придется проехать со мной. Вы готовы?

Асланов подтвердил готовность.

Оба спустились по трапу, перешли на катер особого отдела, на пристани пересели в черную «Волгу». На входе в особый отдел предъявил удостоверение личности, дежурный записал его данные в журнал посещений и вернул удостоверение Асланову. Вместе с капитаном третьего ранга поднялись на второй этаж, вошли в большое светлое помещение. Это оказалась приемная начальника особого отдела Черноморского флота. Сопровождавший Асланова офицер доложил сидящему за столом офицеру о прибытии. Через минуту дежурный офицер предложил Асланову войти к адмиралу. В кабинете у начальника особого отдела находились двое: сам адмирал и капитан первого ранга. Лейтенант отдал честь и доложил о прибытии.

– Товарищ лейтенант, Вы вчера посещали «Дзержинский» и встречались с матросом Динаевым? – спросил ад-

мирал.

– Так точно, – подтвердил Асланов.

Адмирал предложил Руслану присесть к ним за стол, затем продолжил:

– Ну а теперь подробно расскажите о цели Вашего визита на корабль, с кем Вы встречались и разговаривали?

Асланов в подробностях рассказал о вчерашнем посещении «Дзержинского», ответил на все вопросы. Лишь однажды хозяин кабинета перебил его, когда он дошел в рассказе до уполномоченного особого отдела на крейсере.

– А с этого места подробнее и в деталях... – попросил адмирал. Чувствовалось, рассказ Асланова произвел на него сильное впечатление. Встреча и разговор заняли по времени около часа. Адмирал подошел к Асланову и обратился к нему со следующим предложением:

– Судя по всему, Руслан Георгиевич, Вы не в курсе произошедшего. Сегодня утром матрос Динаев Тапа убил разделочным ножом своего непосредственного командира – штурмана корабля. Вчера после Вашего визита штурман избил матроса, вероятнее всего, за то, что он Вам все рассказал. Вечером наш представитель на корабле довел до командира корабля информацию о взаимоотношениях между штурманом и Динаевым. Командир сразу же вызвал штурмана и имел с ним беседу. Результат этой беседы Вы уже знаете. После того, как штурман избил его, Динаев забрал с кухни продовольственного пищеблока разделочный нож и спрятал

в штурманской. Утром, когда штурман наклонился над картами на столе, он пригвоздил его к столу этим ножом. Тот скончался, по-видимому, сразу. Затем сам пошел к командиру на прием и доложил, что убил штурмана. Сейчас матрос находится на гарнизонной гауптвахте в отдельной камере, с ним работают следственные органы. Мы и родителей его вызвали, судить его будут. Руслан Георгиевич, спасибо Вам, можете идти, но помните: по данному случаю- никаких официальных заявлений! Асланов отдал честь и пошел на выход.

Дней через пять его опять вызвали с корабля, на берегу он встретился с отцом Динаева и двумя его братьями. Они благодарили его за поддержку Тапы, за его визит к штурману, за принципиальные правдивые показания органам прокуратуры и на суде военного трибунала. Суд отправил материалы на дорасследование. А еще через неделю Асланову стало известно, что матроса Динаева Тапу признали инвалидом первой группы по нервно-психическому заболеванию, и родственники забрали его домой. Думаю, что парню просто повезло. Через два с половиной месяца должна была состояться Московская Олимпиада, вся страна к ней готовилась, и этот случай «на почве межнациональной розни» быстро замяли. А еще через неделю вышел приказ командующего Черноморским флотом, в нем говорилось, что к выходцам с Северного Кавказа в разговоре нецензурных слов не применять, относиться с уважением и физически их не оскорблять. Чеченца Динаева Тапу я больше никогда не встречал.

А замполита с крейсера «Дзержинский» тихо отправили до-
служивать на Тихоокеанский флот с понижением в звании.

Пятница, 13-ое

В огромном холле приемного отделения Севастопольского Военно-Морского госпиталя царит тишина, бывшие морские офицеры, а это основной контингент плановой госпитализации, – народ терпеливый, и жаловаться на плохое самочувствие не привык, тем более – на людей. Эти выдавшие виды офицеры запаса и в отставке покорно сидят на диванах и в креслах, чаще всего сопровождаемые женами или любимыми дочерьми. Через коридор напротив – две двери, ведущие в кабинет дежурного врача-хирурга и врача-терапевта. Крайняя слева выходит широкой лестницей на второй этаж, где находится кабинет дежурного по госпиталю. Обычно дежурных назначают из числа старших офицеров медицинской службы, могущих самостоятельно принимать решения в сложных ситуациях, и обладающих большим жизненным опытом. Из кабинетов дежурных врачей время от времени выходят молодые миленькие медицинские сестры и приглашают очередных больных.

Утром на суточное дежурство заступил лейтенант Асланов, только несколько дней назад окончивший шестимесячный цикл первичной специализации по хирургии. Молодой офицер впервые самостоятельно дежурит в приемном отделении врачом-хирургом, а не дублером дежурного вра-

ча. За спиной у Руслана Асланова – более ста восьмидесяти выполненных самостоятельно и в качестве ассистента полостных операций. Вроде бы готов, но в тоже время ты один, рядом нет старшего наставника, с кем можно было бы посоветоваться. Представьте его состояние, когда такая ответственность внезапно легла на плечи лейтенанта медицинской службы. Хотя рядом в смежном кабинете заступила на суточное дежурство терапевтом Гуцунаева Ира – молодая врач-осетинка из Беслана, она в курсе, что это первое самостоятельное дежурство земляка, и искренне за него переживает. Дверь в ее кабинет все время полуоткрыта, и он периодически ловит ее поддерживающий взгляд.

На «скорой» привезли мичмана с перевязанной ладонью. Повязка пропиталась кровью, посеревшее лицо, искаженное гримасой боли, предполагали его быстрее эвакуацию в травматологическое отделение. Сопровождавшие мичмана сослуживцы объяснили: «Меняли двигатель машины, подняли «движок» на цепи, но он сорвался ну и прямо ему на ладонь...» Асланов коротко ответил на их вопрошающие взгляды: «Будем отправлять в травматологию, предстоит операция» и стал быстро заполнять историю болезни в части, касающейся приемного отделения. Одновременно левой рукой снял трубку с телефонного аппарата и доложил врачу в ординаторской травматологического отделения, что поступил мичман с разможенной кистью, которого после оформления истории болезни направит к ним. Попросил медицин-

скую сестру отвезти мичмана на каталке «по месту назначения», где его уже ждала операционная бригада. Сослуживцы вызвались помочь при транспортировке.

Еще оформляя историю болезни, Асланов обратил внимание на присутствующего в кабинете офицера в звании капитан- лейтенанта, про себя подумал, что это один из сопровождающих мичмана. Однако медсестра с пострадавшим мичманом и сопровождавшие его друзья вышли из кабинета, а незнакомый капитан- лейтенант выпал на секунду из поля зрения. Врач устало сел на стул и машинально откинулся на спинку. В тот же момент почувствовал сильнейший удар по лицу открытой ладонью слева направо. Удар был резким и совершенно неожиданным, в глазах вспыхнули искры, левое ухо мгновенно оглохло. Очнулся лейтенант на коленях справа от стола, но начали срабатывать инстинкты. Тело Асланова выбросило пружиной вверх, и неожиданно для себя спокойным голосом спросил:

– Вы что творите, товарищ?! Вы что себе позволяете?!

Сознание Асланова словно окуталось туманом: «Что это сейчас произошло? Кто этот человек? Почему он меня ударил?»

Капитан- лейтенант ничего не отвечал, но продолжал смотреть в лицо Руслана остекленевшими глазами, не мигая, попыток убежать не предпринимал, агрессии не проявлял, просто стоял и смотрел. Решение пришло, исходя из произведения Достоевского- простое: «Есть преступление,

но должно быть и соответствующее наказание». Руслан отнюдь не терзался сомнениями, подобно бедному студенту Раскольникову: «Тварь я дрожащая или право имею?» Тем более, что был абсолютно уверен: никогда ранее не видел этого человека. У стены напротив стола врача–хирурга стоял огромный дореволюционный сейф ярко-красного цвета. Ширина его была около двух метров, высота – более трех, весил этот артефакт шесть тонн. По разговорам старожилов, из-за огромного веса его не смогли загрузить на корабль убегающие за границу врангелевцы.

От прямого удара в левую верхнюю скулу незнакомца швырнуло к сейфу, о который он ударился всем телом, и как подкошенный рухнул на пол. В проеме двери появилась испуганная фигура Иры Гуцунаевой, прибежавшей на шум с выражением неподдельного ужаса на лице. «Дессæгтæ, дессæгтæ, амардтай йæ» («Ужас, ужас, ты убил его»), вскрикнула она, увидев на полу бездыханное тело капитан-лейтенанта. Асланов и Ира склонились над незнакомцем.

– Ира, он вроде не дышит. Что делать будем?

И тут проявились решительность и стальная воля осетинской женщины.

– Бери его на руки и неси на кушетку в мой кабинет!

Асланов, подхватив капитан-лейтенанта, рванулся в кабинет к терапевту, бросив тело на кушетку, разорвал на нем форменную рубашку, благо майки на незнакомце не было.

– Руслан, делаем закрытый массаж! Я дышу «рот в рот»,

ты делаешь четыре качка в области сердца. Начали!

Через три минуты незнакомец задышал.

– Надо его немедленно направить в реанимацию. Ты согласен? Асланов кивнул головой. Капитан- лейтенанта тотчас доставили в реанимацию. Ира Гуцунаева пятый год работает в военно- морском госпитале, знает многих, в том числе и врачей реанимационного отделения. Ей не составило особого труда попросить врача на том конце провода внимательно понаблюдать за состоянием поступившего офицера Владимира Руденко, особо это не афишируя. Удостоверение офицера они обнаружили в правом наружном кармане форменной рубашки, из него явствовало, что Руденко служил в информационном отделе штаба Черноморского флота. Руслана Ира в отделение реанимации не пустила: «Пойдешь через час. Пусть картина прояснится».

Через полтора часа томительного ожидания Ирине позвонили и сообщили, что состояние поступившего капитан-лейтенанта Руденко стабильно удовлетворительное, и его перевели в терапевтическое отделение.

...Капитан- лейтенанта Асланов обнаружил лежащим на койке у входа в палату, левый глаз его заметно заплыл. Присел на край койки. Выдержав паузу, Руслан начал первый:

– Володя, из- за инцидента меня лишат диплома, в любом случае виноват я, ты – больной, я – врач. Давай вытаскивай меня, Володя, иначе мне капут.

Руденко внимательно выслушал, а затем неожиданно

спросил Асланова:

– Слушай, а почему ты меня не спросишь, зачем я тебя ударил? Нас тут в палате четверо офицеров, мы уже успели тебя обсудить, а тот, крайний, Николай, тебя хорошо знает, ваши корабли на «Угольной» рядом стоят. Ты же на плавбазе «Виктор Котельников» служишь? Получилось все из-за того, что морда твоя жидовская не понравилась. Это Коля мне потом в палате рассказал, что ты осетин. Да я и сам погорячился, ну да ладно, что-нибудь придумаем. Давай-ка тащи три коньяка, чтобы лучше думалось.

Уже на выходе услышал голос Николая:

– Я же говорил, он не жадный...

В магазин пошел через приемное отделение, рассказал подробно Гуцунаевой о разговоре с капитан-лейтенантом.

– Сейчас иду в магазин за коньяком, – закончил Руслан.

...Затем они пили коньяк с Володей и тремя больными из его палаты. Выдули все три бутылки. Асланов начисто забыл о цели своего визита и только прощаясь, Руденко молча протянул ему сложенный вдвое лист бумаги. Уже в приемном отделении он отдал его Ирине, она прочла его вслух. Начинаясь записка словами: «Находясь в приемном отделении с температурой более 39 градусов... и заканчивалась: «по инциденту я и Асланов претензий друг к другу не имеем».

Асланов поднялся на второй этаж и подал записку дежурному по госпиталю майору медицинской службы Шевченко, на имя которого она была написана Руденко. Подробно

изложил ему суть инцидента в приемном отделении. Шевченко внимательно выслушал его доклад, затем показал запись в журнале учета происшествий. Асланов прочитал запись Шевченко, где было указано, что капитан- лейтенант Руденко первым ударил дежурного врача- хирурга по лицу.

Шевченко с ненавистью процедил сквозь зубы:

– Не будь этой записки от Руденко, тебя как минимум лишили бы диплома, как максимум – завели бы уголовное дело. Я не знаю, как ты уговорил Руденко написать на мое имя докладную, но я не верю, что он тебя вообще ударил. Завтра я все равно доложу начальнику госпиталя.

Слово свое он сдержал. Утром после сдачи дежурства вновь заступившему врачу- хирургу в приемное отделение Асланову позвонила секретарь начальника госпиталя, сообщив, что его хочет видеть «главный». В кабинете начальника госпиталя кроме хозяина никого не было. Сделав три шага от двери, Руслан доложил о своем прибытии. Начальник госпиталя оторвал голову от лежавших перед ним бумаг, снял очки и стал внимательно рассматривать офицера.

– Скажите, Асланов, капитан- лейтенант Руденко действительно Вас ударил? Или дело обстояло по- другому? Откровенно Вам скажу, я не верю ни одному Вашему слову. Вы, кавказцы, лицемеры и лично Вас надо было бы лишить диплома. Но так как Руденко написал объяснительную, Вам просто повезло. Вы мне лично крайне неприятны, и я не хочу дальше с Вами общаться. На том и разошлись. Из кабине-

та начальника госпиталя Асланов вышел несколько удрученный. «Надо же, «кавказцы лицемеры», недалекий человек какой-то, про себя возмущался Руслан. Суббота для лейтенанта выдалась выходным днем. На окраине Севастополя он снимал комнату в частном доме у двух одиноких стариков.

«Поеду-ка домой и хорошенько выплюсь», – решил Асланов. Конечная остановка троллейбуса была как раз на площади перед военно-морским госпиталем. Как всегда, в троллейбус набилось много народу: мамы с малышами, школьницы и школьники в пионерских галстуках, ну и, конечно, бабушки и дедушки. Наконец битком набитый троллейбус тронулся. Руслану досталась возможность стоять на второй ступеньке у заднего входа. Несмотря на то, что все фрамуги и форточки открыты, в троллейбусе стоит страшная духота. Проехали Ушакову балку, Угольную. На остановке Судостроительного завода в переднюю дверь троллейбуса втиснулись пять рабочих, еще трое – в заднюю. Вошедшие были в брезентовых спецовках – грязных и покрытых ярко-оранжевой охрой. В таких спецовках работают в доках, где они очищают днища кораблей от ракушек и старой краски. Но это было не самое страшное. Рабочие, стоявшие на ступеньках задней двери, где ранее стоял Асланов, стали громко переговариваться с передними, обильно сдабривая свою речь ненормативной лексикой. Матерились эти рабочие так грязно, что пассажиры троллейбуса разом замолчали, в салоне повисла тишина.

Первыми не выдержали молодые мамыши, они вежливо попросили рабочих не травмировать психику их детей. На что последние покрыли трехэтажным матом и мам, и стоящих рядом с ними молодую поросль, и всех их родственников до седьмого колена. Женщины, видимо, не желая сдавать свои позиции, не нашли ничего лучшего, как обратиться к офицерам–пассажирам с просьбой утихомирить разбушевавшийся пролетариат. Но офицеров в троллейбусе было двое – стоящий в нейтральной середине пожилой капитан второго ранга, явно не боец, и лейтенант Асланов, по воле судьбы оказавшийся рядом с рабочими у задней двери. «Беда не приходит одна, – подумал с тоской Руслан, – одну неприятность пережил, и вот тебе вторая». Лейтенант негромко выдавил, обращаясь к рабочим:

– Послушайте, ребята, вы бы прекратили нецензурно выражаться, здесь ведь дети и женщины.

Спереди раздался рев одного из рабочих:

– Петро, кто там напрашивается, дайте ему в хайло.

Однако в «хайло» Асланову было трудно дать, рабочие стояли ниже по уровню, в менее выигрышной позиции, они могли лишь толкать его в живот. Три головы находились на уровне груди Асланова. Скорость и точность ударов, а также сила, с которой они наносились лейтенантом, стала увеличиваться. Пятеро рабочих рванулись к ним на помощь, топча и мам, и детей, и даже капитана второго ранга. Казалось, весь троллейбус единым фронтом выступил в защиту лей-

тенанта. Рабочие ревели, пассажиры визжали, Асланов отбивался. Водитель троллейбуса резко затормозил и открыл обе двери, отчего трое рабочих и лейтенант разом выпали из транспортного средства. Лейтенант понял, что вне троллейбуса силы явно неравны, и принял единственно правильное решение. Лягнув напоследок неосторожно приблизившегося рабочего, Руслан побежал. Минут через пятнадцать перешел на шаг, осмотрелся и подвел печальный итог: фуражку потерял, правый погон начисто оторван, форменная рубашка порвана в нескольких местах.

«Надо идти к Гале», – решил Асланов. Галя Духовая работала в Доме офицеров, преподавала в музыкальном кружке, учила детей азам игры на фортепьяно. Однако негласно вела и частные уроки, занималась с детьми после окончания рабочего дня в музыкальном кружке. Жила она в комнате, предоставленной ей лично по распоряжению начальника Дома офицеров в том же здании, но имевшей отдельный вход. Вот туда-то и устремился лейтенант. Он был уверен, что она в Доме офицеров из-за загруженности, ибо официальные и частные уроки практически не оставляли ей времени на личную жизнь. А личная жизнь была в лице Руслана вот уже год с лишним. Один комплект воинской формы лейтенанта хранился у нее в шкафу. Лейтенанту повезло, еще издали он увидел ее на ступеньках на выходе из дома. Она его тоже заметила и остановилась, поджидая. Но увидев, в каком состоянии его внешний вид, остолбенела, продолжая молча

его разглядывать.

– Галя, мне бы переодеться у тебя надо, – начал Руслан.

– Можно было бы и поздороваться, – услышал он вдруг. Повернувшись направо, увидел говорившего – высокий парень спортивного сложения, лет на пять старше Руслана, в синей безрукавке, серых брюках и кривой ухмылкой на лице. Галя молчала. Асланову в ее молчании что-то не понравилось.

– А ты кто такой будешь? – с неподдельным удивлением и любопытством спросил, полностью развернувшись к парню, Руслан. Галя схватила его за руку. Поздно. Парень уже лежал на земле. Асланов почувствовал вдруг, как чьи-то сильные руки стиснули его с обеих сторон, заставляя наклониться вперед. Только тут он обратил внимание, что у обоих мужчин, стоящих по бокам, брюки с красными лампасами. Надели на него наручники и потащили к милицейскому УАЗику. В машине ему эти два бугая ногами наглядно объяснили, что сотрудников милиции руками трогать нельзя. Руслану пришлось согласиться, доводы были убедительные.

В отделении милиции его поместили в изолятор временного содержания, наручники сняли, документы забрали. Минут через двадцать вывели его из «обезьянника» и повели по узкому коридору в кабинет к дознавателю. Дознаватель, парень лет двадцати семи, держал в руках его удостоверение личности (офицерам паспорта выдают лишь при увольнении в запас). Сопровождавший Асланова сержант придви-

нул стул к столу и удалился, лейтенант присел, и они с дознавателем уставились друг на друга. У хозяина кабинета светло- соломенные волосы, зачесанные назад, под носом – тонкие усы того же цвета, нос прямой. Ну вылитый немец. Дознаватель, наконец, начал:

– Назовите Ваше полное имя, отчество и фамилию.

Асланов назвал.

– Дату и место рождения, национальность.

Асланов назвал.

Затем следователь и задержанный перешли на осетинский язык, вернее, перешел следователь, а Руслан машинально начал отвечать. Выяснилось, что зовут его Таймураз Ревазов, родом из Алагира, где родился и Асланов. Перешли к сути случившегося.

Ревазов объяснил, что ударил он начальника уголовного розыска отделения милиции района, но парень он не мстительный, и с ним можно договориться.

– Сейчас я его позову, поговори с ним, – сказал Таймураз, после чего позвонил ему и пригласил в кабинет. Начальник УГРо и Асланов приветливо поздоровались, познакомились. Руслан искренне принес извинения за подбитый глаз, Василий также в долгу не остался и извинился за экзекуцию в милицейской машине.

Дабы уладить инцидент и закрепить знакомство, Руслан пригласил Василия и Таймураза посидеть в ресторан «Старый Крым». Василий в свою очередь предложил позвать еще

двух ребят из прокуратуры. Асланов горячо поддержал инициативу, а так как дело было к вечеру, решили выехать сразу. По дороге Руслан попросил проехать новых друзей через Дом офицеров, быстренько прошел к Гале, чтобы привести себя в порядок и заодно переодеться.

В ресторане им предоставили стол у колонны, откуда открывалась панорама всего зала. Заказали шашлык, салат, зелень, водку, коньяк... Пока готовили заказ, Руслана познакомили с ребятами из прокуратуры, оказалось, что они ненамного старше его. Оба окончили юридический факультет, но Коля – Симферопольского, а Саша – Краснодарского университета. Парни простые, с хорошим чувством юмора. Сразу попросили Василия рассказать о травме его глаза. Тот переадресовал их к Асланову. Руслан начал рассказывать о своих злоключениях в подробностях с госпиталя, плавно перешел к троллейбусу, как Василий вдруг прервал его:

– Так вот чья фуражка у меня в кабинете на вешалке, а мы- то думаем, кто этот погромщик- армянин, тебя пассажиры троллейбуса так окрестили. Искали мы тебя, брат, как раз на перехват выехали, а ты мне в глаз съездил и операцию сорвал.

Посмеялись. Руслан закончил свой рассказ словами.

– Я атеист, не суеверный, но вчера была пятница, тринадцатое, три инцидента за два дня – немного ли для меня одного? К тому же сдается мне, это еще не конец, и я опять влипну в какую-нибудь историю.

Саша- прокурор обнял Руслана за плечи. Всех присутствующих развеселили последние слова Асланова. Таймураз ответил за всех:

– Рядом с тобой сидят представители прокуратуры и родной милиции, что еще может сегодня с тобой произойти, ты под нашей охраной?! Давайте- ка вмажем по бортовой, кто что пьет?

Водку в компании предпочитали двое – Руслан и Василий, остальным Асланов до краев наполнил фужеры коньяком. Постепенно разговоры вошли в нормальное русло, о работе уже никто не говорил, музыканты заиграли что- то в танцевальном ритме.

По залу прошла волна оживления, многие из присутствующих прошли на площадку перед музыкантами, начались танцы. Мимо их столика продефилировала девушка с явным намерением присоединиться к танцующим. Окинув сидящих с Русланом мужчин дерзким бесцеремонным взглядом, девица неожиданно для присутствующих двумя руками задрала свою плотно облегающую юбку, затем внезапно высоко забросила свою левую ногу перед лицом Асланова и уселась верхом на его колени. Ловко обвила лейтенанта за шею руками и алчно впиалась губами в его губы...

К столику вслед за ней подлетели явно нетрезвые мужчины, один из них резко выбросил руку, ударив кулаком Руслана в лицо:

– Ты что к моей девушке пристаешь, гад!

Асланов резко вскочил, девушка отлетела как мяч и, ударившись виском о угол стола, рухнула на пол. Спустя несколько секунд рядом с ней лег и ревнивец. В дело вступили силовые структуры – заломив Руслану руки, товарищи вытащили его из зала и посадили в кусты сирени.

Таймураз Ревазов выразил мнение всех, прохрипев:

– Сиди здесь, никуда ни шагу! – после чего они все ринулись обратно в зал ресторана заминать происшедшее.

Через двадцать минут Руслана вызволили из зарослей сирени. Василий предложил проехать к ним в отделение и закончить начатое, они попросили девушек- официанток уложить в пакеты и вынести им через черный выход заказанные блюда и алкоголь. В три часа ночи они все вместе, не сговариваясь, повезли его домой – мало ли что может еще с ним приключиться!

Прошло сорок лет. Крым опять наш. Лет пять назад случайное знакомство свело Руслана со служащим банка в Беслане – дальним родственником Таймураза Ревазова, который и поведал, что он остался на постоянное местожительство в Севастополе. Двое его мальчиков окончили балетную школу в Киеве, но, когда развалился Советский Союз, переехали во Францию и долгое время танцевали в знаменитом кабаре «Мулен Руж», приняли в конечном итоге французское гражданство.

Через год после «чудного» знакомства Асланова перевели на новое место службы на Балтийский флот в Кронштадт, и

больше он никогда не встречался с начальником УгРо Васей и прокурорами Сашей и Колей. Галя Духовая вышла замуж и проживает сейчас с семьей в Москве.

Операция

В начале сентября 1981 года эскадренный миноносец «Сознательный», на котором я служил начальником медицинской службы, пройдя Босфор и Дарданеллы, повернул в сторону Эгейского моря. Одновременно на другом конце к проливу Гибралтар выдвинулся американский авианосец «Интерпрайз» с явным намерением войти в Средиземное море. В советский период на флоте было заведено следующее правило: если суда и корабли блока НАТО заходили в Средиземное море, к ним сразу же прикреплялись наши корабли сопровождения, которые неотступно следовали за ними по всей акватории. Кораблей у нас хватало – их в море постоянно находилось до двадцати единиц и две-три подводные лодки. Необходимо было организовать сопровождение авианосца на весь период его нахождения в Средиземном море. Командующий 5-ой средиземноморской эскадры поставил задачу слежения и сопровождения авианосца большому противолодочному кораблю «Керчь» и эскадренному миноносцу «Сознательный». Но, если «Керчь» находился как раз у ворот Гибралтара, то эсминец «Сознательный» – ближе к Эгейскому морю, за несколько сотен километров от пролива. И еще, вооружение «Керчи» позволяло ему уничтожить авианосец двумя ракетами, «Сознательно-

му» для выполнения аналогичной задачи понадобилось бы как минимум четыре ракеты.

Авианосец топить никто не собирался, просто мы все знали, какие системы ракетного оружия находятся на тех или иных проектах кораблей. Гроза авианосцев «Керчь» был введен в строй в 1969 году, «Сознательный» – в 1956 году. Но по скоростным данным эсминец БПК никак не уступал. Эсминец- корабль проекта 56. Имел 126 метров в длину и 12 – в ширину, высотой от днища до топ- мачты 25 метров. Крейсерская скорость 32 узла или 60 км. в час. Эскадренный миноносец «Сознательный» относился к классу кораблей слежения и сопровождения и находился в «постоянной» боевой готовности.

Я возглавлял на «Сознательном» медицинскую службу и уже месяц как мы находились на боевой службе. В кают- компании офицеры во главе со старпомом ждали командира, его внезапно вызвали на прямую связь с командующим эскадры. Он вел переговоры в помещении корабля с постоянно закрытой бронированной дверью с аббревиатурой ЗАС (закрытая связь), куда вход строго ограничен. Офицеры догадывались, что задачу кораблю, вероятнее всего, поменяли. К таким внезапным изменениям поставленных задач мы уже привыкли, обстановка диктует и вносит коррективы – придет командир и все объяснит. Офицеры ждут стоя, не садятся. Пока командир не пригласит офицеров за стол, никто в кают- компании не садится, это морская традиция, и ее стро-

го соблюдают. Раздается команда старшего помощника:

– Товарищи офицеры!

Все присутствующие поворачиваются лицом к вошедшему.

– Командующий 5-ой средиземноморской эскадры определил новую задачу и порядок движения корабля в Эгейское море. Мы идем спасать греческие рыболовецкие суда. Шесть из них затонуло, часть экипажей спаслась в шлюпках. Мы ближе всех к этому району, и нам поручено их подобрать и эвакуировать на остров Китирос. Штормовое предупреждение в районе поиска – шесть-семь баллов, ветер продолжает усиливаться, – объявил Лев Борисович офицерам, – что касается авианосца, слежение и сопровождение будет осуществлять БПК «Керчь».

– Василий Степанович, – обратился командир к старпому, – имущество крепить по-штормовому. Через двадцать минут после подтверждения начинаем выдвигаться. Товарищи офицеры, прошу садиться.

Лев Борисович Сидоренко – капитан третьего ранга, командир корабля. Высокий и стройный молодой офицер. Ему тридцать два года, и он старше меня всего на пять лет. По штату на корабле девятнадцать офицеров, двадцать три мичмана и двести сорок два человека личного состава срочной службы. Справа от командира за столом сидит его старший помощник Лату Василий Степанович – придиричивый, но справедливый человек. Мы его за это уважаем. Родом он

из Кишинева. Слева возвышается штурман Лесной Николай – красивый смуглый украинец. За столом в кают- компании каждый офицер прикреплен за своим постоянным местом. Очередность определяется порядковым номером боевой части или службы, где офицер служит. Боевых частей на корабле пять, служб четыре. Я отношусь к медицинской службе и мое место – пятое по левую руку от командира.

В течение двух последующих суток мы безрезультативно искали «греков», вероятнее всего они все же утонули. Осень и зима в Средиземном море период штормов. Район поисков составлял около 10 000 кв. км. Шторм усилился. На боковых галсах волны били в борт нашего корабля с такой силой, что шестисантиметровая сталь не выдержала и дала трещину. В течение последних двенадцати часов трещина в борту увеличилась до пяти метров. Наконец корабль получил разрешение покинуть зону поиска и перейти поближе к побережью Сирии, где вода была спокойнее. На тот период наш флот уже потерял две военно- морские базы в Александрии (Египет) и Бизерте (Тунис), осталась всего одна – в Тартусе (Сирия). В Тартуском доке и предполагалось осуществить сварочные работы поврежденного борта корабля

Но, как говорится, беда не приходит одна. Вечером на переходе ко мне обратился матрос Мелехов с жалобами на болезненность в правой подвздошной области. Измерил температуру- 38,30. Мелехов рассказал, что боль появилась шесть дней назад, с каждым днем она усиливалась. А сегодня он

больше терпеть эту боль не смог, поэтому и обратился ко мне. Исходя из анамнеза и объективных методов обследования, я поставил предварительный диагноз: «Острый гангренозный аппендицит». Пришлось Мелехову перебираться на амбулаторную койку изолятора, под мое наблюдение. На корабле находился флагманский врач нашей 30-ой дивизии майор медицинской службы Кононенко Александр Стефанович, мой непосредственный начальник. Пригласил его на консультацию. Александр Стефанович с предварительно выставленным мной диагнозом согласился. Согласился он и с тем, что больной Мелехов нуждается в немедленной операции, но ассистировать на операции категорически отказался. Скорее всего, испугался ответственности. Затем я зашел в каюту к командиру корабля и доложил о больном.

– Мелехова надо оперировать, товарищ командир, однако предполагаю, что время несколько упущено. Обратился матрос через неделю. Наверняка аппендицит гангренозный, и, если он прорвался в брюшную полость, возможен перитонит. Идти на операцию одному не резон. Кононенко ассистировать отказался ввиду возможных осложнений.

Командир с тревогой в голосе поинтересовался:

– Руслан, ты уверен, сам-то справишься?

– Лев Борисович, первичную специализацию по хирургии я прошел в 1979 году. Самостоятельно сделал сорок семь аппендэктомий. Оперировать не боюсь. Санинструктор Повар и матрос Любченко ежегодно проходили месячную под-

готовку в 1-ом военно-морском госпитале на операционных медсестер. В них я уверен. Однако считаю, что ассистировать мне должен врач. Он же даст оценку моим действиям в ходе операции в случае каких-либо непредвиденных обстоятельств. Наиболее подходящей кандидатурой считаю капитана медицинской службы Корнаева. Он является начальником медицинской службы сторожевого корабля «Ладный». Пока погода позволяет ему необходимо перейти на наш корабль. А я начинаю готовить операционную с Вашего разрешения?

Лев Борисович ответил утвердительно:

– Давай, Руслан, начинай готовить. Чем тебе еще помочь, говори, не стесняйся?

– Товарищ командир, – начал Руслан смущенно, – Александр Стефанович у меня весь спирт забрал и даже из НЗ (неприкосновенный запас).

Командир недовольно поморщился:

– Алкаш... Сколько тебе необходимо спирта? Литра хватит? Пришли ко мне санинструктора с емкостью.

Собрав в медсанчасти свой личный состав, я спокойно обсудил предстоящую операцию. Каждому объяснил его задачи и функциональные обязанности. И в санинструкторе Поваре и матросе Любченко был уверен, что не подведут.

– Оперировать будем в штормовых условиях, ветер усиливается. Ассистировать мне будет Корнаев Вячеслав с «Ладного». Готовить к операции два малых операционных набо-

ра. Любченко, подберешь мне четырех матросов поздоровее – нас с Корнаевым за ноги будут держать. Повар, возьми емкость и двигай к командиру, он обещал дать на операцию литр спирта. Затем начинайте стерилизовать инструменты, о готовности доложите. Вопросы есть?

Вопросов не было. По дороге в каюту заглянул в изолятор к Мелехову.

– Послушай, Сережа, – обратился я к нему, – дальше тянуть нельзя. Надо оперировать твой аппендицит. Оперировать я буду с капитаном Корнаевым. Он на «Ладном» доктором, скоро прибудет. Врач он опытный, знающий хирург. Оперировать будем под местным наркозом. Ну что скажешь, Сережа? Согласен?

Мелехов молча кивнул головой, выбора у него не было. Пока я разговаривал с матросом подошел озадаченный санинструктор Повар.

– Товарищ старший лейтенант, – начал он неуверенно, – зачем готовить под операционную третий кубрик? Четвертый и больше и светлее.

– Повар, скажи мне, пожалуйста, где находится миттельшпиль над третьим или четвертым кубриком? Ветер усиливается, а центр корабля находится в районе ПЭЖ (пост энергетики и живучести), а под ним на второй палубе и находится третий кубрик. В центре корабля всегда меньше качает. Будем разворачивать два инструментальных столика, за них ты отвечаешь. Иди готовь кубрик и не переживай, все будет

хорошо, ни в тебе, ни в Любченко я не сомневаюсь, — подбодрил я своего санинструктора. Подбежал вестовой и доложил, что прибыл капитан медицинской службы Корнаев и он проводил его ко мне в каюту.

Славик Корнаев был старше меня на четыре года. Чуть ниже меня ростом, коренастый осетин, надежный во всех отношениях. Я всегда ценил его советы и прислушивался к его мнению. Быстро спустился в каюту. Мы обнялись, несколько минут поспрашивали друг друга о здоровье, о домашних, о службе. Я искренне был рад другу. Пригласил посмотреть больного матроса и показал, где будем его оперировать. Корнаев побеседовал с Поваром и Любченко, расспросил, чем каждый из них будет заниматься во время операции. Ответами матросов остался доволен. Затем мы вдвоем отправились к Кононенко и доложили о готовности к операции. Александр Стефанович пожелал нам удачи и углубился в читку газеты.

Доложил командиру о начале операции. Попросил его идти против волны, ибо удары волны о борт вызывают сильные толчки. И если не держаться руками за что-нибудь, мощный толчок может сбить с ног. А если ты в этот момент оперируешь и в руке у тебя скальпель или инструменты для остановки кровотечения, типа остроконечных зажимов, может иметь место несчастный случай. Командир обещал, что при начале поворота корабля нас будут оповещать голосовым сообщением. Ветер постепенно усиливался, а это, есте-

ственно, влияло на высоту волн, что увеличивало амплитуду качки. Операция проходила в следующих условиях. Корнаева и меня, намертво вцепившись в каждую ногу, держали по два матроса, лежа на палубе и широко разбросав ноги для устойчивости. Любченко обхватив руками столик с инструментами, опершись спиной в переборку кубрика, ноги – в положении шире плеч. Повар сегодня за операционную медицинскую сестру, его ногу также мертвой хваткой держит здоровенный матрос третьего года службы. Вторая нога свободная, чтобы он мог вращаться по оси от столика с инструментами к операционному столу. Мелехов широкими ремнями привязан к столу, стол прикреплен цепями к открывающимся из пазов в палубе крючками. Вот в таких условиях мы начали операцию.

Но природа решила еще раз проверить моряков на вшивость. Мощнейший удар о борт корабля случайной волны отбросил Любченко от переборки, не выпуская из рук столика с инструментами, он рухнул на палубу с корабельным матом. Смеялись все, даже запеленованный Мелехов повизгивал на операционном столе. Одному Любченко было не до смеха – при ударе о палубу он надорвал ушную раковину и сильно ушиб голову. У нас наготове был еще один столик со стерильными инструментами. Любченко немедленно его накрыв и вновь занял боевую позицию.

Операция длилась около часа и прошла успешно. Приключений больше не было. Мы отправили прооперирован-

ного матроса на корабельных носилках по внутренним коридорам в изолятор медсанчасти, сами же прошли в мою каюту. Надо было в истории болезни записать весь ход операции. Славика Корнаева я в этот день с корабля не отпустил, попросил вместе со мной понаблюдать за Мелеховым. На самом деле мотивы были другими. Просто хотел отблагодарить его за оказанную помощь и содействие. Затем решил пригласить и флагманского врача Кононенко на ужин, отметить благополучное завершение операции. Однако Александр Стефанович мое предложение отклонил, объяснив, что переходит на корабль управления «Виктор Котельников». Вел себя весьма странно: в глаза не смотрел, сутулился, выглядел подавленным и неуверенным в себе. Забегая вперед, скажу: больше этого человека я никогда не встречал. Он исчез из бригады, из эскадры, из Севастополя, говорили, что он переехал в Ростов, откуда был родом.

Поднялся на командный пункт к командиру, доложил ему о проведенной операции, о состоянии матроса Мелехова. Рассказал о странном поведении флагманского врача. Вот тут-то командир меня и просветил.

– Когда вы с Корнаевым оперировали матроса, твой начальник Кононенко подслушал по – видимому мой разговор с командиром бригады. Говорили с комбригом об операции, он меня заверил, что в случае благополучного исхода будет ходатайствовать перед командующим эскадры о присвоении тебе и Корнаеву высоких правительственных наград. Вас ре-

шили представить к орденам Красной Звезды. Решение комбрига я поддержал. Оперировать больного в шестибальный шторм может только врач, обладающий большим мужеством и ответственностью.

Это хорошая часть нашего разговора, Руслан, а теперь о плохом, – командир тяжело вздохнул и продолжил, – все-таки, скорее всего Кононенко подслушал мой разговор с комбригом. Он быстро набросал текст о проведенной операции, но заменил вас собою- якобы в тяжелых штормовых условиях он один прооперировал матроса Мелехова. Аккуратно подделал мою подпись и передал матросу в помещение ЗАС. Матрос телеграмму в Москву отправил, но засомневался в подлинности документа и принес мне написанный рукой Кононенко текст с моей подделанной подписью. О случившемся я доложил комбригу, а он – командующему эскадрой.

Результат такой: орден Красной Звезды Кононенко аннулировали. Командир эскадры и командир бригады предложили ему уволиться в запас по выслуге лет. Предупредили, что в случае отказа его дело передается в суд офицерской чести, со всеми вытекающими последствиями. Кононенко согласился с первым вариантом. Выслугу в льготном летоисчислении он набрал, но подполковника уже не получит. А теперь о самом печальном, – Лев Борисович сочувствующе посмотрел на меня и продолжил, – орден Кононенко аннулировали, но и вы с Корнаевым к орденам представлены не будете. Дважды за одно дело не награждают. Ты пожалуйста

не расстраивайся и не переживай, у тебя еще все впереди. Ну и Корнаева тоже успокой.

– Лев Борисович, – обратился я к командиру, – я еще обрадоваться не успел, не то, чтобы переживать. Разрешите идти?

И получив разрешение, вышел с командного пункта. Подходя к каюте, я думал: «Рассказать Славе об услышанном от командира или нет? Ему будет крайне неприятно узнать, по чьей вине он не получил правительственную награду. И расстроится надолго, переживать будет. Нет, Слава, ничего я тебе рассказывать не буду».

Изобразив на лице подобие радости, открыл дверь каюты и перешагнул через комингс. В каюте со мной проживал помощник командира по снабжению. Звали его Саша Гапонов. Направляясь к командиру, попросил Сашу организовать стол. Шагнув в каюту, заметил, что Слава что-то оживленно обсуждает с Гапоновым. Увидев меня входящего, быстро попытался убрать кисть левой руки за спину. Обратил внимание и на то, как они сразу же сменили тему разговора. Саша разлил водку в стаканы, и мы выпили за здоровье больного.

– Послушай, Слава, правой рукой ты стакан держишь, но закусывать будешь все равно левой. Третьей руки у тебя нет. А теперь покажи левую кисть и объясни, почему она оказалась забинтована, ведь уходя, я оставил тебя в полном здравии.

Корнаеву ничего не оставалось, как поведать свою историю.

– Когда ты к командиру пошел, в каюту заглянул Саша. Он- то и рассказал мне о проделках флагманского врача. Оказывается, офицеры на корабле были уже осведомлены о мошенничестве Кононенко с орденом и живо обсуждали это между собой. Отношения с Александром Стефановичем у меня были всегда натянутые, мы друг с другом и разговаривали сквозь сжатые зубы и только на служебные темы. А тут такая новость от Гапонова. Ну я и завелся... Схватил твою стеклянную пепельницу со стола и пошел к нему в каюту выяснять отношения. Саша мне вслед кричит, что в каюте его нет, он, мол, минут десять назад видел его на верхней палубе с вещами. Поднялся наверх, смотрю, стоит негодяй у трапа, рядом чемоданчик, в руках- кожаный бушлат.

Я ему и говорю:

– Слышал, что увольняют Вас по несоответствию. Вот я и думаю, как легко стало дышать. Наверно, потому что – гавно – то уплывает...

Ну он мне левой и отвесил пощечину на глазах у дежурного офицера и помощника дежурного по кораблю. Я в долгу не остался – твоей пепельницей раза два приложился к его лицу и голове, после чего пепельница от удара о его голову разбилась у меня в руке. Порезы от стекла на ладони глубокие, но сухожилия не задеты. Твой Любченко мне раны зашивал. Молодец какой...

На боевой службе «Сознательный» находился еще пять месяцев. Честно и с достоинством выполнив свой воинский долг, мы вернулись в Севастополь. Через три месяца нашего командира приняли в Ленинградскую военно-морскую академию им. Кузнецова, и он убыл по новому месту назначению. Командиром эсминца «Сознательный» стал наш старпом Василий Степанович Лату. Слава Карнаев был назначен флагманским врачом 30-ой дивизии. Выйдя в запас, остался с семьей на постоянное место жительства в Севастополе. Больше я с ним никогда не встречался. В июне 1982 года меня перевели на Краснознаменный Балтийский флот. Новое место моей службы называлось Кронштадтская дивизия надводных кораблей охраны водного района Ленинграда. Недавно через интернет поинтересовался дальнейшей судьбой эскадренного миноносца «Сознательный». Оказалось, что Лату В.С. был его последним командиром. В 1988 году эсминец «Сознательный» был выведен из состава Черноморского флота, расформирован и сдан на слом.

В гостинице "Советская"

Вот уже третий год подряд в свой очередной плановый отпуск старший лейтенант Асланов приезжает в холодную северную столицу. Но не любоваться достопримечательностями Ленинграда, красотой фасадов зданий и сокровищницами Эрмитажа и кунсткамеры. Третий год подряд он штурмует кафедру абдоминальной хирургии при военно-медицинской академии С.М. Кирова, ищет любые возможности для поступления в ординатуру. Еще в Севастополе, где он серьезно занимался хирургией, заведующим хирургическим отделением военно-морского госпиталя Черноморского флота полковником Сергеем Алексеевичем Севастьяновым ему была дана письменная рекомендация на имя своего старого однокашника Николая Стефановича Юрихина с просьбой помочь молодому офицеру в становлении и утверждении его полостником-хирургом.

Асланов письмо Юрихину передал, и тот взял над Русланом патронаж и третий год учит его премудростям полостной хирургии, искренне старается помочь ему подготовиться и поступить в ординатуру при академии. Но сегодня в больнице скорой и неотложной помощи, где ведущим хирургом работает Николай Стефанович, для Асланова открылась истина страшная и откровенная по своей сути. Юрихин

был рад очередной встрече с Аслановым. Он действительно полюбил этого настырного старшего лейтенанта, ему нравились его неумная настойчивость и упорство, а также способность впитывать как губка советы и рекомендации Николая Стефановича по абдоминальной хирургии. Но, увы, в тот советский период этого было явно недостаточно, решающую роль при поступлении в престижный ВУЗ или при устройстве на хорошо оплачиваемое доходное место играли родственные связи во власти. И как подтверждение этому...

Дверь в кабинете Юрихина была приоткрыта, что дало возможность Асланову прослушать практически весь разговор Николая Стефановича с однокашником. Севастьянов интересовался успехами Асланова, перспективой и возможностями поступления в ординатуру. Юрихин тяжело вздохнул:

– Послушай, Сережа, я тут разговаривал кое с кем на шестом факультете. Дохлый номер. Асланову ходу не дадут. Мне объяснили, что места в ординатуре распределены на десять лет вперед. Никакой перспективы. Вот только как это Руслану преподнести? Жаль парня, когда я ему об этом расскажу, он сломаться может. Задатки по хирургии у него, несомненно, есть. И учить я его буду с удовольствием. Но ты же понимаешь, что нужно систематическое обучение и документ об окончании ординатуры. Иначе как пристроить его в хирургическое отделение в госпиталь? Вот ведь дело в чем, – закончил Николай Стефанович.

Асланов молча выслушал до конца диалог двух незаурядных хирургов, снял халат и хмуро пошел в раздевалку. "Все, мне здесь делать больше нечего". Гостиница "Советская", где он постоянно останавливался все эти три года, была отстроена и введена в строй всего пять лет назад. Высоченная, в шестнадцать этажей, выстроенная в современном стиле, она сразу же пришлась по душе Руслану своим огромным холлом, выложенным мрамором и гранитом, высокими и широкими коридорами, ярко освещенными бронзовыми люстрами под ретро. В коридорах зеленые ковровые дорожки, что создавало атмосферу уюта и хорошее настроение. Гостиничный номер Асланова находился на четвертом этаже. Туда он и вернулся, расстроенный и подавленный. В шикарном номере было одиноко и тоскливо. Принял ванну, включил телевизор. На столе коньяк и фрукты. Даже не притронулся.

Не хотелось одному в номере оставаться. Асланов вышел в коридор и направился к дежурной по этажу. Присел на диван рядом с ней. С Вале́й они были знакомы уже два года. Молодая разведенная женщина обладала хорошей чертой – никогда не вмешивалась в личную жизнь постояльцев. А еще умела слушать. Понемногу она его разговорила. На душе у Руслана полегчало. Всегда так, когда на душе тяжело, люди ищут возможность пообщаться и высказать вслух свои неприятности. Это помогает. Разговаривая с Вале́й, Асланов заметил боковым зрением, что к ним по коридору приближает-

ся какой- то старший офицер в морской форме. Внезапно поднявшись, отдал честь поравнявшемуся с ним старшему по званию. Сработала выучка в "королевском" флоте – так в шутку называли офицеров и матросов, служивших на Черноморском флоте. Продолжил разговор с дежурной. Однако через три минуты этот же офицер уже возвращался обратно. Пришлось повторить все с начала. Поднявшись, он вновь отдал честь старшему офицеру. Заметил, что тот с любопытством рассматривает его. Валя рассмеялась:

– Смотри, он опять возвращается. Приготовься, ведь ты его опять приветствовать будешь.

Асланов раздраженно усмехнулся. Однако снова, как и в первые два раза, встал и отдал честь. Полковник медицинской службы, крупный мужчина с приветливым лицом, остановился и внимательно посмотрел на него:

– Вы почему все время приветствуете меня стоя? Вы меня знаете, товарищ старший лейтенант? Мы знакомы?

– Никак нет, товарищ полковник. Я Вас не знаю. Но Вы старший по званию, и я должен Вас приветствовать стоя каждый раз, как написано в уставе Военно- Морского флота.

Незнакомец поинтересовался, кто он, где служит и что он делает в гостинице. Асланов представился и коротко изложил ему причину нахождения в Ленинграде. Полковник неожиданно предложил:

– Зайдите ко мне в номер минут через пятнадцать. Я улажу кое- какие дела, и мы с Вами пообщаемся. Если не воз-

ражаете.

Асланов не возражал. Незнакомец удалился в направлении холла гостиницы. Наскоро попрощавшись с Вале́й, озадаченный Асланов вернулся в номер: "Наверно, командированный, на совещание приехал. Видать, из высокого начальства, так что же, зайти к нему или нет? Ладно, зайду. Время скоротаю. Билет у меня все равно на послезавтра. Завтра пройду по музеям". В номер постучали, Руслан широко распахнул дверь. На пороге, улыбаясь, стоял незнакомец.

– Входите, пожалуйста, товарищ полковник, – пригласил Асланов гостя, – у меня вот коньяк, фрукты...

– Нет, Руслан, пойдем ко мне в номер. У меня тоже коньяк и еще кое- что имеется. Ну что, пошли? – не терпящим возражений тоном сказал полковник.

Асланов вышел из номера, закрыл его на ключ, и они вместе двинулись направо по коридору. Номеров через шесть остановились. Незнакомец открыл дверь ключом, вошел внутрь. Вслед за ним – Асланов. На столе в номере стояло две бутылки коньяка "Наполеон" в окружении бананов, апельсинов и ананасов. В открытых причудливых консервных банках – икра черная и красная, и еще много всякой вкуснятины. Асланов утвердился в мысли, что это наверняка офицер из руководящего состава Северного или Тихоокеанского флотов. Но ошибся.

– Меня зовут Виталий Сергеевич Расковий. Я начальник медицинской службы Ленинградской военно- морской базы.

В гостинице нахожусь в силу обстоятельств, ты, наверное, заметил, что я хромаю. Это меня жена каблуком в бедро ударила. Нога- то как болит! Кажется, гематома нарываает. А коньяк ты пьешь?

– Да, пью.

Присели за стол. Руслан открыл бутылочку. Разлил коньяк по гостиничным стаканам. Виталию Сергеевичу полстакана, себе полный. Выпили. Полковник поинтересовался:

– Чего не закусываешь?

– Мы, русские, после первой не закусываем.

– А разве ты русский?

– Шутка, я осетин.

Выпили еще, завязалась беседа. Руслан начал подробно рассказывать о своей службе в Севастополе, о безуспешных попытках поступить в ординатуру. Расковый внимательно слушал. Затем вдруг спросил:

– А квартира у тебя в Севастополе есть?

– Нет, квартиры в Севастополе у меня нет. Ведь я еще не женат.

– А хочешь, я тебе сейчас квартиру сделаю?

Асланов недоуменно посмотрел на Виталия Сергеевича.

– Каким образом?

Расковый снял трубку телефона и набрал какой- то номер:

– Свяжите меня, пожалуйста, с Потапенко.

Асланов замер. Контр- адмирал Потапенко – начальник тыла Черноморского флота. С изумлением уставился на Ви-

талия Сергеевича. Ужасно довольный произведенным эффектом, Виталий Сергеевич продолжил:

– Здравствуй, Алексей Федорович, это я, Виталий Сергеевич. Послушай, тебе фамилия "Асланов" ничего не говорит? Тут со мной рядом старший лейтенант. Так вот, у меня просьба к тебе: дай ему, пожалуйста, однокомнатную квартиру.

Асланов схватил Раскового за руку:

– Подождите, Виталий Сергеевич, мне не надо квартиры в Севастополе! У меня к Вам другое предложение есть!

Виталий Сергеевич расхохотался, довольный произведенным впечатлением:

– Я перезвоню тебе, Алексей Федорович, попозже. Обстоятельства несколько изменились...

В голове Асланова уже созрел план:

– Если Вы можете мне квартиру дать, могу ли я Вас попросить вместо квартиры перевести меня с Черноморского флота в распоряжение Ленинградской военно-морской базы под Ваше командование?

Расковый смеется:

– Хорошо, я переведу тебя в Ленинград.

– Но как Вы меня переведете, если послезавтра я уезжаю в Севастополь, а еще через три недели мой корабль готовится к выходу в Средиземное море на шесть месяцев?

Виталий Сергеевич усмехается:

– Руслан, спокойно улетай в Севастополь и жди перевода.

Я слова просто так на ветер не бросаю.

Они добивают вторую бутылку "Наполеона". Руслан вежливо встает.

Раскованный с иронией спрашивает:

– Тебе в туалет? Нет? Тогда сядь на место.

Достает из портфеля еще два "Наполеона".

– Жаль, женского общества нет. Скучновато. А ты как считаешь?

Асланов на подхвате:

– Дело исправимо. Разрешите пригласить двух девушек, моих знакомых.

– Разрешаю. Сколько тебе на это времени надо?

– Не больше тридцати- сорока минут.

Асланов направляется к двери. В своем номере набирает номер телефона:

– Послушай, Наташа, можешь подъехать ко мне в гостиницу? Ты рассказывала, что у тебя есть подруга Таня. Можешь ее тоже захватить, если она согласна. Возьмите такси и подъезжайте. Машину я оплачу. Ждать вас буду перед входом. Минут через пятнадцать выхожу.

Наташа с Таней – красивые девушки без комплексов. Наташа киномеханик кинотеатра "Титан". Ей двадцать три года. Руслан заметил еще раньше, что многие ленинградки высоки ростом.

Уплатив таксисту, втроем поднимаются в номер к Асланову. В номере Руслан галантно ухаживает за ними, снимает

пальто.

– Танюша, у меня к тебе просьба. Сейчас мы войдем в номер к полковнику. Он крупный начальник. Посидим у него, выпьем коньяк. Затем я с Наташей уйду часа на два, а ты останешься. Ты согласна? Хорошо. Он тебе уши мыть будет, что в Афганистане был ранен, поэтому и хромает. На самом деле его жена побила туфлей, вопросов, пожалуйста, по этому факту не задавай.

... Часа через три Асланов зашел в номер к Виталию Сергеевичу. Раскованный по-домашнему расположился в кресле, одетый в пижаму. Перед ним раскрытая записная книжка. Рядом на столике – очки в роговой оправе.

– Присядь, – Виталий Сергеевич указал абсолютно трезвым взглядом на кресло через столик, – Начинается серьезная работа. Основная задача в период твоего перевода ко мне в Ленинградскую военно-морскую базу заключается лишь в одном: постарайся не скомпрометировать себя недостойным поступком или каким-нибудь случайным ляпсусом. Впрочем, я сразу понял, что голова у тебя на плечах. Может быть, есть и поумнее головы, но мне нравится твоя исполнительность. А сейчас я занесу твои данные себе в записную книжку.

Асланов напрягся. Понял, шутки кончились. Напротив, сидел человек, который за несколько часов изменил весь ход предполагаемых им событий в совершенно другом направлении. "Интересно, а сколько времени уйдет на перевод? Мне

же корабль на выход в Средиземку готовить надо через месяц", – подумал озабоченно Асланов, отвечая на вопросы Раскового. Виталий Сергеевич словно читал его мысли. Оторвав взгляд от записной книжки, он внимательно посмотрел ему в глаза:

– Через две недели, Руслан, ты будешь служить под моим началом. О хирургии больше и не думай, буду готовить тебя в мои заместители. Через два года пойдешь на командный факультет руководящего состава. А там видно будет. Запомни одну вещь: кадры решают все, и кадры всегда старайся подбирать сам...

Через две недели старший лейтенант Асланов стоял с одним чемоданом у Медного всадника. Экскурсовод рассказывал туристам из глубинки об истории создания монумента и еще о том, как гранитный пьедестал в течение шести месяцев перетаскивали из Карелии на берег Невы. Но Руслана заинтересовало нечто другое. Яйца у коня были отшлифованы до блеска. Остановив двух курсантов военно-морского училища, отдавших ему честь, он спросил их о причине этого феномена. Замявшись, они затем объяснили:

– Пятый курс в ночь перед выпуском специально мелкой наждачкой начищает их до блеска. Традиция у нас такая, товарищ лейтенант.

Я служил на флоте

В 1989 году я, майор медицинской службы, оканчивал последний курс командного факультета руководящего медицинского состава при Военно- медицинской академии имени С.М.Кирова. Кафедра называлась «Организация и тактика медицинской службы флота» и располагалась на пятом этаже современного девятиэтажного здания, сделанного по последнему слову строительной и архитектурной мысли – из стекла и бетона, отличавшегося нестандартностью и дизайном. Расстояние от корпуса до Финляндского вокзала не превышало трехсот метров. Академия тщательно готовила руководящие кадры практически по всем военно- медицинским специальностям. Учеба предполагала два года обучения и приравнивалась ко второму высшему образованию. По окончании командного факультета выдавался диплом, и выпускнику предлагалось несколько престижных вакантных должностей на одном из четырех флотов Советского Союза.

До государственных экзаменов оставалось меньше трех месяцев. Я иду на золотую медаль, ни одной четверки в процессе учебы, только оценки «отлично» по всем изучаемым предметам, когда мне «вдруг» стало известно – медаль я не получаю. Меня пригласили на родную кафедру, где вежливо объяснили, что золотых медалей в этом году выделили

всего четыре, а претендентов – восемь человек, и что мне, возможно, придется уступить ее. Я этот вариант переговоров предполагал ранее как обязательную неизбежность, почему он и не стал неожиданным. Меня даже готовили к такому возможному повороту событий – «уступить на определенных условиях». Они предполагали обязательное распределение в пределах Ленинградской военно- морской базы, а конкретнее – на должность начальника 102 поликлиники Кронштадтского гарнизона. Я жил в Кронштадте с семьей в трехкомнатной квартире, и ехать на Камчатку с тремя несовершеннолетними детьми было по крайней мере нецелесообразным. Отношения с начальником отдела кадров академии полковником медицинской службы Игорем Александровичем Шамариным у меня были весьма доверительными, он-то и предупредил меня, что выпускной аттестационной комиссией академии мне будет предложена должность флагманского врача дивизии надводных кораблей на Камчатке как основной вариант распределения. «Но, если окончить командный факультет на золотую медаль или получить красный диплом «с отличием», выпускник имеет право выбора дальнейшего места службы», – поучал меня Игорь Александрович. Поэтому без боли в сердце можно было уступить золотую медаль другому претенденту, имея в запасе второй вариант.

Подходил к концу 1989 год, и мне было ясно и видно, куда ведет страну президент- авантюрист Горбачев. О каком рас-

пределении можно было говорить, если страна находилась на грани развала, и еще неизвестны были масштабы и результаты этой измены и предательства?!

«Если страна прекратит свое существование, все побегут на территории своей малой исторической Родины или же рванут в эмиграцию за рубеж, опыт 1917 года у нас имеется, – рассуждал я.– и чем ближе к родным пенатам, тем легче будет попасть домой, в случае чего».

Незадолго до выдачи дипломов меня вызвали в отдел кадров академии, где Шамарин показал мне незаполненный пригласительный билет участника торжественного приема выпускников- «отличников», окончивших академии Министерства обороны СССР в 1989 году. Торжественный прием намечалось по традиции провести в Георгиевском зале Кремля. Организатором мероприятия выступил лично министр обороны СССР маршал Язов Д.Т. В ходе разговора Игорь Александрович вдруг неожиданно спросил у меня: – Руслан Георгиевич, а Вы не хотели бы быть участником намечающегося московского торжества? Статус выпускника академии с «красным дипломом» это позволяет. Разве Вам самому не интересно побывать в Кремле, посетить мавзолей Владимира Ильича? А ведь в Георгиевском зале намечается фуршет для приглашенных, будет, о чем потом сыновьям и внукам рассказать...

Затем, довольный произведенным на меня впечатлением и моим изумленным лицом, вписал своим каллиграфиче-

ским почерком мою фамилию, имя и отчество в пригла- сительный билет. А еще через неделю по его команде мы, при- глашенные выпускники из Ленинграда, собрались в указан- ный день в огромном холле Московского вокзала. Подали дополнительный поезд на Москву. Наша ленинградская де- легация военных – выпускников академий – заняла свои ме- ста в вагонах.

В Первопрестольной пересели на автобусы, которые подо- гнали прямо к Ленинградскому вокзалу. Старшие буквально по головам нас пересчитали, и колонна двинулась к Кремлю. В Георгиевском зале, на всю его длину, стояли в несколь- ко рядов накрытые столы. Обслуживали их молодые офици- анты в ярко- красных жилетах. Стульев не было. Фуршет. Всем офицерам было предложено подойти к столам. Я ока- зался среди венгерских и вьетнамских офицеров- выпускни- ков академий. Присутствующих было не менее тысячи чело- век.

Министр обороны СССР маршал Язов Дмитрий Тимофе- вич выступил с короткой речью- поздравлением в связи с окончанием учебы и прохождением дальнейшей службы в войсках, после чего предложил начать трапезу. Я заметил среди офицерской массы двух земляков–генералов, подошел и представился: вначале – генералу Цаголову Киму Македо- новичу, затем – генералу Суанову Станиславу Николаевичу. Ким Македонович запомнился веселым и компанейским че- ловеком – раскрыл секрет, что на столах в пластиковых бу-

тылках «Колокольчик» разлита водка. Станислав Николаевич, наоборот, был очень скован. Он только удостоился звания генерала и в свои 39 лет считался самым молодым генералом в Вооруженных силах.

Торжество продолжалось не более двух часов. Затем все повторилось с точностью до наоборот: выезд на автобусах до вокзала и на поезде – до Ленинграда.

Через три месяца начались государственные экзамены и распределение слушателей на новые места службы. За отказ выехать на Камчатку решением «высочайшей комиссии» академии меня на год определили флагманским врачом в 39 Ленинградскую бригаду строящихся и ремонтирующихся кораблей.

В течение года я входил в комиссию по приемке новых кораблей малого и среднего тоннажа в состав военно-морских сил Балтийского флота. В основном это были малые и средние морские тральщики, малые и средние корабли на воздушной подушке. В среднем наша госприемка принимала 2-3 корабля в месяц. Приходилось присутствовать на всех ходовых испытаниях, т.е. выходить в море в район островов Гогланд, Лавенсаари, Сескар, Малый и Большой Тютерс – это в акватории Балтийского моря между Эстонией и Финляндией. Корабли на воздушной подушке проходили испытания только на территории военно-морского завода под грифом «Сов. секретно» и за пределы Ленинградской ВМБ не выпускались. Приходилось до двадцати дней в месяц находиться в

море и в шторм, и в ясную погоду.

И лишь только через год я был назначен на должность начальника 102- й поликлиники Ленинградской ВМБ по Кронштадтскому гарнизону. К тому времени уже три месяца должность начальника 35 военно- морского госпиталя исполнял подполковник медицинской службы Петросян Эдуард Мартиросович, мой старый приятель. Пройти в госпиталь из поликлиники можно было, не выходя на улицу, через двери в дальней противоположной наружному входу стороне поликлиники. В Кронштадте на тот период проживало более семидесяти тысяч человек, из них более сорока пяти тысяч составляли офицеры ВМФ и члены их семей, а также моряки срочной службы. И все были закреплены за 102- й поликлиникой, где решались одновременно вопросы военно- врачебной экспертизы, оформления и выдачи санаторно- курортных карт, направления нуждающихся на стационарное лечение в центральные учреждения здравоохранения Ленинграда и Москвы.

В том же 1991 году мы с Эдуардом Мартиросовичем были избраны в городской Совет народных депутатов города Кронштадт. Это было счастливое время, но продолжалось оно недолго. Кто мог подумать тогда, что Советский Союз перестанет существовать, а самое мощное государство распадется на пятнадцать самостоятельных независимых государств. Через год Горбачев будет отстранен от президентской власти, затем – ГКЧП, президентство Ельцина, развал

СССР, первая чеченская война, вторая чеченская война, обвал рубля – дефолт, приватизация, ваучеризация, люстрация и прочие «измы» ... Одиннадцать лет длилось время смуты. Начали переименовывать города, улицы, площади, сносились памятники, и самое страшное – неизменные спутники безвременья – развал экономики и безработица. Появились термины «ОПГ» – «Организованные преступные группировки», «криминальный Петербург», «открытый беспредел», «оборотни в погонах» ... Люди стали меняться на глазах, рушились принципы, которые раньше казались незыблемыми. Наступила эра тотального предательства везде: в семьях, между друзьями и подругами – люди не жили, а выживали. Престиж офицера- защитника Отечества упал ниже плинтуса. Многие офицеры эмигрировали из России в дальнее и ближнее зарубежье. Часть офицеров стала злоупотреблять крепкими алкогольными напитками, глуша непонимание ситуации и бесперспективность дальнейшего существования, ощущая ежедневно свою полную ненужность государству.

Эдик Петросян – одна из жертв этой новой системы, так и не смог ее воспринять, окончательно «сел на стакан» и через три года скончался от цирроза печени. Часть сотрудников возглавляемой мной поликлиники также решила на эмиграцию, выехала на постоянное место жительства: медицинская сестра Таня Латман – в Израиль, врач- терапевт Лариса Петрова – в Финляндию, медицинская сестра Люда Тураева

– в Швецию, Ира Третьякова вообще вышла замуж в США, проживает сейчас в Техасе.

В 1996 году мы с женой развелись, а через год умер папа от онкологии. Я забрал шестилетнего Тимура к себе, и уже двадцать четыре года он постоянно рядом со мной. Таня Латман предлагала мне вместе с ней уехать в Израиль, заключив фиктивный брак, чтобы быстрее открыть визу на въезд. Такое же предложение поступило от Петровой Ларисы – от моего бывшего врача-терапевта, но уже в Финляндию. Контр-адмирал Виктор Александрович Гокинаев – бывший командир Кронштадтской дивизии – уволился в запас и был приглашен на должность начальника собственной безопасности в пивоваренную компанию «Балтика», которую в то время возглавлял Боллоев Таймураз. Виктор Александрович предложил мне оставить военную службу и перейти к нему в отдел охраны. Однако, к тому времени у меня сложились несколько другие намерения относительно дальнейшего места проживания.

В 2000 году закончился срок моей военной службы, и я вышел в запас в звании подполковника. Твердо решил вернуться домой, в Северную Осетию. Хочу жить там, откуда начинал. О своем решении объявил Тимуру и маме. Решение поддержали единогласно. Позади остались двадцать шесть лет службы на военно-морском флоте, впереди – новая гражданская жизнь...

Либерзон

Удивительна и многогранна история осетинского народа. Не вторгаясь в седую старину, рассмотрим ее небольшой пласт. Как известно, в 1774 году Осетия присоединилась к России. И с тех пор наши земляки участвовали во всех войнах на стороне государства, в состав которого вошли добровольно. До 1917 г. из двухсоттысячной Осетии вышло 48 генералов и двадцать тысяч офицеров Русской Армии. Преданность, отвага и доблесть – черты, которые наиболее точно характеризуют осетинских воинов. «Осетины особенно бесстрашны и закалены как спартанцы. Договариваться с ними – политическая необходимость», – пишет в своих записках русский генерал Скобелев. Он же отмечал, что если осетины и бывают последними, то только при отступлении.

Следует отметить, что дворянские титулы, звания, земли, награды они получали не по «блату», как теперь принято выражаться, а за верность присяге, беспримерную храбрость и подвиги на полях сражений. При этом они никогда не участвовали во внутренних военных операциях по подавлению бунтов, что также определенным образом характеризует наших пращуров. Многие из них занимали высокие должности при дворе. Достаточно вспомнить хотя бы генерал-лейтенанта Хабалова Сергея Семеновича. Факты из его биогра-

фии: В 1914- 1916 годах – военный губернатор Уральской области и наказной атаман Уральского казачьего войска. 13 июня 1916 года был отозван в столицу и назначен главным начальником Петроградского военного округа. 24 февраля 1917 года командующему войсками Петроградского военного округа генерал- лейтенанту С.С.Хабалову была передана вся полнота власти в столице. Во время Февральских событий был арестован и заключён в Петропавловскую крепость. Допрашивался Чрезвычайной следственной комиссией Временного правительства. Освобождён после Октябрьской революции, уволен со службы с мундиром и пенсией. В 1919 уехал на Юг России. 1 марта 1920 года эвакуировался из Новороссийска в Салоники.

Революция и последовавшая за ней гражданская война привели к массовой эмиграции моих соотечественников, не согласившихся мириться с большевистской властью на Кавказе. Февраль 1917- го стал разделительной чертой в идеологической приверженности и точкой невозврата для многих достойных сынов Осетии. И в связи с этим вспоминается случай, который произошел со мной в Хорватии. Будучи молодым лейтенантом военно- морского флота, весьма часто и длительно участвовал в морских походах в Средиземном, Эгейском, Адриатическом морях, в составе 5- й Средиземноморской эскадры побывал во многих странах. Любил ходить по музеям, историческим местам. Произошло это в Хорватии, в городе Сплит, в 1980 году. Конечно, посмот-

рел главную достопримечательность – Дворец Диоклетиана – старинную часть исторического центра города Сплит, последнюю резиденцию римского императора Диоклетиана, правившего почти 18 столетий назад. Его величественная архитектура ежегодно привлекает в этот город более 400 000 туристов. Далее в мою «культурную программу» входило посещение Национального музея. Не повезло – то ли был выходной, или по какой-то другой причине, но входная дверь оказалась заперта. Подергал за ручку, и из недр музея появилась женщина, вероятно, сотрудница. Она объяснила, что учреждение закрыто на ремонт.

По ходу беседы я обратил внимание на панно, где золотым тиснением были выгравированы имена всех директоров музея. Хорваты – славяне, поэтому я без труда прочитал на латинице, что с 1923 по 1932 год его директором был генерал Цаликов, имени, к сожалению, не помню. Объяснил не без гордости женщине, что Цаликов – мой земляк, она, оказывается, знала, что он представитель маленькой осетинской нации на Кавказе, белоэмигрант, пояснила, что директор-генерал был вторым браком женат на хорватке...

В числе тех, кто вписал в историю белого движения на Кавказе и Закавказье яркие страницы и оставил заметный след, безусловно, находятся и братья Бичераховы – Лазарь и Георгий, казаки станицы Ново-Осетинской Терской области, сыновья вахмистра Собственного Его Императорского Величества конвоя Фёдора Бичерахова. О перипетиях тра-

гической судьбы этих, безусловно, легендарных личностей написано много. Из открытых источников известно, что Георгий Бичерахов (1878— 1920) – деятель антибольшевистского движения на Юге России, предводитель Терского восстания. Окончил Санкт- Петербургское реальное училище и Императорское Московское техническое училище. В 1902 году увлекся идеями социал- демократии. Как меньшевик участвовал в Первой русской революции. В начале лета 1918 года поднял на Тереке крупное антибольшевистское восстание, собрал войска (около 12 тысяч человек), которые возглавил генерал- майор, осетин Эльмурза Мистулов. Казаков поддержал Осетинский народный совет, также приступивший к формированию своей армии и объявивший призыв нескольких возрастов. В течение лета- осени 1918 года Бичерахов был фактическим правителем Терека. Он был избран председателем Терского Казачье- Крестьянского Совета, а затем, с образованием Временного Народного Правительства Терской республики, стал его председателем.

Терские казаки под началом Бичерахова и Мистулова сражались как против терских большевиков и их союзников, так и против их врагов – горских сепаратистов- националистов во главе с Нажмудином Гоцинским. В ходе этих боев Терек со всех сторон был окружён частями большевиков, горцев и так называемых «интернационалистов», включая, например, 1- й отдельный Китайский отряд ЧК во главе с Пау Тисаном. Поздней осенью 1918 года восстание белоказачков было по-

давлено большевиками, генерал Мистулов Эльмурза застрелился 7 ноября в станице Прохладной, которая была взята большевиками 9 ноября. Отряду казаков в 2000 человек под командованием генерала Колесникова (он прилетел на аэроплане в ноябре из белого Ставрополя) и Бичерахова удалось прорваться на восток, на Червленную и далее на Порт-Петровск (ныне Махачкала). Здесь Георгий присоединился к отряду брата, Лазаря Бичерахова. После того, как зимой 1918/19 года войска генерала Врангеля освободили Северный Кавказ от большевиков, нанеся им чудовищное поражение и практически уничтожив. Терское войско было интегрировано в состав Вооружённых сил Юга России (ВСЮР), причём терских казаков возглавил один из активных участников Терского восстания, атаман Вдовенко, а Бичерахов 29 октября 1919 года был вызван в ставку Деникина, где его арестовали. Под арестом он содержался в Ростове-на-Дону, при отступлении белых (1920) попал в плен к большевикам, был ими расстрелян. По другим, более достоверным, данным, был отправлен из Ростова-на-Дону в ссылку в Одессу или в Киев, в конце февраля 1920 года прибыл в Терскую область и вместе с отступающими от красных беженцами направился в Баку, где был после установления Советской власти опознан и расстрелян большевиками.

Лазарю Бичерахову повезло больше, хотя лиха он хлебнул сполна. Коротко вехи его биографии: окончил 1-Петербургское реальное училище, Алексеевское военное учили-

ще. Подъесаул Горско- Моздокского полка Терского казачьего войска, начальник партизанского отряда в Персии. Георгиевский кавалер. Прибыв в начале 1918 из Персии в Баку и Дагестан, стал руководителем борьбы с большевиками в Дагестане; командующий войсками "Диктатуры Центрокаспия", затем возглавлял союзное кавказско- каспийское правительство. Уфимской директорией произведен в генерал- майоры с назначением командующим войсками Западно- Каспийского побережья. В начале 1919 после расформирования его войск англичанами перешел в ВСЮР. Генерал- лейтенант. Умер в эмиграции 22 июля 1952 в г. Дорнштадт в пансионе для престарелых под Ульмом (Германия), похоронен там же. Истории жизни и деятельности братьев Бичераховых посвящено большое количество монографий, книг, и есть различные интерпретации событий, в которых они участвовали. Но мало кто знает, что у Георгия и Лазаря был еще один брат... – Лев Иосифович Либерзон. И здесь я расскажу еще одну удивительную историю – историю знакомства с младшим из рода Бичераховых.

Но все по порядку.

В 1987- 1989 годах я учился в Ленинграде в Военно- медицинской академии им. С.М.Кирова на факультете руководящего командного медицинского состава ВМФ. Основной девятиэтажный корпус находился рядом с Финляндским вокзалом, и я часто заходил в расположенный здесь небольшой магазин "Соки – воды". Многие, наверное, помнят нена-

вязчивый советский сервис, но на удивление в этой торговой точке всегда было чисто, персонал отличался опрятностью и вежливым обхождением с покупателями, доброжелательностью, что весьма меня удивляло. Повинуясь природному любопытству, я обратился к барменше:

– А кто у вас директор?

Она указала на находившегося в глубине зала старика:

– Да вот тот старик.

– А как его зовут?

– Лев Иосифович Либерзон.

– Судя по фамилии, он еврей?

Девушка в знак согласия кивнула головой. Я решил с ним познакомиться, выразить благодарность за качественный уровень обслуживания. Это был высокий смуглый старик лет, возможно, около девяноста, с благородной осанкой, с совершенно седой головой с короткой стрижкой, а из-под таких же седых кустистых бровей на меня был устремлен проницательный взгляд. Поздоровались с ним за руку, мы обменялись подобающими случаю фразами. Я внимательно всмотрелся в его глаза и рассмеялся:

– Лев Иосифович, Вы такой же еврей, как я негр.

Затем, перейдя на осетинский, сказал ему:

– Вы ведь осетин! Разве я ошибаюсь?

Старик вытаращил на меня глаза, кажется, его взяла оторопь, и секунд двадцать он молча смотрел на меня. Справившись с охватившим его замешательством, позвал меня

жестом следовать за ним. В его рабочем кабинете состоялся разговор уже на родном нам языке. Правда, в силу того что ему нечасто, вероятно, приходилось пользоваться им, мой собеседник тщательно подбирал слова. "Либерзон" поведал мне горестную историю о том, как после трагических событий, приключившихся со старшими братьями, он с сестрой вынужден был бежать из родной станицы. Они перебрались сначала в Ростов- на- Дону, оттуда – в Москву, а уж затем – в город на Неве, где и обосновались. Сестра настолько боялась ареста, что месяцами не выходила на улицу, можно сказать, умерла от страха быть схваченной ГПУ. Сам же Бичерахов – младший, опасаясь разоблачения, женился на женщине еврейского происхождения, взял ее фамилию, поменял имя-отчество, став таким образом Львом Иосифовичем Либерзоном. Жена скончалась несколько лет назад, и он жил один. Единственная дочь вышла замуж и проживала в Италии.

Мы с ним долго беседовали, он все не мог наговориться, держа мою руку в своих сухих ладонях, задавал много вопросов. На прощанье попросил, чтобы я к нему заходил как можно чаще. С этого дня я стал постоянным клиентом магазина "Соки- воды", хотел доставить радость старику. Как – то в разговоре я спросил его, почему братья не забрали их с собой.

Он ответил:

– Не успели. Красные захватили Моздок.

– Значит Вы – белогвардеец? – рассмеялся я, –надо же,

подполковник Советской армии сидит рядом с белогвардейцем, и они мирно беседуют.

– С поручиком белой армии, – парировал он с улыбкой.

Должен отметить, что, несмотря на возраст, мой земляк сохранил ясность ума и цепкую память. А спустя восемь месяцев "Льва Иосифовича Либерзона" не стало. Те, кто верит в сказки про существование загробного мира, сказали бы, что братья Бичераховы из казачьей станицы Ново-Осетинской воссоединились на небесах. Я же убежден и скажу без ложной скромности, что своим присутствием мне удалось скрасить последние месяцы пребывания на этой брэнной земле Бичерахова – младшего.

Депутат Кронштадта

В 1991 году я был назначен на должность начальника 102 поликлиники Ленинградской военно-морской базы по Кронштадтскому гарнизону. В поликлинику перешел с должности флагманского врача 39-ой бригады строящихся и ремонтирующихся кораблей. До этого назначения каждое утро в течение года и четырех месяцев мне приходилось вставать в шесть часов утра и на «метеоре» (скоростной катер на подводных крыльях) добираться в Ленинград на Васильевский остров, где располагалось управление бригады.

Начальником 102 поликлиники до меня был подполковник медицинской службы Дудченко Виктор, которому также приходилось вставать рано утром и мчаться на «метеоре» в Кронштадт, потому что проживал – то он в Ленинграде. А вечером, после окончания рабочего дня, он на пароме переезжал залив и высаживался в Ломоносове, затем электричкой добирался до Ленинграда. Самое интересное заключалось в том, что если меня эти поездки выматывали, то Дудченко они почему-то устраивали. Вот так мы и ездили, пока Виктору Дудченко, зазевавшемуся при посадке на паром, аппарателю не отрезало нижнюю треть голени. Естественно, о дальнейших его перемещениях уже не было и речи, что, наконец, дало мне возможность стать начальником

поликлиники, а Дудченко – инвалидом второй группы. Как говорится, не было бы счастья, да несчастье помогло...

За три месяца до моего назначения должность начальника 35 военно-морского госпиталя занял подполковник медицинской службы Петросян Эдуард Мартиросович. Он зашел в поликлинику поздравить меня. Кстати, пройти из госпиталя в поликлинику можно было, не выходя на улицу, но Витя Дудченко выход в госпиталь закрыл на ключ, и сотрудники обоих учреждений вынуждены были по нескольку раз в день, через госпитальный двор, пробираться туда и обратно. Как мне объяснила главная медсестра поликлиники Раиса Ивановна, у начальников не сложились отношения. Двери по моему устному распоряжению теперь были открыты в течение всего рабочего дня и закрывались в 17 часов, после прекращения приема пациентов в поликлинике.

До назначения в поликлинику я работал в чисто флотских мужских коллективах, а тут вдруг сразу семьдесят шесть женщин и двое мужчин в подчинении! Один из них – мой непосредственный заместитель подполковник медицинской службы Сергеев Алексей Николаевич, второй – врач-хирург Саша Матвеев, перешедший к нам из городской поликлиники. И на хрупких плечах этого коллектива держалась вся тяжесть медицинского обслуживания двух третей населения города. В Кронштадте населения более семидесяти тысяч человек, из них более сорока пяти тысяч офицеры и члены их семей, и, конечно, моряки срочной службы. Но

в городе существовала и гражданская система управления здравоохранения, в которую входили городская поликлиника и больница, а также городской родильный дом. Рабочих и служащих морского завода обслуживала медсанчасть № 66. Представьте, четыре огромных дока на заводе, и численность рабочих и служащих – около четырех тысяч. Кронштадтцы проживали в трех жилых массивах – собственно в «старом городе», который находился внутри крепостной стены, затем – в жилом комплексе сразу за городской стеной под названием «шестнадцатый квартал», где проживали в основном морские офицеры с семьями; и на выезде из Кронштадта перед въездом на дамбу располагался жилой комплекс для строителей дамбы – «девятнадцатый квартал». Я жил с семьей на «шестнадцатом квартале» в трехкомнатной квартире на четвертом этаже девятиэтажного корпуса.

Ближе к концу рабочего дня мне позвонил председатель законодательного органа города Кронштадта Суриков Виктор Леонидович – человек властный и решительный. Судя по разговору, он был в курсе моего назначения. Виктор Леонидович предложил мне выдвинуть свою кандидатуру в городской Совет. В связи с выездом действующего депутата народного Собрания из Кронштадта на новое место жительства в городском Совете народных депутатов освободилось место. Капитан первого ранга Суриков до увольнения в запас занимал должность начальника особого отдела Кронштадтской дивизии, отказаться от его предложения было бы

нерациональным.

Вечером, после рабочего дня, зашел к нему в городскую администрацию. Поднявшись на второй этаж, попросил секретаршу доложить о моем приходе. Виктор Леонидович принял меня весьма доброжелательно, мы знали друг друга около девяти лет. Поздравив меня с назначением, сразу перешел к делу:

– Руслан Георгиевич, будем говорить откровенно. Из вооруженных сил я уволился по выслуге лет. Сам я был изначально избран депутатом городского Совета жителями «старого города», а затем депутаты выдвинули меня на пост председателя народного Собрания. Но буквально через три месяца состоятся выборы новой структурной единицы, которой ранее не было. Это должность мэра города Кронштадта. Избираться мэр будет собранием городского Совета депутатов. Вот почему я прошу тебя пойти на выборы в депутаты в городской Совет, мне нужна твоя помощь. В совете много случайных и мутных людей, и сейчас для них сложилась благоприятная ситуация. Давай включайся в работу. Времени на раскачку мало.

Мне надо было идти на довыборы по «девятнадцатому кварталу» – так определила избирательная комиссия. Что весьма осложняло мое участие в выборной компании. Этот жилой массив состоял из шести девятиэтажных корпусов. Длина одного корпуса составляла около трехсот метров, девять подъездов. На каждом этаже – четыре квартиры. На

выборах необходимо было заручиться поддержкой жителей двух корпусов общей численностью 2800 человек, из них с правом голоса – 2300 человек взрослого населения. Но какого населения! Практически все строители дамбы были бывшими уголовниками, отсидевшими различные сроки, или лицами, освобожденными с вольного поселения. Треть жителей криминального квартала была выходцами из Татарстана и Башкирии. Задача перетянуть эту «орду» на свою сторону и заставить проголосовать за меня была почти невыполнима, если учесть, что любая военная форма действовала на них, как красная тряпка на андалузского быка.

Одновременно со мной на вакантное место выдвинулись кандидатами в депутаты: женщина из управления строительства дамбы, член партии «Отечество- вся Россия» и мастер-строитель дорожного управления все той же дамбы, член ЛДПР. Дамба – это насыпная дорога, соединившая остров Котлин с материком, а Кронштадт – город, находящийся на этом острове. Длина дамбы – семнадцать километров, ширина – от 50 до 100 метров. И еще на дамбе располагались какие-то гигантские разводные сооружения, напоминавшие собой створки плотины. Они должны были регулировать уровень подъема воды в заливе. Одним словом – стройка века. Городской избирательной комиссией мне был вручен мандат кандидата в депутаты городского Совета, они же объяснили, что времени на агитацию дается полтора месяца, и обозначили дату выборов.

Начал я свою предвыборную подготовку с того, что обратился к местному попу – отцу Владиславу – с просьбой выдать мне документ, подтверждающий мою «православную принадлежность».

Отца Владислава я застал вечером, жил он в одноэтажном доме рядом с Владимирским собором. Молодой еще мужик, лет около сорока, с большим животом. Летом постоянно ходил по дому босой, выйдя на улицу, носил сандалии опять же без носков, благо под рясой их не было видно. В довершение портрета – на лице светлые усы и рыжая борода.

Когда я изложил свою просьбу, он согласился дать мне такое подтверждение, однако выдвинул встречное обязательное условие – я должен был принять таинство крещения. Пришлось бывшему секретарю партийной организации бригады принять его условия. Попросил я у отца Владислава и текст божественной молитвы «Отче наш».

На следующий день выехал в Ленинград в поисках мечети, поиски увенчались успехом на Васильевском острове. Начались сложные переговоры с муллой о предоставлении мне документа, удостоверяющего мою личность как правоверного мусульманина. Я откровенно рассказал ему о выборах в Кронштадтский Совет народных депутатов, объяснил, что треть избирателей на моем участке по вероисповедованию мусульмане. Единственное, в чем я ему не признался, это о посещении отца Владислава и выданном им документе. Не вдаваясь в мелкие подробности, скажу, что документ

от муллы в виде зеленой открытки с текстом на арабском и вписанной моей фамилией я получил. А просьба научить меня вслух читать аяты из Корана и совершать намаз окончательно развеселило муллу и расположило его ко мне. Он дал мне текст аята, написанный русскими буквами. Два раза я прослушал его чтение, но ничего запомнить не смог. Попытался прочесть напечатанное, подражая Камилю – так звали муллу, но по его смеху понял – дело совсем плохо. Расстались мы почти друзьями, он пожелал мне успехов на выборах, и я откланялся. Когда переезжал дамбу, вспомнил, что мой приятель Амагов Беслан – чеченец по национальности – наверняка знает, как правильно произносить слова молитвы. Через два дня я наизусть мог декламировать тексты «Отче наш» и несколько аятов из Корана.

Настало время подумать о членстве в партиях. Партбилет КПСС у меня был в наличии. Необходимо было срочно приобрести билеты двух популярных на тот момент партий – ЛДПР и «Отечество – вся Россия»

В Кронштадте проживала уполномоченный Высшего Совета партии ЛДПР по Санкт-Петербургу и Ленинградской области Елена Бабич, моя хорошая знакомая. Вечером нанес ей визит, рассказал о предстоящих выборах, пояснил цель своего визита, чем рассмешил ее до слез. Но, тем не менее, через десять минут стал обладателем удостоверения члена ЛДПР. Елена Владимировна и сейчас проживает в городе на Неве, она действующий депутат законодательного собрания

Санкт- Петербурга.

Партию «Отечество – вся Россия» в Кронштадте возглавлял и представлял председатель регионального отделения Владимир Николаевич Лагожин, полковник в запасе. Выданный Лагожиным членский билет за № 37 и сейчас храню в своем архиве.

Таким образом за пять дней я стал членом трех партий и двух религиозных конфессий. Теперь надо было перейти к агитационной работе с населением.

В жилом массиве «девятнадцатого квартала» проживали два вора в авторитете. Они не были ворами в законе, но были уважаемыми персонами в воровской среде. С них я и начал. Объектом и преддверием душевного разговора стал ящик водки, а подобрал я к ним этот «ключик» с подачи ребят из уголовного розыска. Встретили меня бывшие воры неприятливо, но, когда я поставил в центр комнаты ящик с двадцатью бутылками «крепкого», отношения стали налаживаться, атмосфера потеплела, появилось взаимопонимание. В силу этих обстоятельств дальше вести агитационную работу в этот день не смог, пришлось с шалманом пить. Товарищи, бывшие урки, заверили меня во всесторонней поддержке на выборах, разрешили вести агитационную работу в подъездах.

Поквартирный обход предполагает непосредственный живой контакт с избирателями, дает возможность жителям пообщаться с кандидатом в депутаты, наладить визуальный

контакт, задать ему уйму вопросов, излить ему душу. Однако всегда возможны непредсказуемые действия. Например, не могу найти логического объяснения агрессивному поведению двух женщин из разных подъездов, которые на мой стук в двери спокойно их открыли, поздоровались, а затем внезапно начали плевать мне в лицо, после чего двери стремительно захлопнулись. Одна из избирательниц, открыв двери, с размаху влепила мне пощечину. Потребовалось тридцать секунд, чтобы прийти в себя и продолжить работу. В целом все же встречали неплохо.

Кандидату в депутаты предоставляется отпуск на период предвыборной кампании, который используется для агитационной работы с избирателями. По моим расчетам на восемнадцать подъездов приходилось шестьсот сорок восемь квартир. Если мне на выборы было отпущено сорок пять суток, я должен был обходить за дневное время суток не менее 18- 20 квартир. Время общения с избирателями в одной квартире должно занимать не менее 20 минут, т.е. получается 6- 8 часов работы в день. Что было вполне реально. Моя агитационная работа закипела. Стучу в двери негромко, но и не тихо, главное, чтобы скромно и вежливо. Двери открываются.

Четко произношу:

– Здравствуйте, я ваш кандидат в депутаты Асланов Руслан Георгиевич, хотел бы с вами познакомиться, пообщаться и ответить на ваши вопросы. Вопросы у жителей практиче-

ски всегда начинались с выяснения моей национальности.

После моего признания, что я осетин, задавался следующий вопрос:

– А кто Вы по вероисповеданию?

А вот тут нужна техника перекрестных вопросов, необходимо по внешности определить национальность избирателя, по возможности узнать фамилию, имя и отчество. Выяснив, кто передо мной – русский или татарин, перехожу к тексту «Отче наш» или «Аятам» из Корана, затем следовал обязательный вопрос:

– А какую партию Вы представляете?

Тут не мешкая надо перейти в атаку:

– А сами Вы какую партию поддерживаете?

И выяснив приверженность избирателя той или иной партии, гордо и уверенно достаешь членский билет этой партии из одного из трех карманов. Главное – не перепутать.

В заключение я благодарил избирателей за поддержку и обязательно заканчивал словами:

– Обязательно приходите голосовать, не то враги воспользуются вашими бюллетенями и проголосуют вместо вас.

На седьмые сутки активной агитационной работы, вышел из третьего подъезда девятиэтажной «китайской стены», уставший «вусмерть». Присел на лавочку перед многоэтажкой, открыл рабочую тетрадь и не поверил своим глазам. Оказалось, что за шесть часов я прошел весь подъезд. Тридцать четыре квартиры- вместо запланированных двадцати. А

это, сто двадцать пять человек взрослого населения, и практически все они обещали в день выборов поддержать мою кандидатуру. И тут меня осенило. С первого по шестой день моих встреч и бесед с «народом» я приходил, одетый в морскую военную форму одежды. А сегодня я случайно, не подумавши, пришел в цивильном. На голове черная широкополая фетровая шляпа, длинное «в пол» кашемировое пальто, дополнял образ белый шерстяной шарф. И ведь, действительно, встречали гораздо радушнее, чем вчера или позавчера. Открытие весьма меня удивило и обрадовало. Встал со скамьи и удовлетворенно подумал, «не пора ли кормить верблюдов», то бишь идти домой обедать. Ничего, как говорится, не предвещало беды.

И тут боковым зрением уловил, как ко мне приближается группа молодых людей в спортивной форме. Вышла эта великолепная восьмерка из двух автомобилей марки BMW с тонированными стеклами. У четырех из них в руках тяжелые биты. Направлялись явно в мою сторону. Сделав спокойную мину, я ждал, когда они подойдут ко мне. Первым заговорил их старший по возрасту и скорее всего и «по рангу»:

– Скажите, пожалуйста, Вы, ведь Асланов Руслан Георгиевич, не так ли? Наш кандидат в депутаты?

– Да, я Асланов и кандидат по этому участку, – ответил я, – но, судя по всему, вы не совсем мои избиратели.

Они весело рассмеялись. Старший группы продолжил свой вежливый допрос:

– А кто Вы по вероисповеданию, Руслан Георгиевич?

– Православный, – отвечаю спокойно, но с достоинством.

– А доказать можете, – спрашивает назойливый старший.

Медленно опускаю руку в правый карман пальто и достаю справку-открытку, выданную преподобным отцом Владиславом. Протягиваю ему. Он аккуратно берет ее и внимательно рассматривает. Кивает головой и возвращает мне.

– А кто Вы по национальности, Руслан Георгиевич? – интересуется «старшой».

– Осетинцы мы, – пытаюсь шутить я.

Перекрестный допрос, учиненный главарем этой ОПГ, продолжался минут пятнадцать. На дворе – конец девяностых, «криминальный Петербург» в лице молодых качков, жаждущих крови, пришел ко мне, посланный каким-то авторитетом. В ходе опроса успеваю рассмотреть их лица. Обыкновенные русские молодые бандиты-скороспелки из спортсменов. Последний вопрос старшего меня откровенно изумил своей интеллектуальностью и эрудицией.

– Руслан Георгиевич, а какое Ваше политическое кредо?

Я лихорадочно думаю, что ответить этим организованным преступникам. В одном был уверен – они русские, а следовательно ... Я решился и пошел ва-банк, с пафосом громко выдаю:

– «Бей жидов, спасай Россию»!

Вряд ли бандиты были знакомы с политическим кредо Нестора Махно, но ответ им явно пришелся по душе, над-

рывно хохотали около трех минут. Старший очнулся первым и, похлопав меня по плечу, второй раз огорошил меня знакомством с политическим плакатом, посвященным Ильичу:

– Верной дорогой идете товарищ! Можете дальше работать.

С этими словами гопкомпания весело удалилась.

«А ведь все могло закончиться гораздо хуже, – думал я, – скажем, они играючи могли сделать меня инвалидом».

Прошли выборы. Я депутат городского Совета. Открываю двери народного Собрания. Депутаты смотрят на меня с любопытством. Председатель городского Совета представляет меня присутствующим и, улыбаясь, громко объявляет: «Уважаемые депутаты, Руслана Георгиевича поддержало семьдесят пять процентов избирателей». Зал ахнул.

И еще небольшой экскурс в прошлое. Виктора Леонидовича Сурикова депутаты избрали мэром города Кронштадта. В этой должности он проработал 15 лет. Умер Виктор Леонидович в декабре 2008 года в возрасте 63 лет. Елена Владимировна Бабиц, как я отметил выше, проживает в северной столице, она по-прежнему уполномоченная Высшего Совета ЛДПР по Санкт-Петербургу и Ленинградской области.

Отец Владислав восемь лет являлся настоятелем собора Владимирской Иконы Божией Матери, однако в 1999 году был отрешен от должности. Елена Владимировна на основании жалоб прихожан Кронштадта обратилась с письмом к Патриарху всея Руси, подробно изложив все прегре-

шения отца Владислава, и стезя священнослужителя оборвалась. Что касается меня, я окончательно попрощался с Кронштадтом и переехал в Северную Осетию на постоянное место жительства.

В сауне

В холле сауны Кронштадтского военно-морского госпиталя происходит необычное действие. Два подполковника медицинской службы – начальник госпиталя Петросян и начальник поликлиники Асланов стоят по стойке смирно, лица обращены к старшему по званию, мужчине лет шестидесяти, сидящему на обитом черным дерматином кресле. Рядом на вешалке висят генеральский китель и брюки с лампасами. Вадим Алексеевич Никольский с недовольным надменным лицом распекает стоящих перед ним офицеров. Заместитель начальника Центрального военно-медицинского управления Советской Армии и Военно-Морского флота, он к тому же секретарь партийной комиссии управления. Обладает, по сути, неограниченной властью в военно-медицинских кругах Вооруженных Сил. Стоящие перед ним офицеры прекрасно понимают, с кем имеют дело. На столе перед высоким гостем бутылки с водкой и коньяком, богатая закуска. Генерал пьет один в перерывах между словесным раздраем. Петросян и Асланов наготове, сразу же наполняют опустевшую рюмку. Оба страшно удручены и подавлены услышанным откровением старшего начальника.

– В течение трех дней я проверял подведомственные вам учреждения в ходе плановой проверки медицинской служ-

бы Ленинградской военно- морской базы. Вон там в моем портфеле, – Вадим Алексеевич указывает на рыжего цвета огромный портфель, стоявший на стуле в углу холла, – лежит акт проверки на двенадцати листах, мною написанный. Перед отъездом из Москвы начальник ЦВМУ поставил мне задачу в назидание другим снять с должности двух офицеров, ну... чтобы родину любили. Я выбрал вас двоих. Ничего личного, так надо и так, скорее всего, будет. При опросе жалоб и заявлений ваши же подчиненные вылили на вас столько дерьма, что вас снимать надо немедленно. Вы постоянно пьянствуете, водите баб в сауну и вроде как службой не занимаетесь вовсе. После нынешней проверки в конце года я увольняюсь по выслуге лет и мне терять нечего. Вот такие дела, друзья мои. Вопросы есть? Думаю, вопросов нет.

Двое стоящих перед ним, не шелохнувшись, молча слушали говорящего, бледность мрамором разливалась на мрачных лицах. Они ясно понимали, что генерал не шутит и сейчас решается их дальнейшая карьера. Старшие офицеры флота прошли немало проверок, но то, что происходило в холле сауны, было настолько опасным и реальным, что им, опытным начальникам, было абсолютно понятно – это конец. Офицеры выдержали паузу, затем Асланов негромко выдохнул:

– Вадим Алексеевич, а что можно сделать, чтобы акт был аннулирован? Вернее, что нам необходимо предпринять, чтобы реабилитироваться в Ваших глазах? Мы уж по-

стараемся!

– А что вы можете мне предложить? – ухмыльнулся ехидно Вадим Алексеевич, – все равно я вас к матерям поснимаю. Впрочем, – Никольский посмотрел, зевая, на настенные часы и вдруг неожиданно для самого себя произнес, – если вы сейчас мне бабу приведете сюда в течение семи минут, я, может, пощажу вас и отдам акт проверки.

Вадим Алексеевич был уверен, что за семь минут этим двум ну никак не уговорить кого-либо из госпиталя, ведь время – то уже половина девятого вечера.

– Вадим Алексеевич, а отсчет Вы начнете сразу сейчас, или после, как оденемся? – с надеждой спросил Асланов, подливая в рюмку очередную порцию водки. Генерал громко захохотал. Развеселившись, залпом выпил налитую рюмку, поморщился:

– Пусть будет по-вашему, даю вам фору, отсчет после того, как оденетесь.

Петросян с Аслановым уже в одежде. Асланов сверкнул глазами:

– Разрешите начать движение, товарищ генерал?

– Разрешаю! – Вадим Алексеевич с интересом и любопытством взглянул на Асланова. "А если они действительно приведут, – мелькнула мысль в голове у генерала, – акт отдавать или послать их подальше?" Но, наверно, не зря Вадим Алексеевич дослужился до высокого звания и не с помощью жены и "именитых" родственников, а горбом своим и трудами

праведными. Вроде как ребята неплохие, – Вадим Алексеевич налил водку в рюмку, затем, подумав, решительно перелил рюмку в двухсотграммовый стакан и долил до краев из бутылки, – ладно, будь что будет, подождем – увидим”.

– Эдик, кто из медсестер помоложе у тебя дежурит сегодня? – на ходу обратился Асланов к Петросяну. Ноги несли их в хирургическое отделение.

– Вроде как Надя, – вытирая пот со лба, выдохнул Петросян.

Асланов радостно перешел на рысь:

– Надя, говоришь?! Давай быстрее, Эдик. Время – деньги.

За столом в коридоре хирургического отделения сидела, склонившись, Надя – постовая сестра, девица двадцати шести лет, ростом около ста восьмидесяти сантиметров. У Нади трое детей от разных отцов, и она красива и легко доступна.

– Надя, выручай! – взмолился Асланов.

– Вот тебе четыреста рублей и от Петросяна столько же, надо переспать с проверяющим! Ты согласна?

Оторопевшая Надя берет деньги:

– А кто вместо меня дежурить сутки будет?

– Надя, это Петрос решит сам, не твоя забота. Так ты согласна?

Надя кивает головой. Затем они легкой рысцой бегут по длинному коридору второго этажа госпиталя. Асланов держит Надю за руку. Петросян тяжело дышит сзади. Рывком открывают дверь и втискивают за собой Надю. Оторопевший

голый генерал в той же позе, "нога на ногу", едва успевает прикрыться газетой. Лицо наливается кровью. Не дав открыть ему рот, Асланов радостно выдает во весь голос:

– Товарищ генерал, Ваше задание выполнено! Надя доставлена! Вроде не опоздали, успели вовремя?

Очумевший от крика Асланова и своего натурализованного вида, он не может ни встать, ни укрыться от улыбающейся и хихикающей медсестры.

– Ну вы, блин, даете, однако же... А что Вы, девушка, не присядете? – вопрошает генерал, но почему-то смотрит не на Надю, а на Асланова.

– Надя, сядь рядом с ним, – рявкнул Асланов.

– А что, Надя водку употребляет? – начинает успевший прийти в себя генерал игриво.

Асланов наполняет стакан до краев, протягивает Наде – и коротко:

– Пей!

Надя пьет.

– А закусить можно? – кокетливо спрашивает у генерала. Вадима Алексеевича пробило, он засуетился.

– Конечно, можно, Наденька. Да ты к столу присаживайся. А раздеться не хочешь? Здесь так жарко, что вопресть можно, – генерал вопросительно смотрит на Асланова. Тот подходит к Наде, решительно расстегивает пуговицы на халате, снимает с нее всю одежду.

– Сядь за стол! – приказывает он.

Не прикрываясь, опьяневшая и обнаженная садится за стол. Офицеры в волнении. Чувствуют, что угодили генералу – Надя пришлась по душе Вадиму Алексеевичу. Появляется надежда на спасение. Генерал оборачивается простыней и зачем-то одевает форменную генеральскую фуражку, присаживается напротив Нади, не сводя с девушки восхищенных глаз. Затем, словно очнувшись, поворачивается к офицерам:

– Подойдите. Вы свободны до шести часов утра. Надя остается со мной. Вам обоим находиться в госпитале в кабинете Петросяна у телефона. Может, понадобится еще. Вам все ясно?

Петросян с Аслановым четко в один голос:

– Так точно, товарищ генерал!

– Ну тогда свободны!

– Товарищ генерал, – начинает Асланов напряженным, дрожащим от волнения голосом, – а можно мы акт заберем? Вы обещали...

– Возьмите в портфеле и пошли вон отсюда!

Петросян и Асланов одновременно по команде поворачиваются...

...Асланов, разбуженный голосом Нади, открывает глаза. Надя, наклонившись над Петросяном, тербит его за плечо:

– Эдуард Мартиросович, Вас Вадим Алексеевич вызывает.

Однако тот в глубокой отключке, никакой реакции. Вчерашние треволнения утомили его до изнеможения. Асланов

смотрит на настенные часы. Половина седьмого. Легко соскакивает с дивана, тормошит друга за плечо:

– Эдик, вставай, старик нас ждет!

– Что, уже пора? Надо идти к генералу? – Петросян тяжело поднимает голову. Оборачиваются к Наде.

– Спасибо, Надя. Мы тебе этого никогда не забудем.

Надя загадочно улыбается:

– Пожалуйста. Ну, я пойду.

Они поднимаются на второй этаж. Петросян негромко стучит в дверь сауны. Из-за двери слышится голос Вадима Алексеевича. Он приглашает войти обоих. В три часа генералу надо быть на Московском вокзале. Петросян уже распорядился, чтобы завгар подал машину к парадному входу к тринадцати часам. Вадим Алексеевич внимательно слушает его доклад, одобрительно кивает головой, затем приглашает всех к столу. Пьют водку, закусывают. О вчерашнем никто не вспоминает. Генерал в хорошем расположении духа, много шутит, рассказывает смешные истории из своей службы в Москве. Петросян с Аслановым всю поддержку беседу, им действительно весело и хорошо. Вроде, как и на этот раз пронесло. На своей территории, но малой кровью! В тринадцать часов все выходят на крыльцо госпиталя, черная "Волга у входа наготове.

– Может, все же проводить Вас до поезда, Вадим Алексеевич? – настойчиво повторяют офицеры.

– Нет, не надо. Занимайтесь службой. Да! Вот еще что,

Эдуард Мартиросович! Надя вроде толковая медсестра, я ее вчера всю ночь опрашивал. Считай экзамен сдала. Ты рассмотри-ка ее кандидатуру на должность главной медицинской сестры госпиталя. Тебе все ясно, Эдуард Мартиросович?

– Так точно, рассмотрю и назначу.

– Вот и ладно, действуй! Ну что ж, прощайте, товарищи офицеры.

Повернувшись к водителю мичману, коротко приказал:

– Трогай!

Черная "Волга", обогнув госпитальный фонтан, медленно выезжает через чугунные ворота. Офицеры провожают ее взглядом.

Прошло две недели. Визит чудаковатого генерала и его извращенные низменные желания стали потихоньку забываться. Вроде все обошлось. Надя тоже вроде уgomонилась. Обещанной должности главной медсестры Петросяну более не напоминает. А то ведь неделю после отъезда Никольского, как рассказывал Эдуард Мартиросович, она ежедневно штурмовала его кабинет. Напоминала о его торжественном обещании в присутствии Вадима Алексеевича и подполковника Асланова возвести ее в ранг главной медицинской сестры госпиталя. Взывала к его офицерской чести, угрожала позвонить Никольскому в Москву и сообщить, что его приказание Петросяном игнорируется... Установилось затишье. Ничто не предвещало беды. Но, как оказалось, это было зати-

шье перед бурей. Асланов находился у себя в поликлинике, когда вдруг дверь кабинета внезапно распахнулась, и на пороге возникла возбужденная фигура Петросяна. Побледневшее лицо друга было покрыто испариной. Тяжело дыша, Эдуард Мартиросович произнес:

– Только сейчас от меня вышла мать Нади! Она требует денежную компенсацию за осквернение дочери генералом при нашем непосредственном участии и присутствии.

– И сколько она требует за осквернение? – спросил Асланов удивительно спокойным голосом.

– По двести рублей с каждого, а если не выполним ее условия по деньгам и по назначению Нади на обещанную должность, грозилась зайти к мэру и рассказать ему о поведении депутатов городского Совета в сауне госпиталя и несправедливом отношении к ее дочери.

– А если пойдем на поводу у этой женщины, она продолжит нас шантажировать, и конца этому не будет, она поймет, что мы боимся огласки и снова и снова будет приходить за деньгами, – вполне резонно заметил Асланов.

– Я отдал ей двести рублей, – устало заключил Эдуард Мартиросович.

– От меня она ничего не получит, – отрезал Руслан Георгиевич.

По большому счету друзья не верили, что мать Нади может обратиться к мэру города с такими подробностями по сложившейся ситуации и о роли в ней ее дочери. Но как же

они ошибались!.. На следующий день Эдуарду Мартиросовичу позвонили из аппарата городской администрации и передали, что Суриков Виктор Леонидович приглашает депутатов Петросяна и Асланова к себе к восемнадцати часам. В городскую администрацию к указанному времени приехали вместе на служебной госпитальной «Волге». Молча поднялись на второй этаж, попросили секретаршу доложить мэру города о своем прибытии.

Через минуту оба вошли в кабинет к Виктору Леонидовичу. Мэр города Суриков Виктор Леонидович – бывший начальник особого отдела дивизии и Кронштадтского гарнизона. Уволился в запас в звании капитана первого ранга и вначале был избран депутатами председателем Городского Совета, а затем через год – на должность мэра города. Суриков отлично знал Петросяна и Асланова по совместной службе. Все трое не один десяток лет носили морскую форму одежды, служили в одном гарнизоне, часто виделись на совещаниях и офицерских собраниях. Суриков слыл среди офицеров гарнизона суровым, но справедливым начальником. Когда офицеры вошли в кабинет мэра, он сидел за столом, и выражение его лица ничего хорошего не предвещало. Но морские офицеры есть морские офицеры! Оба приветствовали его по последнему офицерскому званию, как будто не знали, что он вот уже полтора года офицер запаса. Виктор Леонидович удивленно вскинул брови и весело ухмыльнулся. Попали в точку, хотя бы немного разрядили обстановку. Сури-

ков начал без обиняков, напрямую:

– Сегодня ко мне приходила мать медицинской сестры вашего, Эдуард Мартиросович, госпиталя и поведала много занимательного. Хотел бы выслушать версию о свершившемся в сауне госпиталя от вас лично, теперь уже с вашей точки зрения восприятия событий. Разговор будет долгий, разденьтесь и присаживайтесь за стол.

Асланов и Петросян начали свой рассказ о случившемся с генералом и Надей в госпитальной сауне в хронологическом порядке, но через минуту были остановлены мэром. Странно зевая, с перекошенным, налившимся кровью лицом, он, сдерживая эмоции, вдруг попросил их пройти в гостевую комнату.

Суриков указал на полуоткрытую дверь гостевой и предложил им войти, сам несколько задержался сзади. Офицеры зашли в ярко освещенное помещение и оторопели!.. За большим длинным столом, накрытым всевозможными яствами и напитками, восседали отцы города. Здесь были заместитель мера, прокурор города, начальник милиции, вновь назначенный начальник особого отдела, военный комиссар городского военкомата. Виктор Леонидович пригласил Петросяна и Асланова за стол. Затем попросил налить гостям водки по «бортовой» (это по полному стакану водки), и когда они выпили и слегка закусили, коротко приказал:

– А теперь с самого начала и подробно во всех деталях!..
Шесть пар глаз впились в лица Петросяна и Асланова. По-

следние подробно рассказали о генерале и Наде, не упуская ничего. Присутствующие заставляли их пересказывать некоторые детали по несколько раз. Хохот стоял постоянный, он то усиливался после подробного описания каждого эпизода, то переходил в визг. Смеялись до изнеможения. Обессиленный военком сполз со стула на пол, зацепился ногой за ножку стола, со стола посыпались тарелки, фужеры, рюмки. Это еще больше развеселило присутствующих. Сам военком на четвереньках пытался отползти от стола, но ослаб настолько, что и смеяться сил уже не было. Постепенно все успокоились, сели за стол и продолжили начатое. Петросян и Асланов попросились у мэра пойти покурить. В курительной комнате они подытожили происшедшее:

– Для этих чистоплюев такие ситуации неведомы и поддерживали нас они чисто из мужской солидарности, – начал Петросян, – они вероятнее всего все женаты, а жены ими управляют. Вот они и рады, что мы с тобой, по сути, унизили и мать, и дочь.

– Думаю, ты прав, – согласился с его доводами Асланов, – но добавь еще к этому повседневную рутину их служебной деятельности, когда нельзя сделать шагов ни вправо, ни влево, скуку имею в виду. А мы их вроде как развлекли сегодня. Но, главное, Эдуард, мы сегодня вышли сухими из воды.

...Через два года Петросян скончается от инфаркта миокарда и будет похоронен на Кронштадтском кладбище. Еще через пять лет Асланов уйдет в запас по выслуге лет и уедет

в Северную Осетию. Надя так и не станет главной медицинской сестрой.

Лингвистика

Допустим, ты не сведущ в какой-то области знаний. Просто вначале машинально и инстинктивно, фиксируешь череду случайных явлений, интересных тебе, которые вдруг медленно и неотвратно начинают образовывать цепь логических совпадений, постепенно обретающих форму научного познания. Еще многое неясно и расплывчато. Но любознательность и природная педантичность заставляют тебя и далее собирать, и накапливать информацию именно в этой неизвестной и неизведанной области. А затем вдруг начинаешь понимать, что открыл нечто новое, и тебе хочется сразу же узнать мнение окружающих. Получить оценку и подтверждение своего открытия, как полезного обществу.

В период описываемых событий я был в звании майора медицинской службы и служил в одной из бригад Кронштадтского гарнизона Ленинградской военно-морской базы. В декабре 1989 года командование бригады направило меня в служебную командировку в Вильнюс с задачей – откорректировать офицерский приписной состав в республиканском военном комиссариате приписанных к Кронштадтской дивизии кораблей охраны водного района. В случае начала боевых действий, в соответствии с мобилизационным планом, обозначенный офицерский состав обязан был в те-

чение указанного в карточке учета времени прибыть к месту постоянной службы, т.е. в Кронштадт. В мобилизационном отделе я получил три личных дела, где все записи проводились карандашом, и десятиминутный инструктаж по заполнению и корректировке выданных документов. В канцелярии бригады мне выдали командировочное удостоверение на трое суток без учета времени, затраченного на дорогу. Через два часа я оказался в Пулково, где, воспользовавшись услугами Аэрофлота, вылетел прямым рейсом в Вильнюс. Перелет занял всего час.

В республиканском военкомате поставил у дежурного штамп о прибытии. Затем в мобилизационном отделе произвел сверку и корректировку приписных карт и через десять минут уже мог выезжать обратно. У дежурного поставил штамп и печать об убытии завтрашним числом, вылететь в Ленинград мог лишь вечерним рейсом. В гостинице «Колхозная» в центре столицы Литвы снял одноместный номер. Скинул верхнюю одежду – майорскую шинель, спустился в ресторан при гостинице.

Было около шести вечера, но в зале свободных столиков не оказалось. Метрдотель-еврей лет сорока пяти, пошептавшись с двумя молодыми людьми, посадил меня к ним. Ребята оказались литовцами по виду одного со мной возраста. Они громко и демонстративно говорили на своем языке, смеялись, что-то обсуждая. Подошла официантка, я заказал три бутылки пива и пол-литра водки, салат из свежих

овощей и «мясо по- литовски». Официантка принесла пиво и водку в графине. Предложил литовцам присоединиться. Они согласились. Выпили по первой, запили пивом. Блондина, похожего на славянина, звали Данатас, шатена в очках – Бронис. Они оказались двоюродными братьями, работали на единственном заводе, наладившем производство первых видеомагнитофонов в стране. Воровали, конечно. Вывозили продукцию в Псков, Новгород Великий, Ленинград. Молодые и наглые, они и у меня выпросили разрешение привезти часть видеомагнитофонов в Кронштадт. Разрешение я им дал. Они оживленно это стали обсуждать опять на своем языке. Я был слегка нетрезв, но не настолько, чтобы не понять, что отдельные слова, произносимые ими на литовском, имели тот же смысл, что и на моем родном – осетинском языке.

Удивленный открытием, спросил их:

– Вы сейчас на литовском говорите между собой?

Получил утвердительный ответ. Очень интересно! Достал ручку и блокнот из внутреннего кармана своего синего кителя и стал записывать произносимые ими слова. Получилось типа осетинско- литовского словаря в его кратком варианте:

Русский	Литовский	Осетинский
Меч, нож	<u>kardas</u>	кард
Я	<u>as</u>	азз
Ты	<u>tu</u>	ды
Мой	<u>man</u>	маен
Тебя	<u>tave</u>	даву
Ведро	<u>kibiras</u>	къибилд (дигорский)
Подожди	<u>palauma</u>	фалау ма
Восемь	<u>astuoni</u>	аст

Молодые литовцы стали мне яростно объяснять, что их предками являются сарматы, и раньше Балтийское море называлось Сарматским. Они не понимали, что князья польские и литовские действительно были сарматами и аланами, вся прочая часть населения в основной массе никакого отношения к сарматам не имела и относилась к балтославянским племенам. Однако обнаруженные мной в литовском языке общие с сарматами слова дали веское основание предположить возможность переселения в четвертом–пятом веках части сарматских племен на территорию Польши и Литвы, и возникновения под их руководством государств Польского и Литовского. Вполне возможно, что далее они проследовали в Скандинавию и Данию. Меня осенило: а что, если в датском и норвежском языках также найдутся сарматские слова? Это ли не подтверждение дальнейшего переселения алан и сарматов в Скандинавию и Данию?! Благо всезнающий интернет дает информацию по всем языковым группам. Я открыл русско- датский и русско- норвежский словари и

несколько дней поработал с ними и вот что обнаружил.

Русский	Датский	Норвежский	Осетинский (аланский)
Рука	<u>arm</u>	<u>arm</u>	<u>арм</u>
Нога	<u>ben</u>	<u>bente</u>	<u>бын</u>
Ступня	<u>fod</u>	<u>fot</u>	<u>фад</u>
Большой	<u>stor</u>	<u>stor</u>	<u>стын</u>
Дверь	<u>dor</u>	<u>dor</u>	<u>дуар</u>
Теплый	<u>warm</u>	<u>varm</u>	<u>хъарм</u>
Зубы	<u>tander</u>	<u>tan</u>	<u>даендаг</u>

Меня всегда интересовало, почему сарматы и аланы с легкостью сошлись с племенами остготов. Ведь аналогичного сближения не происходило с племенами гуннов, даков, галлов, аваров и или же с другими племенами, населявшими Европу. Даже с Римом все заключенные союзы сарматов и алан носили временный характер. А тут вместе с остготами они проходят через всю Европу, переселяются на Пиренейский полуостров. Затем переправляются через Гибралтарский пролив и участвуют в создании нового Алано–Вандальского государства на территории нынешнего Туниса. Аланы совместно с остготами разрушили целостность Римской империи, трижды разграбив «вечный город»

В чем заключался секрет таких искренних и доверительных отношений? А через сто лет визиготами это государство

было уничтожено под корень. А ведь остготы и визиготы по сути – одно германское племя. Откуда такая ненависть к своим соплеменникам? А дело тут вот в чем. Когда племена остготов и сарматов- алан впервые повстречались, они были удивлены не меньше нашего.

Оказывается, они могли вполне сносно общаться друг с другом, ибо языки были удивительно схожи. Имеется в виду древнеготский язык, а не современный язык немцев, сильно видоизмененный веками. По- древнеготски «дверь» – tuar, на современном немецком языке – das Tur. На аланском языке – duar. И общались аланы и остготы как родственные племена, объединяемые общностью языка, культуры, схожих обычаев и традиций. Ибо относились они к единой индоевропейской группе народов. Вот что писал французский историк Жозеф Артур де Гобино в своем фундаментальном труде «Арийцы- германцы»:

«...В определенный момент своего долгого пути благородные роксаланские народы разделились на две части. Одна направилась к нынешней Померании и обосновалась там, а оттуда приступила к завоеванию соседних островов и южной окраины Швеции. В первый раз арийцы стали мореплавателями и освоили новый вид деятельности, в котором им было суждено превзойти отвагой и умением все остальные цивилизации. Другая ветвь, которая в свое время также стала знаменитой в этой области, продолжала двигаться в направлении Ледовитого моря и достигла сурового побережья,

обошла его и, снова повернув на юг, ступила на землю Норвегии, т.е. «северного пути», мрачную страну, недостойную родину для этих славнейших воинов. Там оставшиеся племена перестали называться сарматами, роксаланами, асами, т.е. отказались от имен, отличавших их от остальных белых рас. Теперь они стали саками...».

Что касается патологической ненависти визготов к остготам и аланам, она легко объясняется двумя словами – «религиозное воззрение». Визготы принадлежали к ортодоксальной католической церкви, возглавляемой Папой римским. А остготы и аланы принадлежали к раннему христианскому течению – «арианству», этакие бесшабашные анархо-синдикалисты, не признававшие «Христа богом, но сыном его» и отрицавшие божественность святого духа. И Папа римский им был не указ, а то, чего ради, они трижды разграбили Рим, по сути, прервав существование Римской империи в ее первоначальном виде! Я не владею древнеготским языком, знаю только отдельные слова, услышанные и прочитанные у случайных авторов. Однако на свой страх и риск вновь взялся за русско-немецкий словарь и стал проводить аналогию между аланским языком и новонемецким, применяя предыдущую схему и методику работы со словарями датского, норвежского и литовского языков.

За какие-то два дня работы я выявил более пятидесяти слов, схожих по звуковому и смысловому значению в аланском и современном немецком языках. Почему на аланском,

но не осетинском? Считаю, что после поражения, нанесенного аланам Темурленгом в 1395 году, аланы находились в вынужденной самоизоляции вплоть до 18- 19 веков. В силу этого они не подвергались ассимиляции, и язык аланский практически не претерпел изменений в отличие от древнеготского.

Русский	Немецкий (древнеготский)	Осетинский (аланский)
1. Рука	<u>arm</u>	арм
2. Нога	<u>bein</u>	бын
3. Ступня	<u>fus(fod)</u>	фад
4. Сильный, большой	<u>stark</u>	стыр
5. Дверь	<u>tur(tuar)</u>	дуар
6. Худой, бедный	<u>mager</u>	маггыр
7. Веревка	<u>binden</u>	баендаен
8. Мешок	<u>sack</u>	дзэкуд
9. Дать, советовать	<u>ratten</u>	раттын
10. Там далеко	<u>dort</u>	дард
11. Таять	<u>tauen</u>	тайын
12. Взять, протянуть	<u>reichen, reischen</u>	райсын
13. Быстро	<u>raus</u>	равдз
14. Единственный	<u>einig</u>	ивнаег
15. Сейчас	<u>nur</u>	нын
16. Новый	<u>neu</u>	ног
17. Никогда	<u>ni</u>	нику
18. Имя	<u>name</u>	ном
19. Ты	<u>du</u>	ды
20. Мой	<u>mein</u>	маен
21. Твой	<u>dein</u>	даеу
22. Кричать, лаять	<u>schrein</u>	раейын
23. Обманщик, лицемер	<u>schein</u>	шайын
24. Скажи-ка	<u>sagmal</u>	заегма
25. Сказать	<u>sagen</u>	заегын
26. Еще раз	<u>noch einmal</u>	ногаейма
27. Верно, правильно	<u>recht</u>	раст
28. Ряд	<u>rang</u>	раенкь
29. Дерьмо, задница	<u>scheisse</u>	сынз
30. Позор	<u>schmach</u>	шмаг
31. Труп	<u>leich</u>	лах
32. Все, везде	<u>alle</u>	алпы
33. Без	<u>ohne</u>	әне
34. Яйцо	<u>ei</u>	айк
35. Корова	<u>kuh</u>	хьут
36. Зерно	<u>korn</u>	хор
37. Узкий	<u>ung</u>	унгаег
38. Умалищенный	<u>ure</u>	эра
39. Вверх, в гору	<u>hoh</u>	Хох
40. Вершина	<u>kuppe</u>	кьышц цьушц
41. Другой	<u>ander</u>	эндер
42. Упрямый- бык, козел	<u>stux</u>	стыр
43. Шляпа, шапка	<u>hut</u>	худ
44. Курица	<u>hun</u>	хьын
45. Кашлять	<u>husten</u>	хуыфьн
46. Звезда	<u>star, stern</u>	стыад

53. Кузнец	<u>kurt</u>	КУРД
54. Тешый	<u>warm</u>	ХЪАРМ
55. Гусь	<u>gans</u>	ХЪАЗ
56. Место, район, село	<u>gau</u>	ХЪАУ
57. Дом, общежитие	<u>kaseme</u>	ХЪДЗАР
58. Отряд, группа, шайка	<u>horde</u>	ХЪОРД
59. Гудеть, жужжать, говорить	<u>suren</u>	ДЪУРЫН
60. Стоять, ждать	<u>lauern</u>	ЛАУУЪН
61. Жениться, оделить сыну долю, часть надела отцом	<u>heiratten</u>	ХАЙРАТЪН

Мы привыкли к тому, что названия в странах западной Европы местности, рек, городов и деревень с приставками или корнем «алан» означает обязательное присутствие, когда–то в этой местности наших предков алан и сарматов. И это правильно, так оно и есть, но не окончательно. Я открыл атлас мира, раздел Западная Европа. Начнем со Швейцарии. На севере государства имеется кантон, называемый Архау, немцы проживающие в этой области, вряд ли смогут перевести это название на свой родной язык. Но любой осетин может перевести Архау на аланский язык – «сказка», как и перевести названия городов в указанной области- Ардон, Арбон, Цармат, реки – Арау, Арв, Ивердон.

Во Франции в двадцати километрах южнее города Лиль располагается небольшой город, называемый Лескен. Интересно, сами французы догадываются или знают перевод это-

го странного названия? Мы- то уверены в аланском происхождении города. В Англии в графстве Саут- Йоркшир находится город Донкастер, стоящий на реке Дон. Рядом находятся города Пул(слон), Дартон (Далекая вода), Хид (Мост), Хорсфорт (Хороший сын), явно аланского происхождения. В районе Лондона находятся населенные пункты Кройдон (Мельница), Дартфорт (Следующий сын). А имена собственные – женские, встречающиеся в Англии- Денджер, Хестар, Кастор, Микки. Спросите у любого алана, и вы получите перевод этих имен: Большая, Старшая, Младшая, Маленькая.

А если говорить о непечатной лексике, все нецензурные слова в английском языке имеют аланские корни. Если англичанин или немец выругаются, то осетину- алану переводчик без надобности. Вот такие пироги с котятами.

Спасибо Данатасу и Бронису большое, к сожалению, этих ребят я больше никогда не встречал. На прощание они научили меня одному выражению – «Kas ieško, tas visada gas»—«Кто ищет, тот всегда найдет».

Илаевский ряд

Гражданская война вступила в предгорье Большого Кавказа. В начале 1919 года белогвардейская армия генерала Деникина развернула широкое наступление на Северном Кавказе. Дни Терской республики были сочтены. Деникинцы разбили Одиннадцатую Красную Армию, которая защищала Северный Кавказ. В январе 1919 года белогвардейские отряды ворвались в Осетию. Деникинцы три дня грабили Христиановское (современный город Дигора). Затем они обрушились на Владикавказ и после десяти дней осады заняли город. Многие партизаны отступили в Грузию, другие скрылись в горах и лесах. Хуже всех пришлось китайским товарищам – укрыться от белого произвола им было невозможно из-за ярко выраженной принадлежности к монголоидной расе. В течение месяца практически все китайские товарищи китайской дивизии были зверски уничтожены. Благодарная Осетия возвела многометровый памятник на месте их казни. В настоящее время площадь так и называется- Китайская.

Подпольная организация большевиков во главе с С.М.Кировым, который укрылся в Даргавсе, готовила восстание против деникинцев. Трагические страницы истории гражданской войны эхом отзываются в сердцах сегодняшнего поколения. Не надо забывать, что более трех тысяч осетин слу-

жили верой и правдой царю в ранге офицеров, и многие из них, так и не приняв революцию, эмигрировали за рубеж. В каждой семье бережно хранят память о деде или прадеде – революционере или белом офицере, участнике гражданской войны, историю, которая передается от отца к сыну. Много осетинской крови было пролито, о бесчинствах деникинцев на земле Осетии написаны книги. В белогвардейских застенках погибло немало представителей нашего народа.

Но что интересно, под натиском Первой конной армии Буденного при спешном отступлении в сторону Царицына штаб армии Деникина не успел вывезти или уничтожить архивы своей жандармерии и контрразведки из г.Пятигорска, в котором квартировал. Архивы остались и по сегодняшний день находятся в этом маленьком городе Ставропольского края. Не тронули их и фашистские захватчики, думаю, им просто была неинтересна вчерашняя история Советского Союза. Они предполагали заново переписать историю, где не было места ни славянам, ни местному населению республик, населявшим Кавказ. Многие семьи воспользовались архивами после войны, пытаясь выяснить судьбу своих родных. Нашел в них ответ на мучавший его вопрос и мой отец Георгий Илаев, сын революционера- кермениста из Ардона Дадока Илаева.

А история такова. Проникшись идеями революции, с присущим молодости максимализмом двадцатиоднолетний Да- док Илаев и его друзья, влившись в ряды керменистов (ком-

мунистов), принялись строить новое общество. Тесно сотрудничали с С.М.Кировым, выполняли его задания. Немало дерзких дел за ними числилось, и они были как кость в горле деникинцам. Сергей Миронович Киров весной 1919 года поручил Дадоку Илаеву и Василию (Бази) Тлатову отправиться в Пятигорск и разведать обстановку. Молодые люди прибыли туда под видом торговцев араки. Собрав разведанные, решили посидеть в ресторане (сейчас это проспект Кирова, 30, здание института курортологии). Произошла роковая случайность – через окно заведения их увидел и опознал подполковник Икаев Александр Васильевич, начальник отдела контрразведки, тоже уроженец Ардона. Тут же вызвал наряд жандармов, и их схватили. На допросе, брызгая слюной, Икаев кричал, что хорошо знает их дела, и перечислил: «В Дарг- Кохе вы напали на наш обоз и разграбили его, в Алагире напали на арсенал, попытались его захватить» и т.д. Всего этого хватило для того, чтобы вынести приговор: «Расстрелять!» Почему- то под покровом ночи керменистов вывели к оврагу. У Дадок был перочинный ножик, и ему удалось обрезать веревки на руках. Он попытался передать нож Бази и предложил бежать, но Тлатов ответил: «Мæ бон нæу, мæ зæрдæ басыгъд»– «Не могу, у меня перегорело сердце». Вероятно, это был инфаркт, как бы сейчас сказали. На краю оврага за секунду до команды «Пли!» и выстрелов Дадок скатился вниз и побежал. Последние слова Бази Тлатова, которые он услышал: «О, Дадок, амардтой мæ!» – «О, Дадок, ме-

ня убили».

Расстрельной команде все же удалось ранить Дадока. Он бежал долго, преодолевая боль, и набрел на казачью станицу. Выбрав самую бедную хату, постучался. Хозяину дома объяснил, что он осетин, ранен, и пообещал подарить маузер, если тот доставит его во Владикавказ. Казак согласился, и они двинулись в путь. К тому времени за ним снарядили погоню. По следам крови вычислили дом. Жена казака, на вопрос, где муж, рассказала все как было. Километров пятнадцать успел уйти Илаев от преследователей, но был вторично схвачен. Трибунал вынес вердикт: «Повесить!» Сообщили в Ардон. Через три дня в Пятигорск добралась мать Дадока, в девичестве Лушка Фардзинова. Убитая горем женщина сняла платок и бросила его под ноги подполковника Икаева, стоя на коленях, умоляла помиловать сына, но ее мольбам не вняли. Так трагически оборвалась земная жизнь этого бесстрашного, верного идеалам революции молодого человека, двадцати одного года от роду.

Единственный сын Дадока Георгий Илаев появился на свет в 1919 году после его гибели. В 1949 году Георгий, будучи помощником судьи в г. Алагире, по крупицам собиравший сведения о короткой жизни отца, отправился в Пятигорск, чтобы выяснить, при каких обстоятельствах он погиб. В архиве деникинцев нашел протокол допроса, проливший свет на историю ареста и последующей казни Дадока Илаева и Бази Тлатова. Ниже привожу полный текст протокола:

«14 апреля 1919 г. в г.Пятигорск по распоряжению начальника контрреволюционного отдела при штабе главнокомандующего и командующего войсками Терек- Дагестанского края, я, поручик Маршан, производил допрос нижепоименованных в качестве свидетелей в порядке ст. Военного Положения от военного положения, причем опрашиваемый показал:

1. Икаев Александр Васильевич, подполковник, православный, проживает в ст.Ардонской, – мною 14 сего апреля задержано в г.Пятигорске два главаря разбойничьей шайки: Тлатов Василий и Дадок Илаев, которые при большевиках терроризировали все население ст. Ардонской и окрестных аулов. На второй день пасхи в ст.Ардонской означенными разбойниками было организовано вооруженное нападение на штаб отряда (1- го партизанского). При нападении пытались отбить пулеметы, конские составы и разоружить команду. Но благодаря бдительности часовых и распорядительности начальства нападение было безрезультатно. Шайка была из человек тридцати. На другой день шайкой было совершено нападение на обоз, ехавший на ст.Дарг- Кох. Случайно в это время проходил батальон драгунов, нападавшие разбойники после первых выстрелов убежали. Удостоверяю, что Тлатов и Илаев видные большевики и грабители, они были главными участниками разгрома с.Алагир летом прошлого года. О их преступной деятельности знают очень многие. Сейчас в г.Пятигорске находятся хорунжий Икаев и

хорунжий Сохиев на даче Стрелкова. Больше по делу показать ничего не имею. Прочитано подполковник Икаев, поручик Маршан.

2. Хорунжий Икаев Захар Иванович 29 лет, православный, не судился, проживает в ст. Ардонской. Около 5 часов вечера 8 апреля с.г. я и мой старший брат Егор Икаев стояли у калитки своего дома и в это время по улице прошли восемь-десять вооруженных лиц, среди которых были Дадок Илаев и Тлатов Василий. Превого я видел, а второго узнал в толпе по голосу. Было совершено нападение на часового, охранявшего пулеметы 1-го партизанского отряда, начальником которого состоит подполковник Икаев. Выстрелом из винтовки часовой был ранен в ногу. Подняли тревогу, и пошла перестрелка. Нападавшие разбежались. Но через час-два эта шайка напала на мой дом. Я дал три выстрела, грабители скрылись. На следующую ночь было нападение на штаб отряда. Открыли пулеметную стрельбу, и нападавшие рассеялись: нападавших было человек 25-30. Числа 10-11 апреля со ст. Ардонской отрядный обоз отправился на ст. Дарг-Кох и подвергся нападению разбойничьей шайки. К месту происшествия подошел батальон казаков сунженского отдела, направлявшийся в село Ново-Христиановское. Разбойники разбежались. Дадок Илаев и Тлатов Василий известные разбойники большевики и как таковые они держали все население в страхе. Больше показать ничего не имею. Прочитано хорунжий Икаев, поручик Маршан.

3.Хорунжий Сохиев Николай Дзигоевич, православный, 30 лет, проживает в г.Владикавказ по Краснорядской ул. №21. На пасхальной неделе был в гостях у хорунжего Икаева, проживающего в ст.Ардонской. На второй и третий день праздника были произведены вооруженные нападения на штаб подполковника Икаева, командира 21 партизанского отряда, на часть его квартиры, на дом хорунжего Икаева. Нападения были отбиты. Местные жители села Ардонского определенно указали на Тлатова Василия и Илаева Дадока как на главарей шайки видных членов партии «Кермен». Всех нападавших человек было 20- 30.

Селение Алагир в январе с. г. подверглось разгрому, участвовали «керженисты» сел.Ардонского. Больше показать ничего не имею. Прочитано хорунжий Сохиев, поручик Маршан. Верно: начальник гарнизона штабс- капитан /подпись/ 29 мая 1919 г. г.Пятигорск. Копия верна».

После казни Илаевым не выдали тело Дадока, но на старом кладбище Ардона в 1922 году близкие установили памятник славному представителю фамилии, герою- керменисту, отдавшему жизнь за идеалы революции. У Дадока Илаева было три брата и три сестры: Баразг, Хаджумар, Хазби, Адто, Адти и Гагаш. Памятник – «цырт» стоит одиноко на кладбище. Отец не раз приводил меня к цельному трехметровому камню, где высечены дата рождения и дата смерти Дадока. «Надо ему современный памятник поставить в илаевском ряду», – махнул папа рукой в сторону, где компактно

захоронены мужчины и женщины нашего немногочисленного рода. Там покоятся его братья и сестры. Я пообещал, что обязательно это сделаю, однако до сих пор обещание, данное отцу, не выполнил. Год назад рассказал о разговоре с дедушкой своему сыну Тимуру. И мы решили, что памятник должен быть установлен в ближайшее время.

Мичман «Фантомас»

Захаренко Николай Борисович, командир эскадренного миноносца «Бдительный», имел воинское звание капитана третьего ранга и был одним из немногих перспективных молодых командиров на Черноморском флоте. Офицеры нашего корабля его уважали и любили, хотя многие из них были старше его на пять-десять лет. Вот взять, например, старпома Латыну Владимира Степановича, он тоже имел звание капитана третьего ранга, но по возрасту был старше командира на восемь лет. Всего офицеров и мичманов было на корабле двадцать девять и личного состава, то бишь матросов и старшин срочной службы, где-то двести восемьдесят человек.

На эсминце я служил начальником медицинской службы второй год. Успел с нынешней командой побывать на шестимесячной боевой службе в Средиземном море. И вот уже пошла четвертая неделя, как мы вернулись в Севастополь – на место постоянной дислокации на Графской пристани. Николай Борисович был умный руководитель и великолепный организатор, редко повышающий голос на подчиненных, но требовавший беспрекословного подчинения младших по званию старшим, или, другими словами, требовал соблюдения воинской субординации. Мы подружились

с ним на боевой службе, после одного неприятного случая, который имел место на «Бдительном» в походе. Матрос третьего года службы Опрышко ударил перед строем по лицу офицера – своего непосредственного начальника, командира группы боевой части «три» или минно- торпедной части. Произошло это на глазах стоящих в строю матросов срочной службы, подчиненных пострадавшего лейтенанта.

На офицерском собрании в кают- компании командир довел информацию по происшествию до всех присутствующих начальников. Здесь же указал на молодого офицера, получившего оплеуху от матроса Опрышко, попросил его рассказать подробности произошедшего инцидента. Офицеры хмуро слушали командира группы. Такого случая еще не было ни у кого на памяти. Чтобы матрос перед строем ударил офицера!? Все знали, что матросу грозит суд трибунала и дисциплинарный батальон на мраморных каменоломнях Псковщины. Но ведь тогда – и огласка на весь флот и бесконечные проверки и наказания начальников всех рангов на корабле и в бригаде также. Командир обратился к присутствующим с вопросом: «Что будем делать?». И тут я, еще не понимая до конца своего варианта решения проблемы, предложил не доводить ситуацию до суда, а разрешить мне поработать с матросом. Другими словами, предложил командиру и присутствующему офицерскому составу дать мне лично «побеседовать» с Опрышко, т.е. «сломать» его характер. Попросил командира и замполита один час на его обработку.

В кубрике, где я застал негодяя- матроса в окружении сочувствующих ему срочников- одногодков, попросил всех удалиться и немедленно приступил к работе, используя для разговора «баночку» –длинный складывающийся алюминевый стул на четыре человека. Опрышко – матрос последнего года службы – был не робкого десятка и весил около ста двадцати килограммов. Мне, однако, все же хватило тридцати минут непрерывного воздействия «баночкой» по его конечностям, пока, наконец, Опрышко не заплакал. Но заплакал он не от боли и страха, а от бессилия, что не может меня убить или покалечить. Затем мы сидели рядом на этой же злополучной «баночке», и я подробно объяснял Опрышко ход его дальнейших действий, т.е. то, что он должен сделать в ближайшие пять минут, чтобы не загреметь...

После нашего разговора матрос немедленно прошел в каюту своего командира группы и попросил простить его за проступок и забрать рапорт у командира. Попросил у командира корабля разрешения войти и показал сплошные синяки на руках и ногах, при этом высказался, что они справедливо получены им от меня. Попросил командира не направлять его дело в суд военного трибунала, доложил ему, что только что просил об этом и своего командира группы. После чего в своем кубрике заявил, что если кто –то из матросов проговорится о случившемся днем инциденте, лучше пусть сразу утопится... Другими словами он каялся в содеянном и просил его простить, но не передавать дело в суд.

Матрос Опрышко вскоре после возвращения в Севастополь был уволен на «гражданку», а мой авторитет в глазах офицеров и мичманов корабля значительно вырос.

Вот так мы с Николаем Борисовичем и начали дружить по-настоящему, благо и возрастная разница с ним была небольшая, и чувство доверия появилось друг к другу... После этого случая он действительно начал мне доверять, что потом неоднократно подтверждалось его отношением ко мне в той или иной ситуации.

А сегодня ранним утром, как всегда, командир прибыл на корабль в семь утра, и осматриваясь по сторонам, стал медленно подниматься по трапу на корму корабля. Я стоял у курительной бочки на юте и видел, как к трапу подбежал Латыну с докладом, что за его дежурство на корабле происшествий не случилось. Владимир Степанович оставался на ночь на корабле старшим, а я как раз попал в его смену. Но, честно говоря, это Захаренко попросил меня оставаться в смене со старпомом, наверное, хотел иметь от меня дополнительную информацию по положению дел на корабле в его отсутствии или же не до конца доверял старпому. Рапорт командир принял молча, поздоровался за руку со старшим помощником, и, заметив меня, махнул рукой, чтобы я участвовал в сопровождении. Владимир Степанович что-то продолжал докладывать командиру, отвечал на его вопросы, я молча шел сзади.

Через сорок минут все офицеры и весь личный состав

срочной службы, свободный от вахт, построятся на носу корабля на торжественный подъем флага и гюйса, затем все разойдутся по своим боевым частям и службам отрабатывать боевые задачи. Командир и старпом, разговаривая, поднялись по трапу к каюте командира, Николай Борисович, не оборачиваясь ко мне, попросил меня зайти к нему после построения и подъема флага. Я подтвердил его решение и отправился на построение на верхнюю палубу. Затем был утренний чай с обязательным печеньем, сыром и сливочным маслом. После началась утренняя приборка на корабле, и только лишь в десять часов я смог попасть к командиру. Все морские офицеры обращаются наедине друг к другу по имени и отчеству или же по имени.

– Присядь, Руслан Георгиевич, – попросил Николай Борисович, – хочу с тобой посоветоваться.

Он протянул мне журнал «Спортивная жизнь России», открыл его, и указав пальцем на фотографию ватерполиста, спросил:

– Ты знаешь, кто это?

– Конечно, знаю! Кто же не знает «Фантомаса», он член сборной Черноморского флота по ватерполо и звание его вроде бы мичман, – ответил я.

Николай Борисович продолжил:

– Тебе ведь известно, что мой отец был генералом артиллерии, и что мой младший брат, тоже морской офицер, проживает с семьей в том же семейном общежитии, что и я с

женой?

Я утвердительно кивнул головой.

– Отец моей жены в звании генерал-майора, а вот папа жены моего брата – в звании генерал-полковника, – объяснил Николай Борисович.

– А дело в том, – продолжил Николай Борисович, – что этот «Фантомас» также проживает в общежитии с женой и маленькой собачкой породы такса. У жены брата собачка той же породы. Рядом с общежитием парк, где все выгуливают своих собак. Вот там «Фантомас» и снюхался с женой брата. Ему сейчас предложили перейти в сборную России по ватерполо, т.е. в Москву, а он в свою очередь, предложил жене моего брата развестись и поехать с ним в Москву. Брат подошел к нему для выяснения причин его хамского поведения, но «Фантомас» даже слушать не стал, просто избил его. Ростом он за два метра и весит килограммов сто тридцать. Что делать, Руслан Георгиевич, ума не приложу? Вот тебе и вся история вкратце.

– Послушайте, Николай Борисович, – спросил я командира, – а что, он собаку так и продолжает выгуливать в парке?

– Практически каждый день, около семнадцати часов он ходит по одному и тому же маршруту, делает один круг по парку, – подтвердил командир.

– Есть у меня одна задумка, Николай Борисович, я хочу встретиться с ним и поговорить по-мужски, если Вы не возражаете, – попросил я.

– Возражаю, – решительно ответил командир, – этот здоровенный амбал переломает тебе все кости, посмотри, что он сделал с моим братом. Руслан Георгиевич, ты думаешь, что справишься с ним в одиночку? Да он тебя одной рукой сделает и не поперхнётся!

– Ну, это мы еще посмотрим, кто кого и как, но все же я с ним встречусь и поговорю по- мужски, а результат разговора Вам, Николай Борисович, лично и доложу, – закончил я. После чего попросил разрешения и вышел из каюты.

В амбулатории я застал своего санинструктора Любченко. Попросил его найти матросов Батаева и Гиша и направить ко мне в каюту минут через десять. Затем спустился по трапу на вторую палубу зашел к себе в каюту и стал ждать.

Первым появился осетин Батаев и сразу же за ним – адыгеец Гиш. Приглашенные были практически одного роста со мной, а мой рост был без малого метр восемьдесят шесть сантиметров. Попросил их присесть и тихим голосом предложил им увольнительную на берег для проведения культурных мероприятий, куда входили посещения художественного музея и панорамы «Защита Севастополя». Оба балбеса уставились на меня, не понимая, куда я клоню, и что за этим кроется. Предложил увеличить наш коллектив до пяти матросов, пригласив еще штангиста Хапица, боксера Нальгиева и борца вольного стиля Арбиева. Предупредил, что сход с корабля в два часа дня, и чтобы они к этому времени уже стояли у трапа. Затем занялся составлением на-

кладных на получение расходного медицинского имущества и прочих медикаментов на флотских медицинских складах на Фиоленте, на окраине Севастополя.

Ровно в четырнадцать часов я вышел на корму. У трапа стояла вся великолепная пятерка по форме «два» – черные брюки и белый верх, к форме прилагался головной убор – белая бескозырка. Все спустились по широкому трапу корабля, отдавая честь гюйсу с поворотом головы при движении – дань флотской традиции. Все мы прямехонько направились на мою съемную квартиру. Вопросов мне никто не задавал. Зашли в квартиру, и я предложил всем расположиться на диване и двух креслах, затем спокойным голосом начал разъяснять суть предстоящих действий с причинами, их вызвавшими:

– Послушайте меня внимательно, – обратился я к присутствующим, – дело серьезное, один плохой мичман соблазнил жену брата нашего командира, предложил ей развестись и выйти за него замуж и отчалить в Москву на постоянное место жительства. Отец ее в звании генерал-полковника, и мичмана скорее всего интересует не она, а этот генерал. Наверное, мичман хочет офицером стать, я так думаю, – закончил я свой доклад.

– А что думаете вы? – спросил я присутствующих.

– А что тут думать, – ответил за всех Батаев, – надо мичману в грубой форме объяснить, что он не прав, и чтобы от нее отвалил!

– Все так думают? – обратился я к матросам.

– Хочу спросить Вас, товарищ старший лейтенант, – заговорил Гиш, – этот мичман такой здоровый, что нас здесь пять человек?

– Не пять, а шесть человек, одних я вас на операцию не пушу, идем все вместе. Что касается его внешних данных, можете взглянуть на снимок в этом журнале, – я протянул Гишу потрепанный номер журнала «Спортивная жизнь России», – он в резиновой шапочке снят во весь рост, рядом с ним его тренер кажется пионером. Кличка у него «Фантомас», он член сборной Черноморского флота по ватерполо и звание его вроде бы мичман. Он стрижется на лысо, поэтому такое прозвище.

Журнал пошел по рукам, наблюдая за реакцией рассматривающих его матросов, я не заметил и следа волнения на их лицах. Вероятнее всего, их успокаивало то, что в предстоящем деле я сам буду вместе с ними участником событий.

– А когда на дело пойдем, – спросил все тот же неугомонный Гиш, – я так понимаю, сегодня?

– Сегодня, около пяти часов вечера, «Фантомас» пойдет выгуливать свою таксу в парке рядом с общежитием, довольно сильно заросший кустами, что нам вообще-то очень даже на руку. Делает он обычно с собачкой одну ходку вокруг парка. Аллея заканчивается, далее идет тропинка, завершающая круг, а там везде густой кустарник. Вот на этом переходе Гиш проходит ему в ноги и пытается опрокинуть его на

спину. Допустим, не получилось его сразу опрокинуть, Гиш, не ослабляй хватку руками, держи мертвой хваткой. Батаев, ты сразу же бежишь к нему на помощь и с разбегу толкаешь «Фантомаса» в грудь, помогаешь Гишу опрокинуть его на спину. Допустим, «Фантомас» упал на спину. Хапип, отвечаешь за его правую ногу, блокируй ее намертво. Нальгиев, отвечаешь за его левую ногу. Первоначальный замысел заключается в том, что мичман встать на ноги не должен, а если его не удержать в положении лежа, то вероятность того, что он нас всех сделает инвалидами, очень высокая. Вы вдвоем заблокировали его ноги, Гиш блокирует намертво его корпус. Я вместе с Батаевым и Арбиевым блокирую его руки, затем сажусь ему на грудь, вы продолжаете держать его за руки, ибо обе мои руки должны быть свободными, и я начинаю превращаться в отбойный молоток для морды его лица. Наказав негодяя, по моей команде, мы также тихо и стремительно возвращаемся на такси на исходную позицию, т.е. ко мне домой. Вам все ясно? Едем в парк на такси, осталось полчаса. А сейчас все сняли форменные рубашки и надели мои гражданские рубашки навыпуск, тельняшки тоже снять.

На двух такси подъехали к парку, заняли позицию в условленном месте.

Далее все происходило точь – в – точь по нарисованному сценарию. Да, он появился с собачкой, но рядом с таксой шел не просто высокий мужчина. Двухметровый гигант с дико развитой мускулатурой и заросшей рыжими волосами гру-

дью – он более походил на гориллу, нежели на человека. Не мудрено, что жена брата командира запала на этого примата! В голове у меня появилась шальная завистливая мысль: «Интересно, а член у него такой же огромный? Не этим ли предметом он соблазнил молодую женщину» ...

Тем временем Гиш вышел навстречу гиганту, они медленно стали сближаться. Процесс пошел удивительно спокойно и плавно. Поравнявшись, матрос стремительно, поборцовски, прошел в ноги ватерполиста, обхватил его на уровне ягодиц руками и одновременно резко толкнул плечом, попытался сбить его с ног. «Фантомаса» сильно качнуло назад, но устоял, его такса от испуга завывала и бросилась наутек, громко лая, благо хозяин выпустил поводок. Еще мгновение, и он пришел в себя и правым кулаком нанес два мощнейших удара по голове Гиша, пытаясь оглушить его. Но Гиш хватку не ослабил. Из-за кустов стремительно выскочил Батаев, разогнавшись весьма прилично и не снижая скорости, он двумя руками резко ударил гиганта в грудь. «Фантомас» рухнул навзничь, как спиленное дерево.словно по команде, на его ноги упали Хапип с Нальгиевым, прижали их к земле своим весом, не давая хозяину ног пошевелиться. Я вместе с двумя оставшимися матросами ринулся ему на грудь. Жертва выла и пыталась кусаться, Арбиева, держащего его руку, он все же укусил за ладонь. Естественно, укушенный бросил боевой пост и катался по земле, тряся разорванной кистью, чем несколько ослабил нашу атаку.

К тому времени я уже сидел на его груди и отбивал руками чечетку на его лице. «Фантомас» освободившейся рукой смазал меня два раза по голове словно кувалдой. И тут озверевшие матросы, нарушив инструкцию, присоединились ко мне и, решив мне помочь, принялись каблуками и носками уставных ботинок утюжить лицо мичмана. Мои кулаки мгновенно покрылись ссадинами и синяками, дважды слева свои же съездили мне кулаком по голове. Через три минуты любвеобильного извращения мы все же вырубил, сломав ему нос и выбив пару зубов. По моей команде мы ретировались на стоянку такси, а оттуда стремительно и тихо возвратились на исходную позицию, т.е. ко мне домой. Матросы по очереди умылись в ванной и переоделись в свою форму №2, затем Батаев с Гишем помогли накрыть стол. На столе – жареное мясо, консервированный балык, языки и всякая приправа с салатами. Достая пять бутылок водки из-под кровати, ставлю молча на стол.

– Пусть каждый пьет столько, сколько может и хочет, сегодня вам можно все, задача выполнена на «отлично», предлагаю присесть за стол и начать переговоры по урегулированию бесправного положения негров в Америке! – закончил я шутливо со стаканом в руке.

Все выпили по полному стакану водки, а затем я, Батаев и Гиш еще по стакану приняли, после чего втроем вышли во двор покурить. Я спросил обоих матросов, увольняющихся осенью домой, какие у них есть желания перед увольнением.

Они, будто сговорившись, изъявили желание вступить в партию, ибо на «гражданке» решили пойти на работу в милицию. Водку выпили всю, а еще через час я отвел матросов на корабль, подарив на трапе дежурному офицеру две бутылки водки с пожаренной на мангале свежей свининой. Этот презент был подарен за отсутствие «запаха» у матросов, ничего не подделаешь – благородные флотские законы распространяются на матросов и офицеров одинаково. Коротко, наедине, объяснил дежурному офицеру, что отмечали день рождения матроса Батаева. Тот за подарок поблагодарил, но просил меня зайти в его каюту после отбоя на пять минут, это вроде как соблюдение той же флотской традиции – морские офицеры в одиночку не пьют.

Утром доложил командиру, что «разговор по душам» с мичманом Мищенко состоялся, последний признал свою неправоту и отказался от дальнейших контактов с женой его брата. Удивленный командир попросил подробности «разговора», на что мной были молча продемонстрированы обе кисти, покрытые синяками и ссадинами. Указал Николаю Борисовичу пальцами на кровоподтек на левой верхней скуле, подтвердил, что разговор был тяжелый, но непродолжительный, и все это благодаря регулярным занятиям в секции бокса. Затем обратился к командиру с просьбой о принятии в партию матросов Гиша и Батаева, доложил, что они оба увольняются осенью с действительной воинской службы и хотят продолжить работу в органах внутренних дел.

... Через два дня командир вновь пригласил меня к себе в каюту.

– Хочу выпить с тобой, – сказал взволнованно Николай Борисович, – после твоего разговора «Фантомас» попал в госпиталь с переломом носа и нижней челюсти. Мой брат хотел бы пригласить тебя в гости к себе в ближайшую субботу.

Я принял приглашение. Потом мы с командиром пили водку. Затем в ближайшую субботу я пил водку с его братом и женой брата, которая оказалась весьма милой девушкой.

А еще через три месяца Николая Борисовича приняли на учебу в академию Кузнецова, и он отбыл с супругой в славный город Ленинград. Четыре месяца спустя меня самого перевели в распоряжение Медицинской службы Ленинградской Военно–Морской базы. Я более никогда не встретился с командиром и его братом. Матросов Гиша, Арбиева, Нальгиева, Хапица я также никогда больше не встретил. В 1989 году на Финляндском вокзале я признал в проходившем мимо капитане первого ранга Латяну Владимира Степановича. Но зато несколько раз встречался во Владикавказе с бывшим матросом Батаевым. Плысевший и раздобревший Батаев работает в силовой структуре – он заместитель прокурора одного из районов Владикавказа. Я, офицер в отставке, продолжаю чтить флотские традиции – первый всегда за товарища Сталина, второй – за тех, кто в море....

Криминальный Кронштадт

Так получилось, что конец девяностых я застал в должности начальника Кронштадтской гарнизонной поликлиники. Назначен был на должность майором, а увольнялся в запас через десять лет в звании подполковника медицинской службы. До моего назначения в поликлинику я служил на кораблях Черноморского и Балтийского флотов. Ленинградская Военно-морская база, хотя официально и являлась частью Балтийского флота, на деле была все же самостоятельным подразделением, имеющим в своем составе Военно-морскую академию им Н.Г.Кузнецова, пять Военно-морских училищ, Нахимовское училище и всевозможные секретные объекты, где проектировали и строили корабли и двигатели для кораблей и подводных лодок. А еще в Ленинградской Военно-морской базе находилось множество доков для чистки и покраски днища и бортов кораблей, а также проведения ремонтных «сухих» работ. Дивизия надводных кораблей в Кронштадте являлась подчиненной частью Ленинградской Военно-морской базы. А 35 Военно-морской госпиталь и 102 поликлиника обслуживали личный состав дивизии и воинских частей, располагавшихся на острове, а также членов их семей. Получалось, в общем, где-то около пятидесяти тысяч взрослого населения.

Кронштадт – искусственный насыпной город на острове Котлин (переводится дословно со шведского как «котел»), длина его составляет двенадцать километров, ширина пять километров. Когда-то он действительно играл существенную роль в обороне Северной столицы и морских рубежей Российской империи, однако со временем Кронштадтская крепость утратила свое значение и предназначение, и город стал доступным для всех желающих россиян и зарубежных туристов. Население Кронштадта проживает в трех жилых массивах: собственно старый город, и пристроенные к нему новостройки – 16-ый квартал, где преимущественно проживали офицеры флота с семьями, и 19-ый квартал, населенный преимущественно строителями дамбы, т.е. бывшими уголовными элементами.

В середине девяностых Кронштадт стал заселяться различными этническими группами, преимущественно выходцами из северокавказских республик и Закавказья. Всех приезжих практически сразу же окрестили этническими прозвищами: чеченцев – «чехами», азербайджанцев и армян – «чайниками», молдован – «мамалыжниками» или «гагаузами». Одни пооткрывали магазины, кафе и рестораны, другие начали крышевать различного рода учреждения, приносившие немалые доходы хозяевам, третьи занимались транспортными перевозками товаров народного потребления. И только мы, морские офицеры, жили на одну зарплату и, чего греха таить, тихо завидовали «новым» бизнесменам. Потом

завидовать перестали, когда они, борясь за новые территории и рынки сбыта, стали физически уничтожать друг друга.

До меня быстро дошло, что надо дослужить до пенсии и валить отсюда быстрее. Этнические разборки, тем временем, стали приобретать более частый и беспощадный характер. На проспекте Ленина перед Гостиным двором в небольшом скверике, в ста метрах от Кронштадтского отдела внутренних дел, грузинская и чеченская «мафия» устроила разборки, мягко перешедшие в перестрелку среди белого дня. С обеих сторон были раненые, но слава богу, обошлось на этот раз без убитых. Но самое главное, многих из участников этого кровавого дня кронштадтцы, да и я сам, знали в лицо и даже их родителей тоже. Вот в такой обстановке мне пришлось дослужить еще два года до ухода в запас на заслуженный отдых.

...В восемнадцать часов я закрыл поликлинику на ключ и опечатал печатью, выданной в секретной части госпиталя. Затем вышел через ворота госпиталя и по улице Советской двинулся в направлении своего дома.

Улица Советская длиной полтора километра и противоположным концом упирается в проспект Ленина, затем мне надо перейти Посадскую улицу, идущую параллельно проспекту, выйти через кронштадтские ворота на Кронштадтское шоссе и через двести метров я дома на 16-ом квартале.

Однако, переходя на противоположную сторону проспекта, я увидел знакомого чеченца Беслана Хамагова, оживлен-

но разговаривающего с какими-то незнакомыми ребятами его возраста, и судя по их внешности, скорее всего чеченцами. Поздоровались, Беслан объяснил мне, что только вышел из «чеченского кафе», где обо мне спрашивал Салман – владелец кафе-ресторана. Салман Ватаев – старожил Кронштадта, был женат на местной девушке, с которой они вместе учились в политехническом институте, она же его и перетянула на постоянное место жительства в Кронштадт после окончания политеха. Умный, начитанный и не лишенный логического восприятия и понимания меняющейся обстановки, он нравился мне тем, что практически никогда не терялся в критической ситуации и мог выбрать в любой сложной комбинации наиболее оптимальный выход. Впоследствии он развелся с русской женой Ольгой из-за отсутствия детей в пятилетнем браке. Салман мог стать хорошим инженером, но не стал. Зато открыл свое дело в виде кафе-ресторана с барной стойкой и игровыми автоматами. Судя по всему, заведение приносило Ватаеву неплохой доход. Однако я предполагал, что в конечном итоге его прикроют, и не только потому, что он чеченец, а в силу его природной жадности и неумения делиться с теми, кто тебя поддерживает и оберегает.

Вместе с Бесланом вошли в зал ресторана, за столиком в правом углу сидел Салман в окружении трех молодых соплеменников, они что-то возбужденно обсуждали. Увидев меня, они приумолкли. Одного из них я признал, его зва-

ли Резваном, двое других мне были незнакомы. Все трое не старше двадцати лет, за соседним столом восседал в одиночестве Ибрагим, ему уже лет тридцать – приятель Беслана. Я смекнул, что здесь произошел какой-то конфликт: на полу – свежая затертая кровь, свежие кровавые пятнышки разбрызганы и по стене, и даже на ножках стола и двух стульев. Поздоровавшись с Салманом, поинтересовался у него:

– Что здесь произошло и что это за кровь?

– Да вот сейчас эти орлы избили двух братьев Васильевых! – ответил Салман раздраженно, – посмотри на этих идиотов, они даже сейчас не понимают, что натворили, кретины!

– Братья вроде как с тобой работали и у вас были общие дела? – поинтересовался я у Салмана.

– Дела были до сегодняшнего дня, но больше дел у нас быть не может, – ответил Салман, – побили братьев капитально, здесь все было залито их кровью.

Пообщавшись с Ватаевым еще минут пять, я окончательно убедился, что пора делать ноги. Дело в том, что братья Васильевы были огненно-рыжими близнецами, не совсем здоровыми психически. То есть, в спокойной обстановке были нормальными людьми, но в критической ситуации становились бешеными ротвейлерами. В том, что они вернуться, я даже не сомневался, но это было не главным. Вот, как и с чем они вернуться, пугало по-настоящему только меня, остальные присутствующие находились в неведении или же в ил-

люзорно- героической эйфории. Но оставлять Беслана Хамагова в ресторане я тоже не желал, предполагая надвигающуюся беду в виде неотвратимого возмездия. Заказав графин водки, пожаловался чеченцам на плохое самочувствие, выпил стакан водки и попросил Беслана подвезти меня до дома, еще раз сославшись на непонятное недомогание. Он внял моей просьбе, подвез меня на своей машине к дому и хотел было развернуться, однако я настоял на том, чтобы он проводил меня наверх до квартиры. Поднялись на четвертый этаж, и далее я сделал все для того, чтобы подольше задержать его у себя.

Неожиданно, раздался звонок телефона, с Бесланом говорил Салман на чеченском не более пятнадцати секунд. Мертвенная бледность покрыла его лицо, он медленно присел на край дивана.

– Наших в кафе перестреляли, – начал Беслан, – близнецы пришли в кафе с помповыми ружьями и картечью убили Ибрагима, тяжело ранены Резван и Муса. Мне надо ехать немедленно в кафе.

– Едем вместе, – предложил я. Оставлять друга одного в таком состоянии я не мог, сейчас ему особенно нужна была моя поддержка.

В ресторане все вверх дном – опрокинуты столы, стулья. На полу и на стенах – везде кровь, «рваные раны, причинены картечью с повреждением крупных сосудов», – фиксирует беспощадно мой мозг. Салман тут же. Вся его одежда в

крови.

– Пытался жгут наложить на бедро Резвану, затем помогал раненых на носилки укладывать, – объясняет Салман. Затем вслух восстанавливает картину происшедшего:

– Они вошли через кухню, в руках – помповые ружья, стрелять начали практически сразу. В зале сидели Ибрагим, Муса, Резван и еще двое ребят – они с Ленинграда, ты их не знаешь. Первым под огонь попали Резван и Муса, – продолжал горестный рассказ Салман, – один получил ранение в руку, другой в бедро. Меня они сразу не заметили, я как раз сидел за барной стойкой. Отвлек их Ибрагим, услышав выстрелы, он бросился из ресторана к своей машине. Братья, скорее всего, подумали, что он за оружием бежит, за ним рванули – они дуплетом из двух стволов ему всю грудную клетку разворотили. Он как раз присел за дверцу своей машины, когда ее открыл. Этим самым он спас жизнь мне, Резвану и Мусе. Добивать нас у них уже не было времени. Отдел милиции от нас в ста метрах, через три минуты половина личного состава набежала на выстрелы. Ибрагим умер по дороге в больницу, всё жаловался, что воздуха ему не хватает. Резвану разворотило руку ниже локтя, я ему рану чистым полотенцем перевязал, на плечо жгут наложил – крови он много потерял. Хуже было Мусе – картечь перебила бедренную кость и, наверное, артерию, кровь из него хлестала фонтаном. Официанткой у нас работает Ира, она раньше, до прихода к нам, медсестрой была в госпитале. Так вот, эта

Ира и спасла Мусу, пальцами артерию передавила, и пока скорая не приехала, так и держала руки на его артерии.

Печальный итог бывает неизбежен, когда недооцениваешь способность противника нанести тебе ответный удар. И вот он, результат пренебрежения и легкомыслия чеченской братии- один убитый и двое тяжелораненых. Ну, а дальше пошло как по заранее написанному сценарию, рыжие братья ударились в бега. Страна большая, пойди сыщи их теперь. Тело Ибрагима отправили домой в Чечню. Сам я через два года был уволен в запас по выслуге лет и вместе с матерью и сыном отбыл на малую родину – в Северную Осетию.

Однажды, лет эдак через десять, мне позвонили по мобильному телефону. Номер мне был незнаком, но я ответил на звонок. Звонил Беслан Хамагов. Как он узнал номер моего телефона, для меня и сейчас остается тайной. Он расспрашивал меня о здоровье матери, о моем сыне Тимуре. Поговорили с ним около часа. Проживает Беслан с семьей сейчас в Караганде, на севере Казахстана. У него четыре сына и вроде бы все благополучно. В Казахстан его пригласил родной дядя – брат отца. Беслан попросил зафиксировать его номер в памяти моего телефона. А затем внезапно перевел разговор на совсем неожиданную тему. Он спросил, помню ли я перестрелку в ресторане у Салмана в Кронштадте.

– Конечно, помню, Беслан, – ответил я удивленно, – а чего ты вдруг про это вспомнил?

– Руслан, ответь, пожалуйста, на один вопрос. Ты ведь

меня тогда намеренно увел из ресторана? Зачем ты это сделал? – задал прямой вопрос Беслан.

– Абсолютной уверенности у меня не было, что рыжие вернутся, но подозрения сохранились, поэтому тебя и увел. Не хотел, чтобы тебя случайно убили....

Слуга народа

Кронштадт – часть моей жизни в буквальном смысле этого слова, ведь я прослужил в кронштадтской дивизии более двух десятилетий. Ежедневно, в течение двадцати лет, я общался с офицерами кронштадтского гарнизона и членами их семей. За двадцать лет можно было бы досконально изучить все закоулки этого города и исходить весь остров вдоль и поперек. Длина острова – всего двенадцать километров, и ровно в два раза меньше его ширина. Он нафарширован фортификационными сооружениями, складами и закрытыми объектами, скрытыми за высокими стенами, сложенными из бетона и камня, или же упрятыми глубоко под землей, в таких же бетонных подвалах.

Что касается живого общения, то, естественно, чаще приходилось общаться с офицерами, их женами и детьми. Занимая должность начальника поликлиники последние десять лет моей военной службы, можно было запомнить многих из семидесятитысячного населения Кронштадта. Да и не только из местного населения. По улицам нашего города прогуливались Фидель Кастро, шахматист Анатолий Карпов, Анатолий Собчак, а Эдита Пьеха снимала клип на набережной у пристани. Здесь появилась на свет Света Линник, будущая супруга Дмитрия Анатольевича Медведева. Здесь

я впервые познакомился с Еленой Владимировной Бабич – уполномоченной высшего Совета ЛДПР по Санкт-Петербургу, но в пору нашего знакомства в 1988 году она работала в Кронштадтском комитете ВЛКСМ.

В начале девяностых я был избран депутатом Кронштадтского районного Совета народных депутатов по избирательному округу № 52. Меня тогда еще несколько удивил статус нашего города – он одновременно существовал в двух ипостасях: город Кронштадт и Кронштадтский район города Ленинграда (впоследствии Санкт-Петербурга). Два раза в месяц я вел депутатский прием граждан своего округа. Вопросы и проблемы, обратившихся ко мне избирателей, старался решить в минимальные сроки, используя свои полномочия.

Постепенно мне стали доверять, слухи о бескомпромиссном депутате распространились по городу. Ко мне стали обращаться жители и других избирательных округов, я их принимал, слушал и помогал в силу своих возможностей. И когда ко мне обратились мастер-строитель с дамбы Сережа Саркисян, строитель с дамбы Василий Коляну и с ними еще пять человек строителей, открылся такой беспредел нарушений советского законодательства, что можно и нужно было немедленно докладывать в особый отдел Кронштадтского КГБ. И на то были веские причины. Злостными нарушителями, оказывается, были сотрудники Кронштадтского районного отдела внутренних дел. Итак, на руках у меня семь заяв-

лений от граждан, пострадавших от сотрудников милиции, как говорится, и морально, и физически. Надо было принять решение. Путем долгих мучительных рассуждений я пришел к следующему умозаключению. Если мы, депутаты, начнем собственное расследование в отделе внутренних дел на основании заявлений, поданных на мое имя рабочими, на них, несомненно, окажут давление, т.е. постараются их запугать и потребуют забрать у меня заявления. И поняли мы, четверо депутатов, что своими силами нам просто не справиться. Я предложил передать заявления в отдел собственной безопасности ГУВД Ленинграда, но не напрямую, а через личное общение с начальником ГУВД Ленинграда и Ленинградской области генерал – лейтенантом милиции Крамаревым Аркадием Григорьевичем.

На следующий день, следуя договоренности, направились к намеченной вчерашним днем цели – зданию ГУВД. На автобусе переехали дамбу и вышли на конечной остановке у метро «Черная Речка». Дальше – опять на метро до станции «Невский проспект», где по переходу перешли на другую линию до станции «Чернышевская». Однако, двое из нашей «великолепной четверки», вероятнее всего, смалодушничали и попросту сбежали – растворились в толпе. Остались я и Соколов – рабочий парень, строитель дамбы. Вышли из метро и через двадцать минут оказались у Большого дома на Литейном проспекте, 4.

Девятиэтажное здание, выложенное коричневым мрамором,

ром, возвышалось над остальной многоэтажной архитектурой города. Поднялись по гранитным ступенькам, и пройдя через трехметровые двойные двери, оказались в огромном холле, где справа в ряд стояли три стола. За столами сидели милиционеры в звании сержантов и записывали всех обращающихся граждан, на столах – телефоны, по которым сержанты милиции все время кому-то названивали и кого-то вызывали. Мы с Соколовым в живой очереди прождали не более трех минут. Сержант с внимательными и добродушными глазами спросил нас о причине визита в ГУВД, и к кому намереваемся обратиться. Коротко доложили, что мы, депутаты из Кронштадта, пришли с заявлениями от граждан по факту вымогательства денег, систематических физических и моральных оскорблений работниками Кронштадтского районного отдела внутренних дел заявителей и многого другого разного, о чем и просим доложить о нашем прибытии начальнику ГУВД Крамареву. Показали сержанту свои удостоверения и заявления от граждан.

Сержант кому-то позвонил, думаю, звонок был адъютанту Крамарева. Ждать пришлось минут пять, после чего по широкой лестнице спустился высокого роста капитан и направился прямо к нам. Поинтересовался нашими фамилиями, и изучив депутатские удостоверения, попросил следовать за ним. Поднялись на второй этаж, вошли в приемную генерала, где сопровождающий попросил нас подождать, а сам вошел в кабинет начальника ГУВД генерал-лейтенанта Кра-

марева Аркадия Григорьевича, что мы с Соколовым прочли на бронзовой таблице на его дверях. Через две минуты он пригласил нас в кабинет. Аркадий Григорьевич сидел за столом, но увидев нас, встал и направился к нам, поздоровался с каждым за руку. Крамарев – стройный плотный мужчина лет пятидесяти, выше среднего роста, с умным, но уставшим взглядом. Я еще подумал про себя, что «тяжела шапка Мономаха», а мы еще принесли тебе в нагрузку наши заявления. Аркадий Григорьевич предложил кофе, печенье... Мы согласились, и разговор стал клеиться. Я передал ему кипу заявлений пострадавших граждан, и пока мы с Соколовым пили кофе, он их внимательно прочел. Затем молча встал из-за стола, и, ничего не объясняя, закрыл входные двери в свой кабинет на ключ.

– Руслан Георгиевич, – обратился Крамарев ко мне, – эти заявления очень серьезны и требуют дополнительной проверки. Вы со мной согласны? И еще, уверены ли Вы в правдоподобности того, что в них изложено? Вот, скажем, Саркисов, мастер-строитель, пишет, что сотрудники Кронштадтской милиции трижды вывозили его за город, отняли ручные часы, обручальное кольцо, вытащили деньги из карманов. Может быть, они были не сотрудники вовсе, а просто переодетые преступники в милицейской форме?!

– Аркадий Григорьевич, – отвечал я ему, – Саркисов знает этих сотрудников в лицо, знает каждого по фамилии и имени, он их мне из машины показывал и фамилию каждого на-

зывал.

– А вот рабочий Колянну Василий утверждает, что его вначале к креслу ремнями привязали и избили, затем на наручниках подвесили к крюку на потолке на пол часа и повредили ему нерв, да так, что кисть теперь не функционирует. Руслан Гергиевич, Вы сами- то верите тому, что Колянну написал? – вновь обратился Крамарев ко мне.

– Колянну Василий лично знает в лицо и по фамилиям всех троих сотрудников, которые его пытали. Они после пыток заставили его водку купить и пить заставляли, запугивали, чтобы он никому не рассказывал о том, что с ним в милиции делали. Но это не самое страшное, Аркадий Григорьевич. Ведь, когда его ремнями привязали к креслу и по животу, и по почкам били кулаками, первым исполнителем и руководителем истязаний был заместитель начальника милиции подполковник Алексей Петрович Николаев. Остальные пять заявителей тоже испытали на себе «всю прелесть» пыток на кресле. И по всем случаям проходит подполковник Николаев, как руководитель и непосредственный участник истязаний. Но посмотрите, товарищ генерал- лейтенант, ни в одном заявлении фамилия Николаева не фигурирует. Это мы вчетвером решили, фамилию его до встречи с Вами не упоминать. Потому и пришли к Вам на закрытый разговор.

Но и это еще не все. Два месяца назад на его злополучном кресле побывал и наш депутат – капитан второго ранга Залезный и был лично избит Николаевым. Я недавно сам про-

верил вытрезвитель в Кронштадтском РОВД и видел уже два кресла с ремнями на ноги, на руки и на шею, так что рабочие точно указали их расположение и исполнителей. А что касается поврежденной кисти Коляну, я Василия показал неврологу Кронштадтской поликлиники, она синдром сдавления подтвердила.

– Руслан Георгиевич, Вы, пожалуйста, никому больше не рассказывайте информацию по фактам, изложенным в заявлениях, поверьте, мы проведем самое тщательное расследование, и виновные будут сурово наказаны.

– Аркадий Григорьевич, мы, несомненно, согласны, – отвечал я ему, – иначе зачем мы Вас побеспокоили своим присутствием. О заявлениях знают, кроме Вас, еще четыре депутата из нашей депутатской группы по проверке силовых структур. Двое сидят перед Вами, двоих наших товарищей мы предупредим, они молчать умеют и будут.

– Согласитесь ли вы передать эти заявления мне для проведения проверки по каждому из них? – обратился к нам генерал милиции.

– Конечно, – отвечали мы, – для этого и пришли, чтобы передать их Вам лично в руки.

Аркадий Григорьевич заверил нас, что проверка Кронштадтского РОВД начнется на новой неделе, а в ходе проверки рассмотрят и заявления граждан. На том и расстались. Крамарев нас не обманул, проверка деятельности Кронштадтского РОВД продолжалась всю новую неделю, одно-

временно рассматривались жалобы и заявления от граждан. И как результат: из милиции были уволены двенадцать сотрудников во главе с заместителем начальника. Начальнику милиции и руководителям отделов, всем без исключения, были объявлены строгие выговоры за халатное отношение к своим обязанностям.

Я более никогда не встречался с Аркадием Григорьевичем. После известных событий, вошедших в историю как Августовский путч 1991 года или ГКЧП, наш Кронштадтский районный Совет народных депутатов «распустили». В период событий Августовского путча и разгона Съезда народных депутатов и Верховного Совета Российской Федерации Крамарев Аркадий Григорьевич не допустил в городе Ленинграде серьёзных столкновений. С Анатолием Собчаком у Крамарева отношения не сложились, но, тем не менее, он оставался на посту начальника Главного управления внутренних дел Санкт-Петербурга и Ленинградской области с 1990 по 1994 год, одновременно исполняя обязанности начальника криминальной милиции ГУВД Санкт-Петербурга и Ленинградской области. В 1994 занял должность начальника факультета Высшей школы милиции Министерства внутренних дел Российской Федерации. Избирался депутатом Законодательного собрания Санкт-Петербурга в период 1994—2011 годы. Умер Аркадий Григорьевич в 2018 году в возрасте 80 лет. Похоронен с воинскими почестями на Серафимовском кладбище Петербурга (цен-

тральная аллея – героев России, генералов и адмиралов).

...Я вспоминаю один эпизод в кабинете Крамарева, когда мы с Соколовым собрались уходить, Аркадий Григорьевич вдруг выдал следующую фразу: «Что бы не произошло, все должно идти как положено». Думаю, что для Аркадия Григорьевича это было принципом жизни, а сломать его убеждения было практически невозможно.

Биография

Илаев Руслан Георгиевич, 09.03.1954 года рождения гор. Илаир Северо-Осетинская АССР, подполковник медицинской службы в отставке, врач высшей категории с 1997 года по специальности «Организация здравоохранения и общественное здоровье», с 1994 года «Заслуженный врач РСО-Алания», опыт работы руководящих должностях 23 года.

Образование:

1987- 1989г.г. Командный факультет руководящего медицинского состава при Военно- Медицинской академии им. С.М. Кирова (диплом с отличием);

1975- 1977г.г. Военно- Медицинский факультет при Горьковском медицинском институте;

1971- 1975г.г. Северо- Осетинский Государственный медицинский институт (4 курса);

1968- 1969г.г. Камбилеевская Средняя школа Пригородного района;

1964- 1968г.г. Школа интернат №4 г. Малгобек Чечено-Ингушская АССР;

1961- 1964г.г. Средняя школа с. Шатой, с.Ведено Чечено-Ингушская АССР.

Профессиональный опыт:

2006- 2022г. врач- методист ГБУЗ «Пригородная ЦРБ»
РСО- Алания;

2004- 2006г.г. управление здравоохранения при администрации местного самоуправления Пригородного района
РСО- Алания, врач- методист;

2002- 2004г.г. председатель комиссии ВТЭК при Министерстве труда и социального развития РСО- Алания;

Ленинградская военно- морская база:
с 2000г. военный пенсионер, подполковник медицинской службы в запасе.

1991- 2000г.г. начальник поликлиники Кронштадтского гарнизона;

1989- 1991г.г. флагманский врач бригады строящихся и ремонтирующихся кораблей г. Ленинград;

1983- 1987г.г. флагманский врач бригады кораблей охраны водного региона Кронштадтской дивизии;

1982- 1983г.г. начальник медицинской службы Береговой Базы Кронштадтской дивизии.

Черноморский флот:

1977- 1982г.г. четыре боевые службы в составе Пятой Средиземноморской эскадры;

1980- 1982г.г. начальник медицинской службы эсминца "Сознательный";

1979- 1980г.г. врач- хирург тяжелого крейсера "Жданов";

1977- 1979г.г. врач- хирург плавбазы подводных лодок на корабле управления "Виктор Котельников".

Общественная работа:

2006- 2018г.г. Председатель Общественного Совета при МВД России по Пригородному району РСО- Алания.

2006г. кандидат в депутаты Парламента РСО- Алания Пригородного района.

1998г. кандидат в депутаты Законодательного собрания Санкт- Петербурга;

1990- 1993г.г. депутат Кронштадтского районного Совета народных депутатов;

1983- 1987г.г. секретарь партийной организации, секретарь партийного бюро бригады кораблей ОВР Кронштадтской дивизии;

Принимал неоднократное участие в организации выборов компаний в законодательное собрание Санкт- Петербурга, в Парламент РСО- Алания по Пригородному избирательному округу.

Иные виды деятельности:

1998г. по настоящее время. Журналистика. Публиковался в газетах "Новый Петербург", "Вестник Кронштадта", "Северная Осетия", "Вестник Беслана", "Пульс Осетии", "Осетия Свободный взгляд", "Растдзинад", "Глашатай", "Южная Осетия", "Экран Владикавказа", "Территория 02".

В 2021 году вышла книга рассказов «Я служил на флоте»

В 2022 году вышла книга рассказов «Хмурый Ленинград»

В 2023 году вышла книга рассказов «Вехи прожитой жизни»

ни»

В 2023 году вышла книга рассказов «Кронштадтские этюды»

Награды:

28 марта 1978г. юбилейная медаль "60 лет вооруженных сил СССР";

13 января 1986г. медаль "За безупречную службу третьей" степени;

1987г. значок "Отличник здравоохранения";

04 февраля 1988г. юбилейная медаль "70 лет вооруженных сил СССР";

24 августа 1994г. заслуженный врач Республики Северная Осетия – Алания ;

30 марта 1996г. медаль "За отличие в военной службе" первой степени;

07 июня 1996г. медаль "300 лет российскому флоту";

19 апреля 1997г. звание "Ветеран военной службы";

07 апреля 1998 года юбилейная медаль «адмирал флота Советского Союза Кузнецов»

26 февраля 2007г. нагрудной знак "За содействие МВД" за участие в освобождении заложника Бекоева Г.Д., жителя с. Донгарон;

2008г. именные часы от Министра внутренних дел РСО-Алания за активную работу в Общественном Совете;

19 января 2023 года памятная медаль «1100 лет крещения

Алании»;

22 мая 2009г. почетная грамота Главы РСО- Алания за активное участие в ликвидации последствий гуманитарной катастрофы в Республике Южная Осетия;

2009г. почетная грамота начальника отдела информации и общественных связей МВД по РСО- Алания за активное участие в освещении событий и предоставление газете "Территория 02" МВД РСО- Алания своевременной и достоверной информации в период агрессии Грузии против Республики Южная Осетия в августе 2008г.;

26 мая 2009г. почетная грамота директора "Кабардино-Балкарского центра медицины катастроф" МЗ КБР за активное участие в организации экстренной медицинской помощи и своевременной эвакуации раненных из зоны боевых действий в период агрессии Грузии против Республике Южная Осетия в августе 2008г.;

10 июня 2009г. благодарность министра внутренних дел РСО- Алания за активную гражданскую позицию и формирование положительного образца сотрудника милиции;

07 мая 2009г. благодарность главы муниципального образования – Пригородный район за активное участие в оказании экстренной медицинской помощи в период агрессии Грузии против Республики Южная Осетия в августе 2008г.

24 января 2011 года благодарность Министра Внутренних дел по РСО- Алания.

03 декабря 2012 года благодарность Министра Внутрен-

них дел по РСО- Алания.

11 ноября 2013 года благодарность Министра Внутренних дел по РСО- Алания.

05 мая 2014 года благодарность Министра Внутренних дел по РСО- Алания.